

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 43 (205) 1994 г.

**Мы не можем ждать
милостей от природы
после всего, что с ней сделали**

**ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМА
НА НАШИХ СТРАНИЦАХ**

Удм 76878

МОСКВА

ВСТРЕЧАЕТ

PHILIPS

119048, Москва, ул. Усачева, 35А

Тел.: (7502) 224 1579 (ext)

(7095) 564 8319

(7095) 584 8323

Факс: (7502) 224 1579

(7095) 564 8319

Philips Consumer Electronics

В НОМЕРЕ

Политика

Таджикистан:
 конца войне не видно
Сергей Шаповал 4
 Таджикская оппозиция: что это такое и почему она воюет
Владимир Воронов 7
Женихи
Леонид Радзиховский 8
 Урок домоводства
Михаил Поздняев 11

Экономика

«Нашего мышьяка хватил бы всему миру»
 Беседа с Александром Цыганковым, заместителем начальника управления Министерства РФ по сотрудничеству с государствами—членами СНГ по проблемам финансирования 14
 «Зеленые клинья» грузят контейнерами
 Интервью с Александром Матросовым, главой Департамента инженерного обеспечения г.Москвы 16

Жизнь

Под парусом к чистой воде
Юрий Рост (фото автора) 17
 Покосившееся крыльцо
Роман Орлов 23
 Бирнамский лес пошел на нас
Алексей Дидуров 27
 Ночные бдения
Лариса Леонтьева, Дмитрий Быков 34
 Голос
Вера Павлова 37
 Третьяковка: осторожно, двери открываются!
Николай Малинин 39
 Торжество стекла и света
Вильям Мейланд 42
 Белые среди индейцев
Виталий Сундаков 44

Культура

Режиссер XXI века
 Валерий Тодоровский
Ирина Любарская 49
 Остается скорбное предчувствие
Дмитрий Савельев 51
 Буримейк
Алла Боссарт 52
 Здравствуйте, я художник...
Марина Георгиева 56
 Покрышкин русского глагола
Денис Горелов 58
 Тяжелое занятие
Аркадий Аверченко 61
 Дикie животныеe сказки
Людмила Петрушевская 62
 Собрание сочинений
Игорь Иртенъев 62

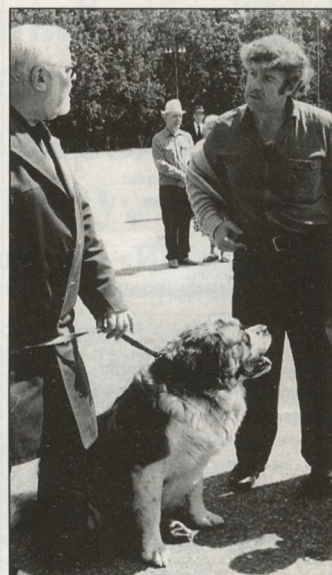
Письма 2
Цитатник 12
С миру по нитке 30
Дневник И. 54

На первой странице обложки фото Юрия Роста, дизайн С.Стыриковича

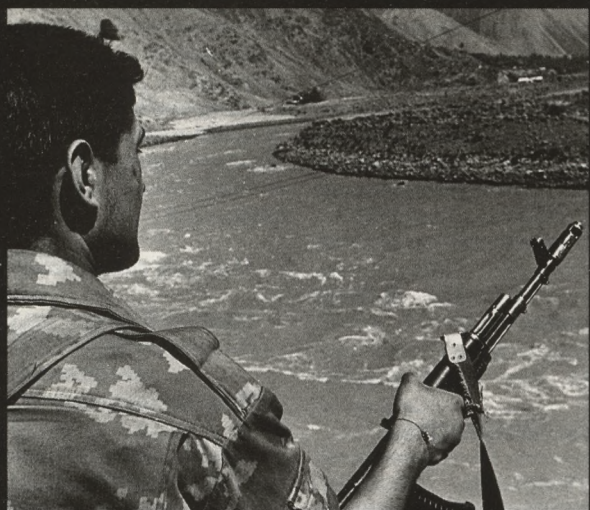
На ялтинском Кинофоруме Валерий Тодоровский вошел в номинацию «Режиссер XXI века»

49

Звери очеловечились, но не в лучшем смысле этого слова, а по нашему образу и подобию. Они стали нашим воплощением.

27

Интересы — российские, солдаты — таджикские

4

Несмотря на то, что музейный бум в России схлынул, Третьяковка все равно ждет очереди: она тоже по ней соскучилась.... Столковавшихся москвичей обещают запустить 14 декабря, к дню рождения основателя галереи.

39

В Евгения Евтушенко вселился задиристый озорной мальчишка. Кричи караул.

58

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 16
Телефоны: 200-43-43, 200-45-05
Телефакс: 200-44-88

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:
Андрей Мальгин
Заместители главного редактора:
Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский
Директор издательства:
Борис Рабкин
Ответственный секретарь:
Юрий Бугельский
Главный художник:
Владимир Васин
Отдел политики:
Александр Касатов
Отдел экономики и науки:
Елена Эрикссен
Отдел права:
Николай Бахрошин
Отдел искусств:
Татьяна Савицкая
Отдел литературы:
Дмитрий Быков
Отдел репортажа:
Владимир Грибанов
Отдел писем:
Наталья Туровская

Над номером работали:
К.Сегура, А.Пружинина, Р.Катеева

Номер подписан в печать 20.10.1994 г.
Тираж 100 000

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 200-38-45

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 200-33-43

© «Столица», 1994

Отпечатано в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.».

Верстка дизайн-бюро «KitArt»®

Одноразовые вещи

Никто не станет отрицать, что одноразовые шприцы — завоевание медицины во имя спасения наших жизней. А одноразовые туфли? Одноразовые носки? Одноразовые сапоги? Зонты? К чьим завоеваниям можно отнести их появление?

Боюсь, что к великим «победам» наших работников внешней торговли, занимающихся закупкой товаров за рубежом. Именно они «радуется» нас английскими сапогами, которые, оказывается, нельзя носить в сырую и холодную погоду — иначе они трескаются прямо за день-два, итальянскими мужскими ботинками, у которых подошва отклеивается после первого дождя, китайскими носками, разлезающими в ключья после первого и последнего в своей жизни дня, проведенного на ногах владельца. А китайские зонты с дырками? А китайская же паста, тюбики с которой покрываются ржавчиной после непродолжительного хранения?

Вы скажете: «Не нужно покупать с рук и в палатках». Ничего подобного, все вышеперечисленное куплено самым законным образом в Доме обуви, в «Весне» на Новом Арбате, в универсамах Москвы...

Просто товары, кроме ярлыков и чеков, забыли снабдить еще одной, самой необходимой этикеткой, где крупными буква-

АЛЕКСАНДР ЗАЯЦ

ми должно быть написано: «Для одноразового пользования». Тогда не возникнет ни вопросов, ни претензий. А господа, делающие для нас закупки за рубежом, уверен, никогда сами ими не пользуются. Они-то хорошо знают, что к чему.

В.Левин

Москва

Есть меценаты!

Получили сокрушительный удар клеветники, утверждающие, что нынешние богатеи ничем не хотят помочь культуре. И нанесла удар отличная компания... от других — «Хопер Инвест».

Компания объявила конкурс на разного рода поэтические произведения в ее честь. Хорошо это? Даже очень. Подвела итоги? Подвела. Призы хорошие? Ого!

«Первое место и автомобиль заработала Галина Николаевна Ткаченко за такую миниатюру:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья —
Пример — «Хопер»,
им можно верить.*

Немного старания, таланта и удачи — и этот автомобиль мог стать вашим. Жаль, что простая эта мысль не посетила вас вовремя». (Газета «Вечерний Ставрополь» от 13 августа с.г.) А ведь и в самом деле — жаль! Ежели таким образом зарабатывать автомобили, можно в короткий срок пустить по миру и Форда, и Каданникова. Ведь рецепт-то простенький: берется созданное в прошлом веке произведение великого Ф.Тютчева («немного таланта»), три строки оставляются неизменными, а в четвертую при помощи кувалды заготавливается слово «Хопер»

(«немного старания»). И автомобиль ваш («немного удачи»).

Согласен! — кричу я добрым людям из «Хопра». Вот вам гимн, созданный в содружестве с А.Пушкиным:

*Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
В «Хопер Инвест» стопы направил,
И лучше выдумать не мог.*

Тянет на «мерседес»? По-моему, вполне. А вот что мы вместе с М.Лермонтовым соорудили:

*— Скажи-ка, дядя,
ведь не даром
Москва с таким
любовным жаром
«Хоперу» отдалась?
Есть, значит, стати
в нем мужские,
Да, говорят, еще какие!
Не даром же и вся Россия
Тем чарам поддалась.*

Предложить мне за это меньше «роллс-ройса» просто позорно! Однако рванем ближе к современности. И вот что получилось у нас с В.Маяковским:
«Хопер» —
*это миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
«Инвестом»
миллиарды к небу взмечем,
держа
и вздымая друг друга.*

За это я и «Волгой» могу обойтись. Не стоит все-таки переоценивать советскую литературу.

А еще я мог бы поработать вместе с Блоком, Евтушенко, Вознесенским и многими, многими другими. Сговоримся?

P.S. Чуть не забыл существенную подробность. В сообщении компании «Хопер Инвест» сказано: «Для того чтобы квалифицированно разобраться в поэтических экспериментах своих авторов, «Хопер»

пригласил знаменитых Александра Иванова, Юлия Гусмана, Александра Ширвиндта. Их слово и стало решающим в определении победителей». Неужто — правда?

В. Белоусов

Ставрополь

В Москву — за книгами

Бедные наши дети пошли в школу. Почему бедные? Потому что бедные — и все тут. И даже не оттого, что у мамы с папой нет лишних ста тысяч ребенку на одежку — в форме-то теперь даже дураки не ходят! — а истинно потому, что поблагодарить им за свое «счастливое» детство некого. Страна экономику налаживает, ей не до детей.

Итак, в школу! Ну, стерженьки не пишут да обложки на тетради не наклеивают — это полбеды. Обложки для книг вообще не на что натягивать — учебников нет! Вот где горе! Нет ни в школе, ни в магазине. Издательства разорились, типографии остановились, образование закончилось.

Но мы, несгибаемые и привыкшие к трудностям своего бытия учителя и родители, все же выяснили, что есть в Москве такой институт МИРОС, который учебники школьные печатает. Пусть пока не по всем предметам, но уже довольно много имеет их в продаже — в институте есть свой магазин. Мы дозвонились туда, с трудом прорвавшись через постоянную занятость линии, и тронулись в дорогу. Скинулись, кто сколько мог, и поехали.

И мы привезли детям книги! Брали и для своих, и для знакомых — всем же нужно, все просили-умоляли. Кто купил по 5 экземпляров «Истории», кто — по 10, купили «Химию»,

«Геометрию», «Биологию», «Русский язык». В общем, все, что было. И назад.

Дочка взяла в руки «Притчи» А. Княжицкого и замерла. «Ой, мама, — говорит, — спасибо!»

И вам спасибо, люди добрые, что о наших детях позаботились. Теперь они дальше учиться смогут. Пока. В следующем году, Бог даст, снова в Москву поедет. За книгами. Дорогу знаем.

Л. Петрова

Владимир

Вокзал для пассажиров

Маленькое размышление Николая Бахрошина на тему «Базар-вокзал» в 36-м номере «Столицы» довольно достоверно и точно передает сложившуюся ситуацию. Однако, на мой взгляд, не совсем полно.

Да, на наших вокзалах — ужас и грязь. Но все же улучшение, пусть маленькое, здесь наступило после введения нового порядка и строгого контроля: пропускают к поездам дальнего следования только пассажиров с билетами и купивших перронный билет. Когда-то в России только так и было, и очень хорошо, что мы пытаемся возродить этот порядок.

Конечно, нашим вокзалам до прежних российских далеко. И выход со станции метро «Комсомольская» — тот еще выход... И площадь трех вокзалов увидишь — содрогнешься. Но вот я смотрю, на Киевском стало значительно чище и приличнее. Рижский вообще иногда радует глаз. Не так устрашает даже Павелецкий.

Так что мы все же движемся вперед. Медленно, конечно, с большими остановками, с авариями в дороге — но все-таки вперед. Жаль, что Н. Бахрошин этого не увидел.

В. Коротков

Москва

ИНТЕКС

Двухэтажный 6-комнатный жилой дом

Если Вы хотите построить загородный дом или реконструировать квартиру,

Вам поможет объединение «Интекс» — крупнейшая московская строительная фирма.

«Интекс» располагает собственной строительной базой, современной строительной техникой. В состав объединения входит завод стройматериалов, проектно-конструкторское бюро, фирменный магазин строительных материалов.

Группа недвижимости «Интекса» поможет Вам приобрести земельные участки в наиболее престижных местах Подмосковья, квартиры в Москве.

Высокая квалификация персонала и устойчивая репутация фирмы определяют контингент заказчиков, в числе которых самые известные люди России.

**Лучшие традиции
российского строительства**

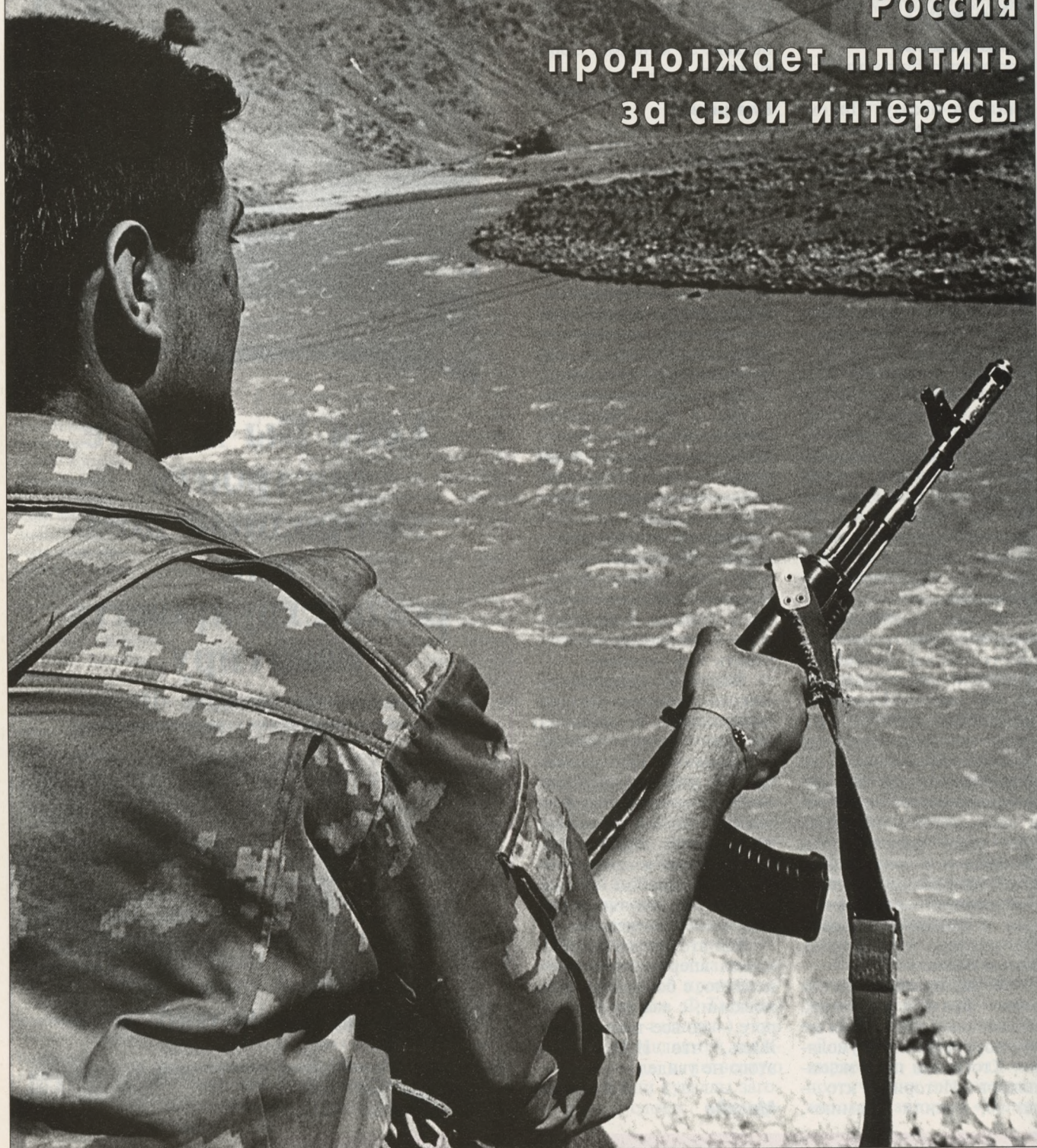
Объединение ИНТЕКС

Телефоны: (095) 180-40-31, 180-92-80.

Магазин строительных материалов: ул. Кольская, д.7 (метро «Свиблово»). Работает с 10.00 до 18.00 (кроме понедельника). Телефон: 180-42-91.

Таджикистан: конца войне не видно

Россия
продолжает платить
за свои интересы

Сергей ШАПОВАЛ

«Представьте себе, что сегодня таджико-афганская граница окажется открытой. Что будет с Россией? Ведь откроются шлюзы для всех бандформирований, исламистов экстремистского толка. Они же сразу окажутся на Урале».

Посол Российской Федерации в Республике Таджикистан Мечислав Сенкевич

«В столице Таджикистана, городе Душанбе, несколько сот российских офицеров живут в гостинице «Таджикистан», проводя ночи за бутылкой водки и порой устраивая шумные скандалы в баре на первом этаже. Подобное громкое и многочисленное присутствие вызвало бы недовольство граждан многих оккупированных стран, но в Таджикистане большинство людей благодарны русским за то, что они положили конец гражданской войне».

«Уолл-стрит джорнэл», 2 сентября 1994 г

«Нерушимость границы Таджикистана оберегает нерушимость границы России, равно как и Украины, Белоруссии и других стран, еще недавно составлявших единую государственную общность».

Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II

«Если русские военные отсюда уйдут, этот режим не продержится и недели».

Таджикский интеллектуал в приватной беседе

«Мы стремимся соблюдать нейтралитет в этих конфликтах: теоретически это наилучшая модель поведения. Однако в жизни придерживаться этого принципа очень трудно. В армии есть разные люди, включая преступников, торгующих оружием».

Командующий Коллективными миротворческими силами в Республике Таджикистан генерал-полковник Валерий Патрикеев

Москва достаточно благодатное место во многих отношениях, а уж для понимания таджикских перипетий вовсе замечательное. Здесь практически все и всем ясно: погранвойска защищают границу. Миротворческие силы, не участвуя в боевых действиях и не вмешиваясь в политику, стоят в Таджикистане и в случае гражданской войны будут разводить воюющие стороны. Оппози-

ция рвется к власти, потому и воюет. Правительственные войска Таджикистана доблестно отражают все нападения бандформирований. А на полях — хлопковая страда.

Приняв эту схему и повстречавшись с представителями названных сил, можно сделать несколько душещипательных репортажей: о трудностях и героизме пограничной жизни; о благородной миссии наших ребят из миротворческих сил в жаркой, далекой от России стране; и, конечно же, о боевом духе и доблестных победах таджикской армии. Но если попробовать, не проявляя политологического зазнайства, задаться бесхитростными вопросами: какую границу защищают российские пограничники? в чем не декларированные, а реальные функции миротворческих сил? каковы взаимоотношения между этими российскими военными образованиями? что такое правительственные войска? что такое оппозиция и чего она хочет? — то реальность начинает двоиться, а то и трояться, и вопросов возникает еще больше, а вот ответы так легко, как в Москве, не даются.

«За нами Россия!»

Ответ на вопрос, чья здесь граница и что будет, если российские погранвойска с нее уйдут, я попытался получить у высокопоставленных лиц. Ответ был в основном стандартным: если наши ребята покинут эти рубежи, наркотики и банды, которые сплошным потоком пойдут через открытую границу, окажутся... здесь были вариации: на Урале, под Москвой и даже под Архангельском. Вопрос о принадлежности границы оказывался более сложным, поэтому чаще всего приходилось слышать: мы защищаем интересы России. Правда, в последнее время изобрели странное, но спасительное понятие «граница СНГ».

Ответ на вопрос о границе я хотел получить и от действующих офицеров, стоящих непосредственно на ней. Такая возможность предоставилась, когда с группой журналистов я прилетел в Московский погранотряд. Спрашивать не пришлось, потому что в первые же минуты пребывания мы все получили четкий и убедительный ответ от начальника этого отряда подполковника Василия Масюка: «Друзья мои, Россия за нами. Мы здесь стоим за Россию».

В тот же день мы оказались на знаменитой 12-й заставе, носящей теперь имя двадцати пяти героев (25 человек погибло в июле прошлого года, когда застава была разгромлена). Зрелище более чем удручающее. Уже больше года люди (5 офицеров и 170 солдат) живут под землей в блиндажах. Солдатское жилище представляет из себя яму, покрытую бревнами, в ней спит 4—6 человек. Моются в «душе» — обтянутый полиэтиленовой пленкой каркас с бочкой воды над ним (а как зимой?). Гора, где застава расположена, имеет высоту около 1,5 тысячи метров и покрыта мельчайшей глиняной пылью, в которую проваливаешься по шиколотку. Растительности никакой, летом — зной, зимой —

снег по пояс и мороз до 25 градусов.

На территории заставы стоят минометки и артиллеристы — первые принадлежат пограничным войскам, вторые — миротворческим силам. Минометные обстрелы имеют плановый характер: в тот день план был 90 мин. Нашим прилетом мы приостановили стрельбу по предполагаемым местам дислокации противника. Офицеру, командующему минометчиками, я задал дилетантский вопрос: «Возможно ли, что вы бьете в пустоту?» Помявшись и оглянувшись, он ответил: «Возможно. Но это не наша проблема. Нам передают координаты, и мы стреляем». Начальник Московского погранотряда не без гордости рассказал, что часто используется принцип «красной трубы»: стрельба до тех пор, пока ствол миномета не раскаляется докрасна.

Разговаривая с исполняющим обязанности начальника заставы майором Виктором Богодуховым. Отличие от других офицеров при штабах радикальное — от общих вопросов его перекашивает: «Я здесь думаю, как окопаться на зиму, а не об интересах России».

— Говорят, что в случае ухода отсюда российских пограничников в Россию хлынет поток наркотиков и волна преступности докатится до Архангельска. Что вы думаете по этому поводу?

— И вы этому верите?

— Я у вас об этом спрашиваю: что будет, если вы отсюда уйдете?

— А ничего не будет.

— А как же рассказы командования о скоплении на границе многотысячных отрядов оппозиции? Речь шла даже о десятках тысяч?

— Да в Таджикистане столько мужиков не наберется! Мы сталкиваемся с небольшими группами по 20—30 человек.

— Как долго это может продолжаться?

— Такие войны навсегда.

Одна деталь, бросившаяся в глаза, но не сразу показавшаяся странной: подавляющее большинство солдат на заставе — таджики. По дороге обратно вспомнилось: «За нами Россия».

Интересы — российские, солдаты — таджикские

После встречи в Душанбе с командующим группой пограничных войск России генерал-лейтенантом Анатолием Чечулиным многое прояснилось. Оказывается, 66 процентов военнослужащих в погранвойсках — таджики, Россия не в состоянии укомплектовать пограничные войска. Таджикские солдаты подписывают бумагу с обязательствами, обещая на этот период выполнять приказы российского командования. На вопрос, не вносит ли неразбериху то обстоятельство, что в российских войсках служат солдаты, присягнувшие другому государству, Чечулин ответил, что достойный сын своей страны имеет право ее защитить. Однако признал, что проблемы

ИЛЬЯ МОРДВИНКИН

существуют. Неуставные отношения стали строиться не в зависимости от года службы, а по национальному признаку, да еще и с учетом того, из какой области солдат родом (в условиях тлеющей гражданской войны — это весьма существенный и небезопасный фактор). Другая проблема — таджикские солдаты бегут из армии. Здесь и возникает правовая неразбериха. Поиском и наказанием дезертиров могут заниматься только таджикские власти, но они в этом деле проявляют неспешность. По фактам побегов было возбуждено 202 уголовных дела, а до суда дошло лишь одно. Кроме того, по словам Чечулина, были случаи поимки внедренных оппозицией людей и даже факты вредительства.

Сложность ситуации пограничников имеет еще одно измерение — «нравственно-техническое». По ту сторону границы оказались не только амбициозные мужчины, готовые с оружием в руках и с наркотиками за плечами преодолевать кордон, но и лишенные войной крова женщины, дети и старики. Доведенные до отчаяния в лагерях для беженцев в Афганистане, люди пытаются вернуться в родные места, переходя Пяндж вброд или же переправляясь на плоту. Существует немало рассказов о том, как они попадают под обстрел пограничников. Однако генерал Чечулин решительно заявил, что пограничники обстреливают только вооруженных людей, наличие же оружия выявляется с помощью оптических приборов. Журналисты, побывавшие на заставах, могли убедиться в качестве оптики, часть которой служит со времен Великой Отечественной. Командующий признал, что действительно «с качеством оптических приборов проблема существует».

...В июне я побывал на 8-й заставе более спокойного, по сравнению с Московским, Пянджского направления. Один из пограничников рассказал мне о системе работы заставы. Машины, чтобы настигнуть нарушителей, если таковые обнаружены с вышки, на заставе нет. Поэтому, если группа оказывается небольшой, то ее переход просто фиксируется с указанием числа и количества, если же группа большая (от 10 человек), ее накрывают огнем артиллерии. Бывали и эксцессы. Пьяному командиру артиллеристов 201-й дивизии, стоящих на заставе, однажды взгрустнулось, и он велел пальнуть на ту сторону. Последовал ответ. Потом все слышали сообщение об очередном обстреле российских пограничников.

Что мир творить — что водку пить

Коллективные миротворческие силы (КМС) созданы по соглашению глав государств СНГ осенью прошлого года. Первоначально в их состав входили воинские подразделения Таджикистана, что противоречило Уставу ООН. Поэтому КМС международными организациями признаны не были. И даже после выведения таджикских войск из их состава миротворческий статус КМС для мирового сообщества остается под вопросом. Сейчас они базируются в российской 201-й мотострелковой дивизии плюс по одному батальону в разных регионах страны от Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Задачи КМС: разведение воюющих сторон в случае необходимости и поддержка пограничников.

На этапе их создания много говорили об укреплении границы, и действительно была в том нужда. Попытка выяснить, каковы взаи-

моотношения между пограничниками КМС сейчас, принесла некоторые неожиданности. Ответ генерала Чечулина оказался достаточно резким: «Говорить сегодня о каком-то предопределяющем участии миротворческих сил в решении ситуации на границе не приходится. Мне кажется, эта структура (КМС. — *Авт.*) и по целям и по формам довольно аморфна, неконкретна и в чем-то даже необязательна. Ведь общая задача, возложенная главами государств СНГ — стабилизация обстановки в Таджикистане, — подразумевает все и в то же время ничего. ... Тяжесть ответственности за охрану границы полностью лежит на пограничниках».

Миротворческие силы на 75 процентов укомплектованы контрактниками, и это создает отдельные проблемы. В армию хлынули бомжи, люди с судимостями, алкоголики, а иногда и просто психически больные. Полковые офицеры говорили мне, что часто опасаются своих подчиненных больше, чем боев на границе, — легко можно получить пулю в спину. Побывав в полку 201-й дивизии, расположенном в Курган-Тюбе, я убедился, что контрактники способны поколебать порядки даже такого, казалось бы, незыблемого института, как армия. По территории вразвалку ходят расхристанные, слегка выбритые, часто экзотично одетые военнослужащие, а офицеры при этом их в упор не замечают. Ребятам, продающим напротив части водку, приходится работать допоздна.

Когда-то Карамзин на вопрос, что происходит в России, ответил — воруют. На аналогичный вопрос о наших миротворцах я бы дерзнул ответить — пьют. В этом легко мог убедиться каждый, кто побывал в вечернее время у гостиницы «Таджикистан» в Душанбе, где живут многие офицеры из КМС. Но насчет шта-

бистов можно не беспокоиться: утром будет на работе, а задержится — ничего страшного. Значительно страшнее, когда оказываешься на БТРе с пьяными офицерами, едущими на границу. Впервые ехал я на таджико-афганскую границу не без внутреннего трепета. Ситуация обернулась самой большой пошлостью: миротворцы, приехав на заставу, перепились, а их комбат просто вырубился на несколько часов, отчего не состоялась обещанная поездка еще на одну заставу.

После возвращения в Душанбе в разговоре с одним офицером из командования миротворческими силами я робко заметил, что военные, кажется, многовато пьют. Он ответил, что я должен их понять: деньги есть, досуг не заполнен и работа опасная. В общем, все верно. В афористической форме эту проблему сформулировал один офицер в Московском погранотряде: «Надо отсюда уезжать, а то сопьешься».

По словам командующего КМС генерал-полковника Валерия Патрикеева, за одиннадцать месяцев присутствия в Таджикистане около 20 военнослужащих миротворческих сил погибли, «но не в боестолкновениях, а при различных обстоятельствах, став жертвами террора или несчастных случаев».

Армия будущего

Войска Министерства обороны Таджикистана на сегодняшний день — образование несколько странное и весьма незавер-

шенное. Начнем с того, что министр обороны русский. Многие офицеры таджикской армии также россияне, служащие по контракту. Полевые командиры, принимавшие участие в гражданской войне и выигравшие ее, сейчас получили воинские звания и со своими ребятами вошли регулярными частями в таджикскую армию. Министерство обороны Таджикистана испытывает все большие трудности с набором новобранцев. Проблему эту решают старым проверенным способом — облавами в кишлаках, на рынках и в других людных местах. Недавно был высказан прогноз, что таджикская армия в нормальном виде может быть сформирована не раньше начала будущего века. Многие свидетельствуют о том, что он излишне оптимистичен.

«Неправильная» часть «правильного» народа

К сожалению, гражданские войны не заканчиваются ничьей. Их последствия не исчерпываются лишь политическим урегулированием. После того как я побывал в районах, прилегающих к Курган-Тюбе, где шли самые страшные бои, откуда из разрушенных домов бежали люди, стало ясно, что оппозиция — это не только идеологи, не только боевики, а все проигравшее в этой войне население. Какова его численность, сегодня неясно. Режим победивших вовсе не заинтере-

сован ни в выяснении количества погибших, ни в восстановлении имущественного статуса, ни тем более в смягчении психологических последствий войны. Привыкнут — ведь миротворцы рядом.

Разрушено огромное количество домов (по некоторым оценкам, около 17 тысяч), некоторые кишлаки «компактного проживания проигравшей стороны» стерты с лица земли, а многие благоустроенные квартиры со всем скарбом уже два года принадлежат новым хозяевам. В Курган-Тюбе мне показали женщину, вернувшуюся с детьми и ютящуюся неподалеку от своего бывшего дома. Каждый день она видит, как жена «победителя» ходит в ее платях.

Если даже малая часть населения Таджикистана, как утверждают чиновники из российского МИДа, поддерживает оппозицию, то эта малая часть — часть народа. Фактически российский войска, так уж получается объективно, оказались МЕЖДУ частями расколотившегося народа. В связи с этим вопросы: чья здесь граница? кого примиряют миротворцы? и в чем заключаются интересы России в этом регионе? — могут стать предметом для изощренных споров и поисков все новых объяснений очень надолго.

«Все войны заканчиваются миром», — сказал генерал Патрикеев. Остается вопрос — когда?

Таджикская оппозиция: что это такое и почему она воюет

Своей точкой зрения на эту проблему с нашим корреспондентом поделился эксперт межтаджикских переговоров Олег ПАНФИЛОВ.

По словам эксперта, таджикская оппозиция едина, хотя как бы подразделяется на три части: первая — члены оппозиционных партий и движений и сочувствующие им люди, которые продолжают жить в Таджикистане и постоянно подвергаются репрессиям. В основном они представляют Демократическую партию, Исламскую партию и народное движение «Растохез». Вторая — так называемая умеренная оппозиция, собственно политические деятели, входящие в Координационный центр демократических сил Таджикистана в странах СНГ. Эта организация базируется в Москве. Третья часть оппозиции — Движение исламского возрождения — базируется в северных провинциях Афганистана.

Координационным центром в Москве руководит бывший председатель Союза журналистов Таджикистана и бывший вице-премьер таджикского правительства в 1989—1990 гг. Отахон Латифи.

Движение исламского возрождения возникло на территории Аф-

ганистана в марте 1993 года, его возглавляет бывший религиозный диссидент, отсидевший несколько лет в сибирских лагерях, Саид Абдулло Нури, его заместителями являются бывший глава духовного правления мусульман Таджикистана Акбар Тураджонзода и председатель Исламской партии Таджикистана Мухаммадшариф Химмадзода.

Московский Координационный центр представляет из себя обычную общественную организацию. Движение исламского возрождения — большей частью военизированная организация, имеющая хорошо подготовленную армию и армейскую структуру. Эти вооруженные силы и ведут боевые действия на таджикской территории, базируясь в Афганистане. Армия подразделяется на несколько бригад, три из которых в настоящий момент воюют в глубине Таджикистана. По оценкам специалистов, боеспособность повстанческих формирований намного выше правительственных войск. Прошедшим летом оппозиционные войска нанесли ряд тяжелых поражений подразделениям душанбинского правительства.

У оппозиционеров гораздо более серьезнее поставлена подготовка военных кадров, среди них немало бывших офицеров Советской Армии и МВД, контрразведку же возглавляет бывший офицер КГБ. Заявления командования российских погранвойск об участии в боях на стороне оппозиции иностранных наемников «арабского происхождения» фактами не подтверждены.

Самый большой политический успех оппозиции — подписание Временного соглашения о прекращении огня, предложенного именно ими, а не Душанбе. Цели различных антиправительственных движений практически совпадают: строительство демократического светского государства. Движение исламского возрождения готово подписать любой документ, в котором брало бы на себя обязательства в течение 50 лет вообще не говорить о строительстве теократического государства. Оппозиционные организации выступают против проведения выборов 6 ноября, так как в Таджикистане не существует свободы действий политических партий — за исключением коммунистической, все они запрещены. Запрещена и свободная пресса, в тюрьмах находятся десятки политических заключенных. Взаем выборов на переходный период оппози-

ция предлагает создание Государственного совета, в который входили бы представители всех регионов и всех партий (в данный момент властные структуры захвачены выходцами из одного района Кулябской области). Противники душанбинского режима выступают за сохранение российского военного присутствия как фактора стабильности при одновременном разоружении всех местных вооруженных формирований — и правительственных, и антиправительственных. Единственное условие оппозиции — военное присутствие России сохраняется лишь при полной смене офицерского состава российской войска, т.е. удалении из Таджикистана тех российских военных, кто принимал участие в боевых действиях на стороне душанбинского режима.

По мнению Олега Панфилова, российские военные не жаждут воевать и вполне согласны с выдвигаемыми оппозиционерами условиями. В сохранении же конфликта очень заинтересованы высшие чины Федеральной пограничной службы России и некоторые российские политики, которых устраивает сохранение тоталитарных марионеточных режимов в бывшей советской Средней Азии.

Владимир ВОРОНОВ

Женихи

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто? Ведь тут только всего пять, а ты говорила шесть.

Фекла. Да неужто тебе еще мало? Смотри ты, как тебя вдруг поразобрало, а ведь давеча было испугалась.

Н.В.Гоголь. Женихья

«Поразобрало» ли Россию?

Один из возможных женихов — В.Ф.Шумейко — уверяет, будто нет. Какие там выборы президента! Бред, сон, наваждение... И в 1996-м — не нужно, и вообще ни к чему... Он выступает в роли Кочкарева. Правда, не Кочкарева, который сватает Агафью Тихоновну, а Кочкарева, уговаривающего ее держаться раз навсегда сделанного выбора.

«Кочкарев. Ясно отчего. Иван Кузьмич человек... ну, просто человек... человек, каких не сыщешь.

Агафья Тихоновна. Ну, а Иван Павлович?

Кочкарев. И Иван Павлович дрянй! все они дрянй.

Агафья Тихоновна. Будто бы уж все?

Кочкарев. Да вы только посудите, сравните только: это, как бы то ни было, Иван Кузьмич; а ведь то, что ни попало: Иван Павлович, Никанор Иванович, черт знает что такое.

Агафья Тихоновна. А ведь, правда, они очень... скромные.

Кочкарев. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народ. Охота же вам быть прибитой на другой день после свадьбы».

Вообще-то, как посмотришь, как играют плечами такие женихи, как Владимир Вольфович или Александр Владимирович, призадуматься...

«Агафья Тихоновна. Ах, боже мой! Уж это, точно, такое несчастье, хуже которого не может быть».

Вместе с тем, коль уж выбирать жениха — так все-таки — мужчину, а не облако в штанах! Кому нужен какой-нибудь фетюк...

Чего же хочет Россия от своих женихов?

Известно, что президентов выбирают по ТВ (как это делали до ТВ-эры — уму непостижимо). Впрочем, я не совсем прав. Выби-

рают, как водится, по любви, по ощущению. А вот ощущение складывается — из ТВ, чьих-то случайных слов, обрывка газеты, в которую заворачивал курицу, какого-то анекдота.

Странный ворох. От Лигачева осталась фраза «Борис, ты не прав» (которой он, кстати, дословно не произносил), от Горби — пятно и «процесс пошел», от Ельцина — «шта-а?!», от Бурбулиса — фамилия, от Хасбулатова — «злой чечен», от большинства — и вообще ничего не осталось.

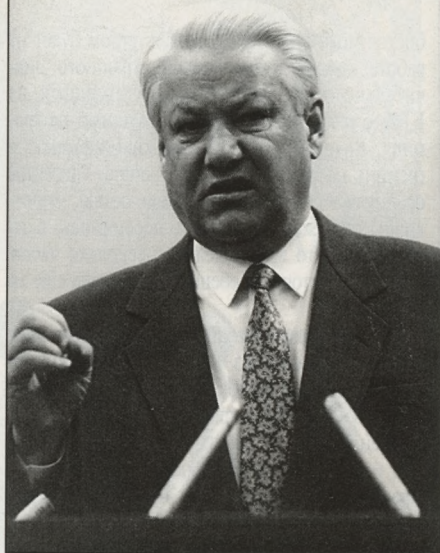
Как свести все это воедино, найти общий знаменатель? «Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою на службу и в отставку, и в Петербург, и на край света... Произнесенное метко, все равно что писаное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а все сам самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как насадка цыплят, а влепливает сразу, как паспорт на вечную носку, и ничего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, — одной чертой обрисован ты с ног до головы!»

Но ведь и сама эта «одна черта» включает в себя очень многое. Что нужно, чтоб тебя запомнили, чтоб врезался? Сам народ определяет его одним словом — «крутость». Жених должен быть крутым. Кто круче — тому и водить. Хорошо. А что входит в крутость (К)? Предлагаю формулу: $K = Л + Б + П + И + Х$.

Я говорю лишь о составляющих, а не о том, как они взаимодействуют.

Л — лицо, Б — биография, П — поступок, И — идея, Х — совсем не то, что вы думаете. Х — это можно понимать как «хобби», а можно просто как Икс, то последняя, неопределенная составляющая, которую в щепоть не ухватишь, но именно щепотка которой определяет и вкус, и запах жениха. А ведь все знают, что в брачных играх запах — основа основ.

Можно было бы провести опрос читателей. Пусть они по всем этим параметрам, по шкале от -10 (омерзение) до +10 (восторженная

страсть), прогоняют, скажем, таких кандидатов в женихи России, как Ельцин, Черномырдин, Шумейко, Рыбкин, Лужков, Гайдар, Явлинский, Рущкой, Лебедь, Травкин, Жириновский, Мавроди, Сажу Умалатова, Немцов, Анпилов, Б.Федоров, С.Федоров, Солженицын, Баркашов, Зюганов, Новодворская, Неверов, Боровой... Ну, хватит для первого раза?

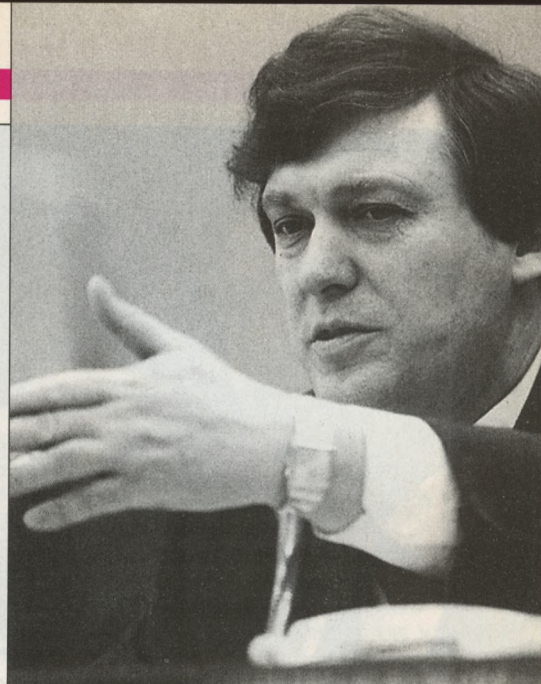
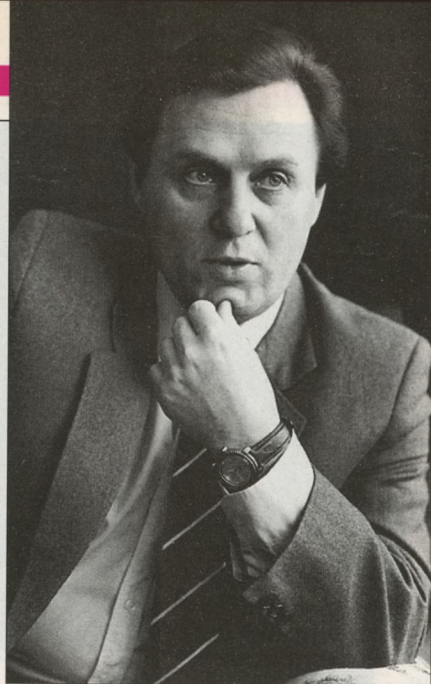
Я же покажу, как работает эта схема, на нескольких примерах.

ЛИЦО. Сюда входит, конечно, и весь «внешний вид», и манера. Президент, несомненно, начинается с вешалки.

В принципе, нынче все бриты, ногти чистые, заик не видно, по бумажке не читают (правда, недавно Рущкой «позволил себе» на патриотическом митинге). Значит, все эти детали опускаем. Лицо без особых примет — плохо! Такие лица, скажем, у Рыбкина, Черномырдина, Шумейко. Последнего, конечно, выручает богатая статья и красота. Но в том и беда, что его красота — слишком правильная какая-то. Мужика, любителя и любимца жизни и всех ее радостей, видно, это ласкает взгляд, но... По-моему, где-то не «цепляет».

Нет, тут нужно что-то иное...

Ельцин — медведь, даже, если хотите, — мядведь. Стать, но какая-то «не гладкая». Это — что надо. Рущкой — был бы слишком красив, но помогает контраст: седые волосы и черные усы. Это уж — наповал для всех марин сергеев и рит голубковых. Явлинский — хорошо, если бы в его весовой категории «юношей» и символов юности не лидировал Немцов. Григорий Алексеевич малость пообрюзг. В своем

роде недурен, а точнее, силен — Лужков. Видно не просто мужика — видно крутого. А вот Лебедь — это уж чересчур. Слишком «громобой».

Итак: политически-сексапильная внешность — штука хитрая. К оделону «Коти» добавить немного «Шипра» и просто мужского здорового пота — выборы ведь штука демократическая. В нормальном сексапиле сдвижку сделать не на бархатные глаза и кошачьи манеры, а на грубоватость, «стисну — хрустнет».

БИОГРАФИЯ. В нормальных странах такая, какая нужна для брака по расчету, — основательность, надежность. Идеальны — Черномырдин (всего одна ступенька вверх, законный наследник), Лужков («огромный опыт руководящей работы»), тот же Шумейко... Россия сейчас, после революционных

1989—1991 годов, в этом смысле тоже становится нормальной страной. Сегодня по принципу «неоменклатурности» наверх не выбьешься.

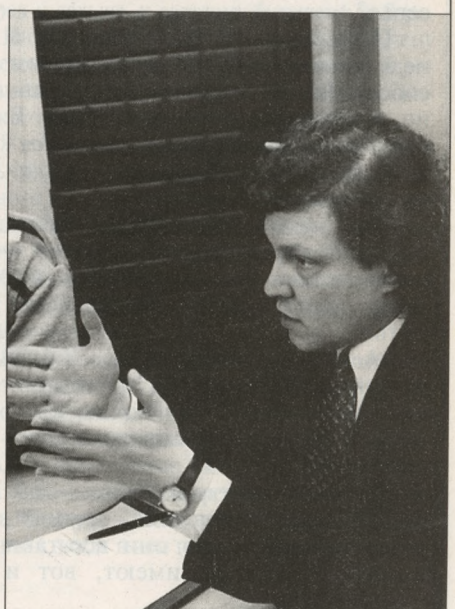
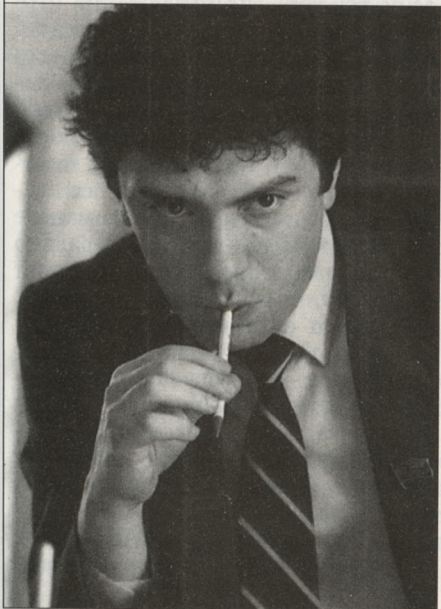
ПОСТУПОК. Это очень важный пункт, проверка жениха в деле. У Ельцина к 1991 году был в запасе все еще мощный поступок — разрыв с КПСС, разрыв, растянувшийся на серию поступков с 1987 года. Эта серия поступков сливалась с биографией, и все вместе создавало уже легенду, харизму.

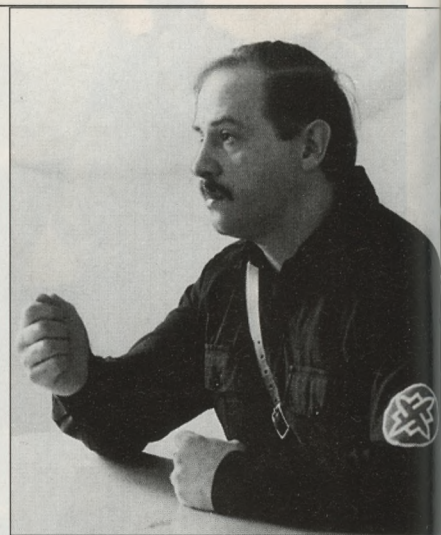
Чтобы понять разницу между «поступком» и «биографией», возьмем Черномырдина. Биография плавная, ровная, то, что надо. Но эта биография не прорезана молнией поступка — ведь в ясный день молнии не блещут.

Наиболее «поступочны» Гайдар и Рудкой. Гайдар может записать в

актив два крупных поступка: либерализацию цен (чуть шире — «героический этап» реформ) и 3 октября — призыв выйти на площадь. Как водится, оба поступка, что называется, «неоднозначны» (на то они и поступки).

У Рудкого поступок — то же 3 октября. Мужчины, способные носить оружие! Приказываю организовать отряды и взять «Останкино!» Ур-ра! Но это — в тот момент. После, когда дело обернулось поражением, еще одного поступка, которого все ждали, не последовало, а последовали поступки иного рода — мольба о заступничестве в посольствах... Это, конечно, тоже «неоднозначно». Но, в целом, такие поступки оцениваются как трусость — и это уже порог, через который не переступишь. Впрочем, в последнее

время в чести другие поступки, выигрыш экономических битв. В силе полководцы денежных армий — скажем, «Хеопс XX века», строитель величайших пирамид — Мавроди.

ИДЕЯ. Тут тоже все сложно.

Люди всегда недовольны своей жизнью — даже если живут в Швейцарии. Но, в общем, идея нужна такая: на 90 процентов она обещает, что сохранится статус-кво, на 10 процентов — новый импульс, обновление, решительные перемены. Конечно, сегодня в России соотношение другое. Все на 90 процентов обещают черт знает что, а на 10 процентов — вовсе даже и ничего такого ужасного.

Пожалуй, только те, кто уже у кормила (Ельцин, Черномырдин, Шумейко, Рыбкин), могут разговаривать с невестой эдак:

«Агафья Тихоновна. В которой церкви вы были прошлое воскресенье?»

Подколесин. В Вознесенской, а неделю назад тому был в Казанском соборе. Впрочем, молиться все равно, в какой бы ни было церкви. В той только украшение лучше. (*Молчат. Подколесин барабанит пальцами по столу.*)»

При некотором консерватизме формы в такой беседе по душам с избирателем есть своя прелесть, которую народ вполне способен оценить.

«Агафья Тихоновна (одна). Какой достойный человек! <...> Как приятно с ним говорить! И ведь, главное, то хорошо, что совсем не пустословит».

Но большинство женихов — народ неуверенный в себе, суетный, хотя бы показать, что они все-таки политики, «идею» имеют, вот и

жужжат, как шмели. В этом смысле любопытны Мавроди, Руцкой, Жириновский.

Мавроди, пожалуй, оптимален: мы сделаем ваш ваучер золотым, а как — не ваше собачье дело! Расслабьтесь и получайте удовольствие... Остается только поверить. Хотя бы экономия сил.

Руцкой топорщит усы сразу на все четыре стороны света. Национально-социально-патриотическое движение, да еще и с названием «Держава». Но он, с одной стороны, слишком мельтешит, а с другой — лозунги получаются какие-то скользкие, обтекаемые. Р-р-ракалий и каналей власти он громит по-солдатски, не хуже, чем это сделал бы унтер-маршал Буденный, — но с идеями у него, прямо скажем, напряженно.

Зато у Жириновского идей — на семерых. И не стоит все сводить к сакраментальному: «Некоторое время мы продержимся впереди автопробега, снимая пенки, сливки и тому подобную сметану с этого высококультурного начинания». Конечно, он так хотел обогнать и демократический (1989—1991), и националистический (1992—...) пробеги российской идеологии, и в последнем случае немало преуспел. Но это, в конце концов, — внутренняя кухня маэстро, невидимые миру слезы.

Наружно же демонстрируется совсем другое. Идеология здравого смысла. В том, что говорит Жириновский, половина людей узнает свои, элементарные, неприглаженные мысли, которые другие политики высказать стесняются. Впрочем, об этом уже много раз писалось — не станем повторяться. А то, что

каждая следующая фраза противоречит предыдущей, — ну так что же с того? Он же в президенты России метит, а не в президенты Академии наук...

А вот Гайдар, Б.Федоров — безусловно, носители вполне четко декларированной идеологии, имеющей немалые традиции. «Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?» Что ж — пожалуй, помогли. Помогли сохранить себя. Нельзя даже сказать, что логически непротиворечивая идеология так уж вообще бесполезна для политика — как ни крути, за «Выбор России» проголосовали десятки миллионов человек.

Ну и наконец «Х». Здесь комментировать нечего...

Женитьба — шаг серьезный. Понимает ли это невеста? Риторический вопрос. Как известно, Русь не дает ответа. Ну а женихи? Они-то хоть понимают, на что идут? Приходят ли им в голову в общем-то простые мысли: «Однако ж, что ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. <...> Уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — все кончено, все сделано. <...> А будто в самом деле нельзя уйти? Как же, естественно нельзя: там в дверях и везде стоят люди; ну, спросят: зачем? Нельзя, нет. А вот окно открыто; что если бы в окно?»

Отсюда — мораль. После избрания я бы предложил — ну хоть на полчаса, перед приведением к присяге — запирайте будущего президента одного в комнате <...> не на слишком высоком этаже.

Фото ИТАР—ТАСС, РИА—Новости

Урок домоводства

В утешение после ненастного лета — целый месяц ведра и полное ведро грибов каждый день. Живя за городом, идем против течения. В пятницу горожане в леса, на грибную охоту, а мы — в Москву, навещать родню. Уезжая, дитя огораживает дощечками три подберезовика, в десяти шагах от порога, чтобы, воротившись в понедельник, обнаружить их целыми-невредимыми и выросшими выше крыши. Прежде чем срезать, посадит под каждый гриб по Барби. Неправда, что гриб — двойник фаллоса; оставим право на такой взгляд угрюмым собирателям мухоморов и поганок, предпочитающим отвар из них вдыханию паров легковоспламеняющихся жидкостей и курению конопли. Гриб — образ и подобие дома. Запах живого дома — грибной.

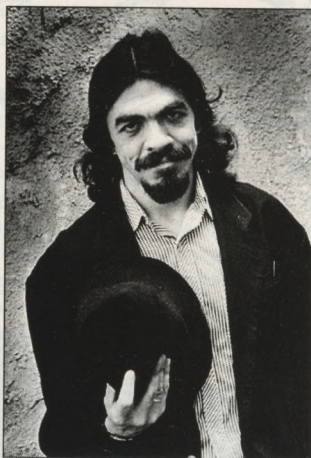
Наперегонки с грибами и по соседству с ними растут у нас в эту осень дома. Соотношение между теми, кто вкладывает деньги в «недвижимость», и теми, кто перебирается за город на постоянное место жительства, в точности такое, как между грибами несъедобными и съедобными. Вторых — больше. Лишь в двух или трех местах просвечивает сквозь зелень кирпич мухоморного колера, а в остальном — схождение с подберезовиками, сыроежками и опятами сруб, не лучше, но и не хуже, чем у крепкого хозяина под Калугой или Костромой.

«Эйкос» — дом, жилище. «Логос» — слово, учение. Выражаясь попросту — домоводство.

Смею заявить, что в области экологии — как и в балете, охоте за грибами и слоноводстве — мы впереди планеты всей. Потому что у них экология сводится к своевременному опорожнению мусорных ящиков и «ноу смокинг» в общественных местах, а у нас — куда она только не проситается. У них, например, никакие выборы не повлияют на процент свинца в атмосфере и численность волков в лесах, а у нас все связано со всем, и давным-давно употребляются в научном обиходе и «экология семьи», и «экология культуры» и «экология души». Я им, выступая у них, что-то такое брякнул однажды про экологию души — они надолго помрачнели. Потому что душа есть душа и культура есть культура — и какая там на фиг экология.

Нам — виднее. Потому что как раз мы (согласно БСЭ, издание второе, том 48, страница 368) экологию и придумали. Конкретно — профессор Московского университета К.Ф.Рулье, утверждавший, что первоистинная задача русских ученых — «исследовать три вершка ближайшего к исследователю болота <...> в постепенном взаимном развитии организации и образа жизни посреди определенных условий».

Знал бы старик Рулье, внесший свое предложение в 1852 году, и заодно с ним — издатели БСЭ, сто лет спустя, как «слово отзовется»! Ведь, судя строго, не с вымирания кремлевских мамонтов все началось и не с диспута двух Сер-

Михаил ПОЗДНЯЕВ

**Позвольте мне
не задумываться,
как обустроить
Россию.**

**Для начала,
покамест,
разрешите
поставить**

**вот эту книжку
вот на эту полку,
а вот этот гриб,
в десяти шагах
от порога,
срезать**

**не сегодня,
а послезавтра.**

**Пусть еще чуток
подрстет.**

**Есть куда:
небо высокое.**

геев — Курёхина и Шолохова в «Пятом колесе» о том, был ли Ленин грибом, а с проекта переброса северных рек, с этой беспримерной публичной драки членов Политбюро в конце еще 70-х! Перебросили бы втихую — как ограниченный контингент в Афганистан, не дали бы потачки всем этим академикам и шелкоперам — глядишь, мирно боролись бы сегодня за претворение в жизнь решений ХХХ, что ли, съезда КПСС.

Это я шучу. Ежели всерьез — идея переброса рек была чудовищна вовсе не предвидимыми последствиями, а изначально, как идея. Мелиорация всей страны — такой же кошмар, как и коллективизация всей страны, химизация, атомизация и ваучеризация. Диспансеризация. Прописка. Празднование 8 Марта. Выборы в высшие органы власти. Сдача экзаменов на знание языка, вдруг объявленного государственным. Жизнь по заводскому гудку.

У Андрея Битова в «Уроках Армении» старик Сарьян возмущается тем, что его сын, тоже уже старик, все время куда-то уходит из дома:

« — Вот куда он опять ушел? На службу? Что они там делают? Что все делают? Что делает крестьянин — понятно, что делает художник — понятно, что делает он, — старец ткнул пальцем в окно, где в люльке висел маляр и докрашивал его новый дворец, — тоже понятно, хотя и не совсем. А вот что они делают — физики, капиталисты, китайцы, фашисты — кто они такие? Что они делают? Что делают? Едят, пьют, ходят, спорят, заседают, получают зарплату — а что после них остается?.. Земля стала такой маленькой... Раньше она была огромная, трудная, неприветливая — теперь, иногда мне кажется, поместится на моем дворе...»

Произнося свой монолог, Сарьян то и дело взмахивает рукой, как бы указывая путь — ввысь, к небу. Жест, согласитесь, принципиально иной, чем тычок перстом за горизонт: вперед и дальше, к светлому будущему, к берегам Индийского океана, к великому и могучему Советскому Союзу в его былых границах. Я доверяю жесту Сарьяна. Я доверяю подберезовику, которому всю жизнь есть куда расти.

Я доверяю профессору Рулье — и прошу от сильных мира сего единственного права: свободно и без риска для жизни исследовать три вершка ближайшего болота. Захочу — осушу, захочу — стану с них клюкву собирать. Захочу — обобщу свои исследования и издам за свой счет под названием «Экология частного лица». Тема актуальная.

P.S. Воротились из Москвы — а подберезовиков-то наших след простыл. Видать, кто-то шел мимо по дороге, удивился — надо же, выше крыши! — и не мог удержаться, срезал. Мы не обиделись. На целую семью ужин: большая кастрюля супа либо сковорода жареных. Напоследок, до снега. Продукт — экологически чистый. И дом — живой, когда в нем грибами пахнет.

Цитатник

ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ОБЪЕКТ ПОВЫШЕННОГО ВНИМАНИЯ

Егор ГАЙДАР: «Главным успехом в деятельности правительства Черномырдина я бы назвал то, что оно сделало меньше глупостей, чем от него ожидали... Это очень много. Это много и не надо этого недооценивать».

(«Независимая газета», 30 сентября 1994)

Иван РЫБКИН: «...Той кровожадности по отношению к правительству, о которой пишут в прессе, в Государственной Думе нет».

(«Известия», 30 сентября 1994)

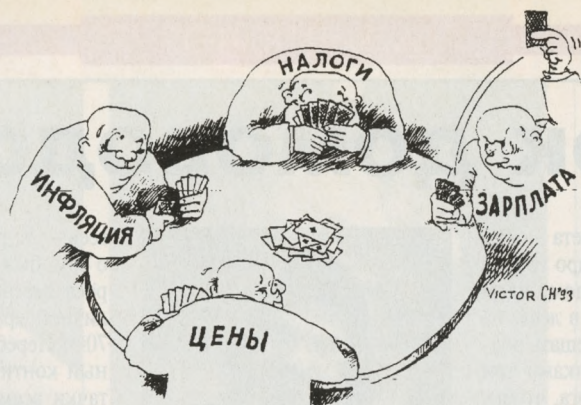
Владимир ИСАКОВ: «...Согласно Конституции, внутреннюю и внешнюю политику определяет президент, а правительство лишь исполняет его предначертания. Так какой же смысл бить собаку, которая выполняет даваемые ей указания».

(«Сегодня», 28 сентября 1994)

Николай ФЕДОРОВ: «Можно считать, что американцы наняли наше правительство, чтобы обслуживать интересы американских фирм и создавать рабочие места для американских граждан».

(«Независимая газета», 29 сентября 1994)

Александр ШОХИН: «...У меня было сильное желание не то чтобы назло Гайдари, но, во всяком случае, вопреки концепции «чем хуже, тем лучше» сохранить правительство и продолжить работу. Кстати, активное

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

стремление Егора Тимуровича убрать нас привело к обратному эффекту: Виктор Черномырдин решил не торопиться с решением и присмотреться к людям, которых так старательно топил Гайдар».

(«Новый взгляд», № 38)

Бенджамин ФРАНКЛИН (1706—1790): «В реках и плохих правительствах наверху плавают самое легкое».

О ГОСДУМЕ С ЛЮБОВЬЮ

Олег ГАЙДАНОВ, зам. Генерального прокурора РФ: «...Госдума у нас крайне медленно совершенствует наше законодательство, увязает в бесплодных дискуссиях. А на улицах тем временем раздаются взрывы, гремят выстрелы. Уголовный мир становится чуть ли не параллельной властной структурой, запугивая народ...»

(«Век», № 37)

Петр АВЕН, бывший министр внешних экономичес-

ких связей РФ: «...Политика уровня Думы — не для меня. И потом... Я страшно вспыльчивый, не сдержанный на язык, могу и наругать. Мне почему-то кажется, что, будь я в Думе, обязательно с кем-нибудь подрался бы...»

(«Новый взгляд», № 37)

Евгений САБУРОВ: «Когда смотришь на российскую Госдуму, берет оторопь. А когда смотришь на украинскую Верховную Раду, то начинаешь думать, что в Госдуме России собрался интеллектуальный цвет мира. Но когда приезжаешь в Крым, понимаешь, что интеллектуальный цвет мира сосредоточен в Киеве...»

(«Куранты», 24—25 сентября 1994)

Александр ИВАНОВ, литератор-пародист: «Если честно говорить... Россия ведь действительно к парламентской демократии пока не готова. В этом мы уже убедились. Англия вон до сего дня живет без конституции. Королева есть, премьер-министр есть, парла-

мент есть, а конституции нет. Может, нам... попробовать пожить с конституцией, но без парламента?..»

(«Куранты», 24—25 сентября 1994)

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Виктор АНПИЛОВ, кандидат в спасители России: «Нужно сделать так, чтобы перед народом предстали лучшие люди страны! Варенников! Тулеев! Стародубцев! Сажи Умалатова! Позвольте туда включить и Виктора Анпилова!..»

(Из выступления на митинге. Цит. по: «Литгазета», № 39).

Аркадий ВОЛЬСКИЙ: «...Вдруг понял: не имею права писать. Потому что вынужден буду или недоговаривать что-то, или врать. Есть вещи, которые рано открывать. Я слишком много для этого знаю...»

(«Россия», № 37)

Молодец! Ведь классик когда-то сказал: «Аркадий, не говори красиво...» А партия вслед за ним отняла право писать плохо. Так что все правильно...

Виктор ТРЕТЬЯКОВ, главный редактор «НГ»: «Я, конечно, не коммунист...»

(«Независимая газета», 28 сентября 1994)

И на том спасибо!..

Минтимер ШАЙМИЕВ, президент Татарстана: «...Я вырос в деревне, там закончил татарскую школу... Учился я хорошо... Если бы не стал президентом, был бы землепашцем».

(«Век», № 37)

А у нас каждый землепашец может управлять государством!

Вы поддерживаете нас сегодня, мы поддержим Вас в будущем

Современный мир переполнен информацией, ее поток возрастает с каждым днем. Очень трудно постоянно быть в курсе всех происходящих событий и следить за поступающими новостями. Несмотря на имеющиеся трудности, российский информационный рынок постепенно развивается. Тем не менее его возможностей явно недостаточно для эффективной информационной поддержки предпринимательства. Сталкиваясь с необходимостью что-нибудь приобрести для дома или офиса, получить какую-либо бизнес-справку, сегодня мы обращаемся, как правило, к единственному источнику — газетам, реже к радио- и телевизионной рекламе. И по разным причинам совсем редко пользуемся различными справочниками — их или нет совсем, или же они охватывают лишь одну из сторон многогранной деловой жизни страны или города, а следовательно, не могут претендовать на универсальность. Между тем во всем мире десятилетиями складывалась традиция — использовать в подобных случаях специальные печатные справочные издания, одним из которых и являются знаменитые «Yellow Pages», к подготовке первого общероссийского издания которого приступила фирма «U.S. Publishers International».

В первом выпуске будут представлены более 100 тысяч единиц информации, включающей юридическое название фирмы, почтовый адрес, номера телефона и факса, телекс и т.д. Легко ориентироваться в этой информации позволит подробный и удобный рубрикатор — более 2000 классификационных заголовков представляют деятельность предприятий, фирм, банков по производимым ими товарам и предоставляемым услугам. Таким образом, издание подобного справочника явится первой попыткой систематизировать деловую справочную информацию по принятым в мире стандартам.

Справочник выйдет в феврале 1995 года на русском и английском языках и будет распространяться в России, а также более чем в 120 странах мира.

Уже сегодня многие зарубежные организации, занимающиеся установлением и развитием деловых связей с Россией, выразили свою заинтересованность в приобретении этого издания. Следовательно, международные финансовые и деловые круги получают возможность ознакомиться с информацией первого российского издания «Yellow Pages».

Как принято во всем мире, наши «Yellow Pages» станут официальными справочниками по России для служащих, клиентов и посетителей всемирно известных корпораций, фирм, компаний, банков, крупных гостиниц, представительств международных и национальных компаний.

Первоначальный гарантированный стотысячный тираж справочника будет распространяться бесплатно и по подписке. Подписной талон будет опубликован в крупных центральных печатных изданиях. Стоимость подписки — 95 долларов.

Издатели «Yellow Pages of Russia» полагают, что и в нашей стране недалек тот час, когда руководитель каждого предприятия, независимо от масштабов его деятельности, будет считать необходимостью размещать информацию о себе и рекламу своей фирмы на страницах их издания. А сегодня они делают первые, но уверенные шаги в деле освоения информационного пространства России.

Рекламодатели уже сегодня могут получить широкий спектр услуг на самых демократичных условиях. Это и эксклюзивные площади на страницах обложки, и цветные рекламные блоки, и черно-белая реклама на информационных полях, цены на которые составляют от 100 до 15 000 американских долларов (оплата производится в рублях по биржевому курсу). Все рекламодатели после выхода справочника получат один его экземпляр бесплатно. Гибкая система льгот и скидок поможет сэкономить Ваш рекламный бюджет не только сегодня, но и в будущем — все рекламодатели первого выпуска «Yellow Pages of Russia» смогут разместить свою рекламу в следующем, втором издании по тарифам первого. Фирма в данном случае говорит своему клиенту: «Вы поддерживаете нас сегодня, мы поддержим Вас в будущем».

В целях пополнения банка данных предусмотрено бесплатное размещение данных отдельных юридических лиц в виде стандартного информационного блока.

Если Вы уже приняли решение и готовы к сотрудничеству с «Yellow Pages of Russia—95» — спешите. Времени для подготовки и передачи материалов издателям осталось не так уж много — 20 декабря 1994 года завершаются все подготовительные работы.

Ответы на все возникшие у Вас вопросы можно получить в московском офисе издательства по телефонам: (095) 268-14-61, 268-39-12, 268-39-89, 269-03-77 и по тел/факсу: (095) 268-39-12

YELLOW PAGES OF RUSSIA'95

СПРАВОЧНИК-ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ДЕЛОВОМУ МИРУ РОССИИ

- Около 100 000 адресов и телефонов фирм и предприятий из всех регионов России.
- Объем — более 1000 полос, 2000 рубрик, минимальный тираж 100 тыс. экземпляров.
- Целенаправленное распространение — более чем в 80 тыс. адресов России и за рубежом.
- Стоимость справочника по подписке — \$ 95.
- Выход из печати и доставка — февраль-март 1995г.

Вы можете **бесплатно** разместить информацию о своей фирме (название, адрес, телефон, факс, телекс).

Вам предоставляется возможность прорекламировать свою фирму или продукцию. Для рекламодателей — **гибкая система льгот и скидок.**

Последний срок подачи материалов 20 декабря 1994г.

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ПО ТЕЛЕФОНАМ: (095) 268 1461, 268 3912, 268 3989, 269 0377.

Если вы хотите разместить информацию о своей фирме, разместить рекламу или же приобрести справочник, пожалуйста, вырежьте купон и отправьте его по адресу: 107014 Москва, ул. Гастелло, д. 44, корп. 2, стр. 4.

Ф.И.О. _____

Фирма _____

Адрес _____

Тел./факс _____

English — Russian

Подписка на справочник _____

Бесплатная информация _____

Реклама цветная _____

Реклама черно-белая _____

Подпись _____

ПОДПИСНОЙ КУПОН

При наличии купона
на все платные услуги
скидка 3%.

Публикуется на правах рекламы

Александр ЦЫГАНКОВ: «Нашего мышьяка хватило бы всему миру»

Два года назад экономика и экология в России были разлучены. После объявления рыночных реформ затраты на охрану окружающей среды вообще выпали из бюджета. Если до 91-го года в союзном бюджете существовала специальная строка финансирования экологии, то в 92-м она исчезла, как будто ее никогда и не было. Парадоксально, но это не стало поводом для особых протестов со стороны заинтересованных сторон — самих экологов, министерства и комитета по экологии. Так вот и прожили почти два года.

Теперь об экологии вспомнили. Наш собеседник — Александр ЦЫГАНКОВ, заместитель начальника управления Министерства РФ по сотрудничеству с государствами — членами СНГ по проблемам финансирования.

— Александр Павлович! Откуда же брали деньги на содержание чиновников Министерства, если два года финансирование вообще отсутствовало?

— Для аппарата деньги всегда можно найти. Но, увы, за эти годы не было сделано практически никаких капложений в строительство природоохранных объектов. И хотя в новом бюджете все-таки появилась статья расходов на экологию, выделенные средства ничтожно малы — чуть больше триллиона рублей. Это лишь полпроцента от всего бюджета. При чем деньги отпущены кроме экологии и на гидрометеорологию, и на геодезию с картографией. Все смешали в одну кучу. Ясно, что на такую сумму нового не построишь, да и старое хозяйство в порядок не приведешь.

— Так кто же тогда будет строить, если не государство?

— Подразумевается, что охраной природы должны заниматься местные власти, вредные предприятия. А государство только контролирует их при помощи штрафов. Видимо, в теории при рыночной экономике так и должно быть.

Сейчас, пожалуй, только Санкт-Петербург строит уникальные очис-

ЭДУАРД КУДРЯВИЦКИЙ

тные сооружения. Этот город, в принципе, может себе такое позволить. А все остальные регионы и предприятия прекратили подобное строительство.

— Если они сами не желают выделять деньги, то разве федеральное правительство не в силах их обязать?

— Отдельные решения были. Выпущены прекрасные постановления по Братску, Туле, по многим другим регионам. Но все они до сих пор остаются прекрасными лишь на бумаге. Пока не будет восстановлена господдержка строительства природоохранных сооружений, чище не станет.

Проблема в том, какой экономический механизм создать, чтобы деньги на экологию появились. Например, экологическая программа «Чистая Россия» опирается на банковские структуры. Некоторые наши банки уже набрали силу и готовы вкладывать деньги в охрану природы. Но они выбирают те проблемы, которые могут принести хорошую прибыль.

Скажем, химическое оружие. Отравляющие вещества можно перерабатывать в чистый мышьяк. Если нас с этим мышьяком пустят на мировой рынок, мы завалим им всю электронную промышленность планеты.

Но на создание опытной установки необходимо как минимум двадцать миллиардов рублей.

Другой пример — производство чистой питьевой воды. Можно организовывать серийный выпуск недорогих очистных установок. В России есть хорошие опытные образцы такой техники. Я уж не говорю о переработке промышленных отходов — их тоже предостаточно. А они годятся для качественных, недорогих и конкурентоспособных стройматериалов. Короче, направлений в экологии, способных приносить прибыль, немало. Но надо убедить в этом финансистов.

— А вы уверены, что экология должна сама себя окупать?

— В каких-то областях она должна давать прибыль, чтобы компенсировать вложенные в нее деньги.

— Но ведь и у государства должна быть какая-то стратегия?

— Сейчас во всем мире принята стратегия «Устойчивого развития». Она была заслушана на Генеральной Ассамблее ООН. Присоединились к ней и мы. Суть концепции в следующем — добиться стабильного положения с природными ресурсами в каждой точке земли. Разумеется, эта задача касается и всех российских регионов. Можно сколько угодно рассуждать о больших затратах, но мы обязаны следовать принятой концепции. Правда, не ясно, как реально перейти к ней на каждом определенном уровне — районном, областном, краевом, федеральном. Ведь конкретного человека интересует, в сущности, то место, где он живет. А вот об этом наши руководители задумываются как раз не очень часто.

— То есть пока жареный петух не клонет...

— Да клевал уже много раз. Живем же, пока все не умерли, и слава Богу. Такой вот принцип. Сейчас, к примеру, заговорили об экологическом страховании. Но его ведь тоже надо внедрять в практику. Кто этим будет заниматься?! Опять неясно.

— А в чем смысл страхования?

— Местные власти на своей территории всегда могут выделить пять—семь промышленных предприятий, представляющих наибольшую экологическую угрозу. Эти предприятия должны выплачивать страховой компании определенную сумму. Деньги начинают работать, и часть из них идет на природоохранные нужды. Сложность заключена в том, что кто-то должен определить перечень страховых сумм на

случай аварии. И если на предприятии произойдет какое-то ЧП, убытки будет оплачивать страховая компания. Поэтому в компании должен быть солидный уставный капитал — от миллиарда рублей и выше. Экологическое страхование, на мой взгляд, один из немногих способов, позволяющих вылезти из финансовой ямы, в которой оказалась российская экология. А деньги, накопленные за счет страхования, можно было бы выделять на развитие таких областей, которые никогда не принесут прибыли. Например, на содержание заповедников. Сегодня мы можем навсегда потерять людей, проработавших в них всю жизнь. Зарплата научных работников в заповедниках — тоже заповедная. На нее даже в лесу не прокормишься. Кстати, недавно узнал, что во время военных действий в Таджикистане был сожжен доглы уникальный заповедник «Тигровая балка». Там в речке водилась такая порода осетровых, как лопатонос. Его больше нигде нет. Фазанов было много...

— В каких регионах России, на ваш взгляд, наиболее тяжелая экологическая ситуация?

— Какой бы крупный регион мы ни взяли, всюду тяжело. Загрязнено практически все Поволжье, Приморский край. В Сибирской тайге вырубали много кедра. Пояс промышленных предприятий Урала, Центральной России. Критическая ситуация сложилась на Севере, где предприятия нефтегазодобычи привели к серьезным нарушениям экологического баланса. Выделить какой-то регион, где хорошо, мне очень сложно. Есть области, которым повезло. Например, Псковская — там не построили ни одного металлургического и химического завода. Ближайшие — у соседей, в Новгороде. Но в природе, как вы понимаете, нельзя отгородиться. Все, что, к примеру, выбрасывается в атмосферу Донбассом, накрывает Псков, Карелию и уходит еще дальше.

— Может, за граница нам поможет? Они-то прежде всего заинтересованы в «нашем» чистом воздухе?

— Не стоит очень уж рассчитывать на иностранцев. Хотя надо отдать должное Скандинавским странам. Они предлагают нам технологии, вкладывают в российскую экологию немалые деньги. В такой огромной стране, как Россия, надеяться только на иностранные инвестиции, ждать, что они вдруг неизвестно откуда появятся, просто нелепо. Вот российский министр экологии Данилов-Данильянц призывает отыскивать спонсоров. Ну где можно найти такого щедрого спонсора, который дал бы денег на природу какой-нибудь Тверской или Костромской губернии?!

Деньги, повторяю, можно зарабатывать самим. К сожалению, до сих пор не решен вопрос о льготном налогообложении деятельности в природоохранной сфере. А без этого нашим предпринимателям будет трудно что-либо начать. Но в то же время экология еще долгое время должна быть защищена государством, находиться под его опекой.

Игорь ГРИЦЕНКО

Ранжированный перечень городов Российской Федерации с наибольшим объемом сброса загрязненных сточных вод и выбросом загрязняющих веществ в атмосферу в 1993 году

№ п/п	ВОДА	млн куб. м	№ п/п	ВОЗДУХ	тыс. тонн
1	Москва	2367	1	Норильск	1946
2	Санкт-Петербург	1519	2	Новокузнецк	540
3	Ангарск	529	3	Череповец	438
4	Красноярск	416	4	Липецк	401
5	Самара	408	5	Магнитогорск	397
6	Нижний Новгород	355	6	Омск	353
7	Братск	326	7	Нижний Тагил	304
8	Новосибирск	316	8	Асбест	297
9	Омск	286	9	Ангарск	289
10	Челябинск	273	10	Воркута	281
11	Владивосток	262	11	Орск	256
12	Ярославль	253	12	Челябинск	255
13	Казань	247	13	Новочеркасск	248
14	Коряжма	246	14	Уфа	220
15	Екатеринбург	237	15	Москва	219
16	Саратов	225	16	Новокуйбышевск	203
17	Уфа	220	17	Красноярск	190
18	Воронеж	216	18	Новотроицк	168
19	Новодвинск	214	19	Мончегорск	158
20	Волгоград	208	20	Новосибирск	158

«Зеленые клинья» грузят контейнерами

При квартирном обмене, при покупке жилья мы всегда интересуемся: зеленый ли район. Деревья и кустарники незаменимы в любом городе. А для такого задымленного и загазованного, как Москва, — это в буквальном смысле вопрос жизни и смерти. Какова же позиция столичных властей по этому вопросу?

Министр правительства Москвы, глава Департамента инженерного обеспечения Александр МАТРОСОВ отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— Насколько серьезными считаете вы вопросы озеленения?

— Безусловно, растительный мир просто необходим для проживания в городе. Еще с дореволюционного времени озеленению уделяли огромное место в планах развития Москвы. Правда, после революции — все больше на бумаге.

Огромный ущерб нанес бесплановый рост города. Сейчас в столице проживает на миллион больше людей, чем это было предусмотрено планом 1971 года. Значит, потребовалось больше домов, рабочих мест. И многие «зеленые клинья» оказались под угрозой уничтожения.

— Что такое «зеленые клинья»?

— Свободные коридоры на пути вхождения воздуха в город и выхода из него. У нас преобладают западный и юго-западный ветра. А это — очень чистый воздух. На 250 километров, до Смоленска нет ничего, кроме леса и небольших населенных пунктов.

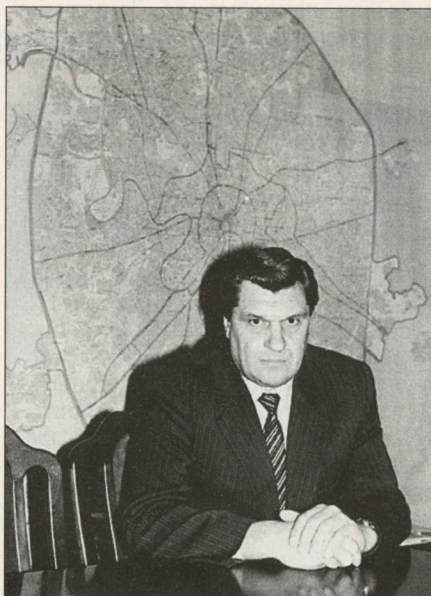
— Что это за коридоры? Ленинский проспект? Проспект Вернадского? Кажется, они не отличаются особой чистотой.

— Речь не о проспектах. Имеется в виду пойма реки Сетунь — огромное озелененное пространство. А на выходе воздуха — Измайловский парк, Сокольники, Лосиный остров... Есть зеленый клин в районе улицы Лобачевского и многие другие.

— Сохраняются ли эти зоны в неприкосновенности?

— Не всегда. Например, появились какие-то постройки в районе парка Победы. Но сейчас ситуация изменилась, и на клинья почти никто уже не посягает.

Второй важнейший фактор — так называемый лесопарковый защитный пояс. Это около шестидесяти тысяч гектаров леса за пределами кольцевой дороги. Но сейчас, к сожалению, местные подмосковные власти, пользуясь своим суверенитетом, решают на этой территории свои местные проблемы. И глава поселкового совета, не желая ничего плохого, продает ее под строительство жилья, а полученные деньги пускает на здравоохранение, образование... Вроде бы благо дело. Но экология страдает. Чтобы этого не было, нужно усовершенствовать земельное законодательство. Я не против того, чтобы строить коттеджи. Но проекты должны согласовываться.

Александр МАТРОСОВ:

«Нам нужно сохранить хотя бы то, что есть»

— А сейчас участие властей сводится только к землеотводу?

— По сути, да.

— Видимо, есть и чисто городские проблемы?

— Их хватает. И связаны они, в первую очередь, с безденежьем. Но за последнее время сделано немало в организационном смысле. По крайней мере, сейчас ясно, кто и за что отвечает. Например, Мослесопарк — за город в целом и за некоторые парки в частности. Префектуры занимаются парками местного значения. А муниципальные округа отвечают за зеленое хозяйство, посаженное у домов.

— Если, например, какой-то организации отвели землю, имеет ли она право срубать деревья, там растущие?

— Для этого необходимо постановление или распоряжение правительства. Разумеется, деревья спиливаются. Это — неизбежно. Однако мы стремимся к тому, чтобы потом они как минимум восстанавливались в первоначальном количестве.

— Каков механизм воздействия на тех, кто самовольничает?

— Есть система штрафов, но она неэффективна. Ведь фирме выгодно заплатить десять штрафов и построить на месте насаждений какой-нибудь рентабельный объект. Поэтому иногда доходит и до уголовной ответственности.

Гораздо более в масштабах города заметно

исчезновение цветочного убранства. Цветы на улицах практически не высаживают. Причина — все то же безденежье. Хотя есть множество хороших специалистов-цветоводов.

— Можно ли, сдавая землю, обязывать арендаторов высаживать цветы, как это было двести лет назад с Садовым кольцом?

— Можно, но неэффективно. Ведь землю в собственность мы не передаем. Всей территорией владеет город. Следовательно, арендатор и не станет слишком стараться.

— А как обстоят дела с московскими парками?

— Когда-то многие из них были образцами садово-паркового искусства. Там сочетались деревья, пруды, мосты, беседки, усадьбы, церкви. В советское время все это, непонятно почему, ветшало. Может быть, считалось пережитком капитализма.

Но и здесь мы находим решения. Раньше было многовластие. Кузьминский парк «принадлежал» Ветеринарной академии, Лефортовский — Министерству обороны и так далее. Сейчас все парки переданы в ведение города, определяется их статус и начинаются работы по реставрации и восстановлению.

— Они и в аренду сдаваться не будут?

— Нет. Для них введен особый режим.

— Планируется ли капитально реорганизовать какие-нибудь парки?

— Вряд ли. Сейчас нам нужно сохранить хотя бы то, что есть. И заняться обустройством. Ведь кое-где нет ничего, кроме, собственно, деревьев.

— Произошло ли за последнее время что-нибудь принципиально новое в «зеленом мире» нашего города?

— Да, в прошлом году мы приняли постановление по озеленению контейнерным методом. Дело в том, что в центре такая загазованность, такая засоленность почвы, что деревья просто гибнут. И в этом году мы выставили на улицах около двухсот контейнеров с деревьями и кустарниками. Смысл в том, что дерево, пробив один сезон в городе, увозится вместе с почвой, проходит реабилитацию в благоприятных условиях, и на следующий год выставляется в наиболее благоприятное время. Мы, например, поставили цветущую сирень, а когда она отцвела, заменили на вечнозеленую тую. И так далее.

— Как вы думаете, через сколько лет «зеленое хозяйство» поднимется у нас на должный уровень?

— Через пять или семь. Ведь все это связано с благосостоянием. Сейчас люди другим обеспокоены. Когда человек гол и голоден, он ничего вокруг не замечает. Но, наевшись и одевшись, он начинает озираться и ощущать эстетический дискомфорт. Это скоро произойдет. Москвичи станут гораздо лучше относиться к окружающей среде, и от властей потребуют того же.

Алексей МИТРОФАНОВ

Под парусом к чистой воде

(Остатки слайдов и обрывки дневника, найденные автором в море слайдов, негативов и других заметок, скопившихся после путешествий.)

Два слова: «Те Vega» — маленькая шхуна с холодными мокрыми каютами и симпатичной командой, составленной из наших и американцев, долго и прекрасно бродяжничала по Атлантическому океану в безуспешных поисках Чистой Воды. Пройдя полмира от Питера до Нью-Йорка, мимо Исландии и Гренландии, она так и не нашла Её. Порой мы неделями не видели судов, но нефть и пластик «экологические» сачки ловили каждый день. Увы, нам — родившимся в грязи, в грязи жившим и от грязи и дряни, произведенной нами, погибшим.

* * *

... Балтика... Сначала на горизонте показались три металлических мачты, затем зеленый кораблик, похожий на сейнер. На борту надпись «Рейнбоу». Один из флотилии благородных пиратов «Гринпис». Прекрасно оснащенные и отчаянно смелые парни и девичьи, терроризирующие всех, кто оскверняет живой мир: китобоев, политиков, нефтеразработчиков... Рядом с «Рейнбоу» наша шхуна выглядит совсем маленькой и невероятно красивой даже с неполным парусным вооружением (без трюмселей).

* * *

... Атлантика... за нулевым меридианом... Ветер задул, когда я был на руле. «Те Vega» наклонилась, черная левым бортом воду. Мы неслись. Правая нога была словно я плясал вприсядку, левая — прямая. Капитан Грэг Сванзи стоял рядом, корректируя курс. Мы взлетали на уровень третьего этажа и мягко опускались, поднимая тучи брызг. Бушприт качался вверх-вниз, указывая то на небо, то на серое море. В этот момент кто-то заметил на фокке дырку. На палубу вывалились разноцветные люди. Солнце, прорывавшееся сквозь тучи, освещало зеленым закатным светом мокрые робы и белые паруса. Теперь надо было «привести» шхуну, чтобы ребята могли зарифовать раненый парус. То, что для мореходов норма, для меня было достижением — удержать курс в штормовую погоду! Никто не заметил моего подвига. Впрочем, если бы я сбился — они бы сделали вид, что не заметили и этого.

В районе Исландии... Утром меня разбудил боцман: — Прости, что беспокою после вахты, но там киты.

Пока я натягивал мокрые свитера и робу, пока выполз из нашей шестиместной каюты величиной с сундук, киты ушли. Обругав всех, кто попался под руку, за то, что не разбудили раньше, я уселся на палубе покурить трубку. В это время кто-то шумно вздохнул и на поверхности, метрах в десяти от борта, появилась огромная серо-коричневая спина. Фонтан, о котором столько читал в детстве, был выдохом водяной пыли и поднимался метра на три-четыре. Чудовище медленно перевалилось неглубоко под воду и через минуту вынырнуло рядом с другим бортом.

На шхуне полно книг о природе моря. И фотографий китов я насмотрелся. Там они кажутся меньше размером, а выброшенный на берег, сплюснутый собственным весом кит выглядит вовсе не убедительно.

Однако в океане! Грандиозное живое существо, мирное, теплое и доверчивое.

Возникло ощущение «домашности» его и полной беззащитности перед венцом творения.

Убить кита — какая доблесть!

Человек перестает быть участником натурального процесса, он выделил себя из мира животных и растений. Поставил себя над экосистемой. Он стал фашистом природы. Ощущая силу и превосходство, он перестал считаться с законами, благодаря которым явился на свет сам.

Кит остался в своей среде. Он живет, как и человек, — лет семьдесят-восемьдесят. Если не убьют.

Рейкьявик... Сюда мы зашли как граждане моря — залатать порванные штормом паруса. В этом городе чувствуешь себя и Гулливером и лилипутом одновременно. Если посмотреть на него с горки, теряешь масштаб и он предстает аккуратно сработанной игрушкой. С другой стороны, ты тоже участник этой игрушечной жизни, и поэтому легко допустить, что кто-то смотрит на тебя сверху.

Все дома опрятны и неодинаковы, чистенькие машины двигаются как бы шепотом — 20 км в час, хотя никаких ограничительных знаков и никаких полицейских нет и в помине. В помине нет и пешеходов. Бог его знает, где они. Только возле порта рыбаки вытаскивали улов и два пацана в толстых свитерах, хлопая рыжими ресницами по веснушчатым щекам, теребили рыжего ленивого кота у памятника Эрику Рыжему, который пода-

рило правительство США Исландии за то, что его сын — Эрик Счастливый (тоже, наверное, рыжий) — открыл Америку.

Вышли из порта с лоцманом и стали до утра на якорь. Утром на колбасу поймал селедку и полведра камбалы. Джош сделал мне замечание — я ловил рыбу во время собрания. Американцы любят собрания еще больше, чем мы. А я люблю ловить рыбу.

Чак одобрил мое отсутствие на собрании.

* * *

Ветер усилился. Мы понеслись со скоростью 12 узлов. Шквал с дождем. Зевнули время, и вслед за фоком порвался и грот. Дыра небольшая, но теперь идем на одних «бюстгалтерах» — кливере, стакселе и трюмселе... Холод. Одежда не высыхает, в каюте по стенкам течет конденсат. Пресную воду на мытье не тратить!

* * *

У Гренландии... залатали фок и решили его ставить помолясь. На аврал вышли все, кто мог стоять на ногах. С песней еле взгромоздили его на мачту и долго смотрели на латку: выдержит ли? Пока держит. В честь возвращения паруса — праздник. Они поют замечательно. Это традиция. Много лет плавая по Гудзону с Питом Сигером, они спели все его песни и теперь сочиняют свои. Ночью вышли на палубу поиграть китам. Флейта и гитара. Китам наверняка пришлось по вкусу.

* * *

Задуло. Сзади накатывают огромные волны. На клиперах, которые хорошо ходили по попутному ветру, рулевым было запрещено оглядываться назад, чтобы не пугнуться волны. От штурвала до рубки — два метра. Я хотел перебежать после смены не пристегнувшись, но не смог. Волна ударила в борт, и меня бросило на угол рубки. Двух ребер как не бывало. Стал пристегиваться.

* * *

Стоит выглянуть солнцу, как прощаешь этому путешествию все. Артем говорит, что длительное пребывание на шхуне раздражает, но стоит кончиться плаванию, как снова тянет в море. Американцы кивают. Я верю.

* * *

Только сегодня узнал, что никакой радиосвязи у нас с берегом и с другими судами нет.

* * *

Капитан велел быть внимательным. По нашему курсу возможны айсберги. Мы приняли к сведению его сообщение и с недоверием стали обсуждать, с чего это он так решил.

* * *

С ночи идем курсом 225. Выходит только что проснувшийся капитан с чашкой кофе в руке. Смотрит на паруса и, не видя компаса, говорит: — Идем 225? Я

полагаю, можно 270. И уходит, помешивая ложкой...

Может, действительно айсберги в этом районе?

* * *

Ночью не идем. Капитан перестраховывается. Тема «Титаника» и айсберга передается с вахты на вахту.

* * *

Утром увидели два огромных айсберга. Тема перестраховки прошла сама собой. Грэг молодец. Подошли метров на 300. Ближе нельзя. Иногда они переворачиваются: подводная часть подтаивает быстрее. На вершине — тысячи птиц. Вода вокруг него ярко-зеленая.

Спустили надувную лодку. Мы влезли втроем. На моторе первый помощник Алберт — бородатый морской волк. «Te Vega» со стороны выглядит обшарпанной, какой и должна быть после такого перехода, и обаятельной — дом. Айсберг чист и прекрасен. Страшновато на «резинке». Километров шесть под нами.

* * *

У Ньюфаундленда. Утром солнце, ветер. Кто-то вбежал в кубрик: «Акула». Оказалось, веселый кит лежал на спине и хлопал плавниками. Потом опустил голову и хвостом «перегородил» вход в пролив Бел-Айленд. Так мы в него и не вошли: ветер сменился на встречный. Кит предупредил. Пришлось идти на юг вдоль Ньюфаундленда.

* * *

Пересекаем Гольфстрим. Море чернильно-лиловое. Солнце, штиль. Все стирают. Ожили. Купались до вечера. Закат хулиганил разными красками, непрофессионально смешивая цвета.

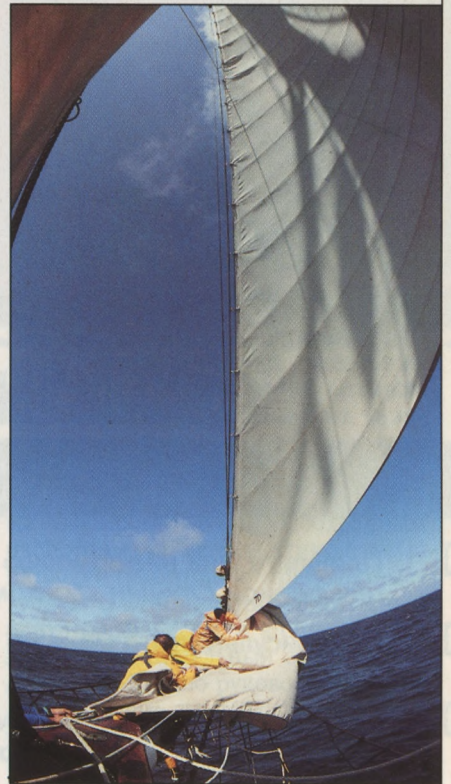
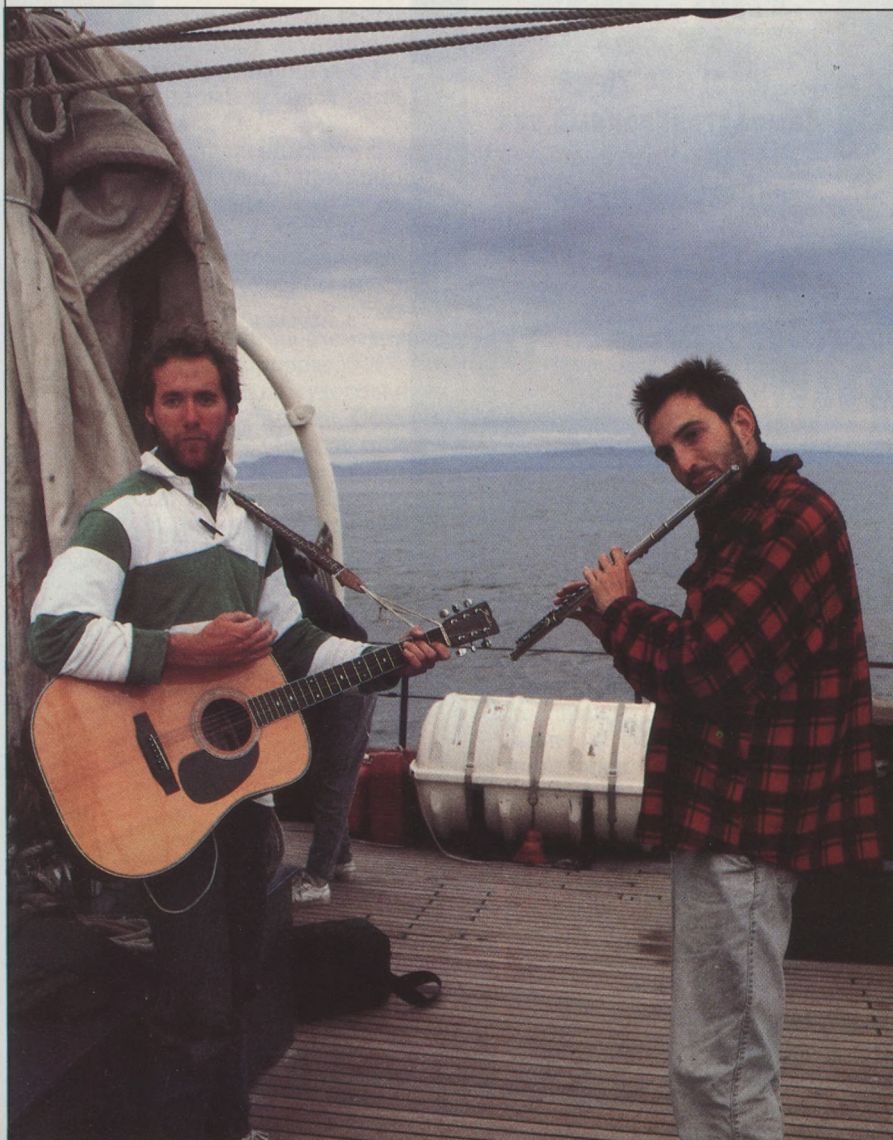
* * *

Утром я рукой поймал летучую мышь. Берег близко. И вдруг дикий ветер. Дождь летит параллельно воде. Мы с Майком в «непромоканцах», насквозь мокрые, вдвоем на палубе — впередсмотрящие.

И вдруг в сером несущемся мареве возникло кипение. Пятиметровая волна завернулась барашками, обгоняя шхуну, и тут с вершины ее вылетел дельфин. Потом другой... По два, по три, кварталом, подчиняясь дикому ритму, словно сыгранному на ударных потрясающим музыкантом Володей Тарасовым, они взлетали и врзались без брызг в воду. Дельфины летали, и возникало ощущение, что в воздухе они так же уместны, как в воде.

Несущаяся по океану, чуть не лежа на боку, шхуна, ветер, дождь, дельфины — ощущение счастья и свободы у двух крепко привязанных к лееру людей. Мы обнялись.

Мы сошли на берег в Нью-Йорке с браслетами из обрывков паруса. Обручен-

ные с морем и связанные друг с другом общей жизнью. Казалось, так будет вечно...

Фото автора

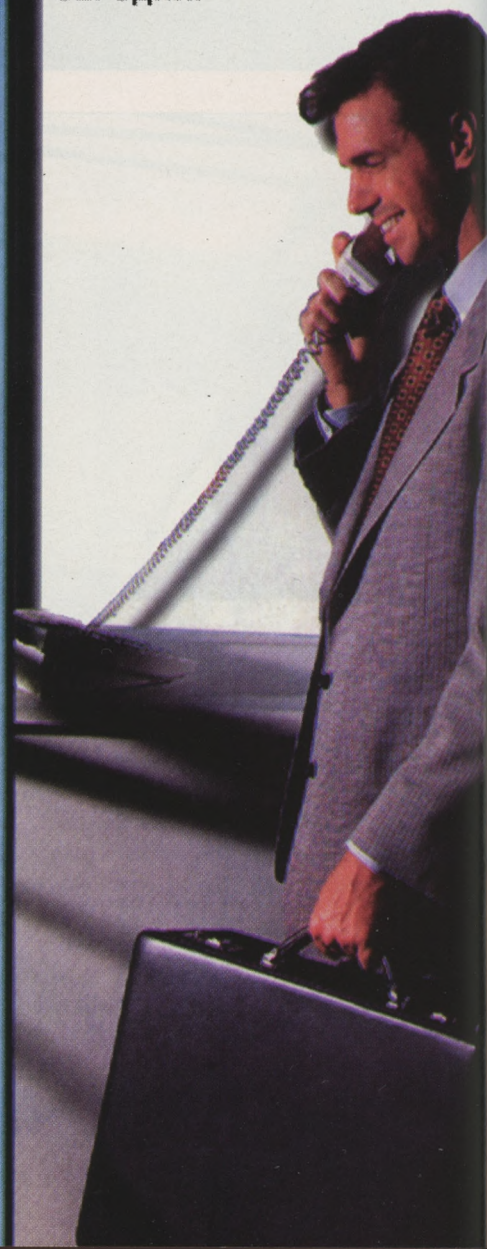
SIEMENS

SIEMENS

**Фирма «SIEMENS»
в Москве
(095) 954-76-28.
Демонстрационный зал
(«ИТ-Центр»)
(095) 250-52-25**

Если в вашем доме или коттедже, в вашей клинике или аптеке, лицее или автосервисе, парикмахерской или салоне красоты есть проблемы со связью – фирма «SIEMENS» и ее партнеры готовы решить эти проблемы **СЕГОДНЯ.**

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАРТА

Да, меня интересует информация по телефонным аппаратам и телефонной станции

- 1. Пришлите мне информацию по учрежденческой телефонной станции «Хайком 100».
- 1. Проконсультируйте меня по телефону.
- 1. Проконсультируйте меня лично как можно быстрее, позвоните, пожалуйста, и назначьте встречу.

Отправитель

Фирма _____
 Фамилия _____
 Город _____
 Индекс _____
 Телефон _____

Получатель

*Информация
 Фирма «Сименс»
 113093 Москва,
 Дубининская, 98,
 Департамент
 «Учрежденские системы связи»,
 г-н А. Терешин*

Покосившееся крыльцо

Надежда еще не потеряна

Роман ОРЛОВ

Татаровские высоты, то бишь Крылатские холмы, обрели в своем названии «крылья» совсем недавно. Правильное наименование бывшей здесь деревни: «Крылатское». А место, где с холмов видна почти вся столица, звалось «крыльцом Москвы».

Под различные административные гребенки были уничтожены и остальные деревни: Татарово, Черепково, Екатериновка. На жемчужину недавнего еще Подмосковья наступает со всех сторон мегаполис — гаражами и коттеджами накопителей первичного капитала.

А знаменитые холмы пока живы. Действует известный далеко за пределами Москвы глубоководный родник «Святой колодец», на котором, по преданию, было явление иконы Руденской Божьей Матери. А в самом большом Татаровском овраге, площадью около тридцати гектаров, как свидетельствуют летописи, бывали русские цари, начиная с Ивана Грозного, который лечился здесь от хворей.

Кроме перечисленных двух, есть еще три официально признанных памятника природы. Это — овраг «Малая гнилуша» у Москвы-реки, энтомологический комплекс рядом с олимпийским велотреком и суходольный луг — «секретный объект», обозначенный только на схемах, хранящихся в Москомприроде.

Впрочем, не только суходольный луг является «секретным». Остальные уникальные памятники природы тоже никем и ничем не отмечены на местности. Нет ни информационных стендов, ни «кирпичей» для автотранспорта, не обозначены санитарные зоны у источников, где берут воду (пригодную для питья по госстандартам) тысячи людей.

Между тем на «крыльце Москвы» еще не утеряно то, что давно исчезло в самом городе. Например, в Сокольниках нет кротов, а в Крылатском есть. Их холмики много говорят о Крылатских холмах. Чиста пока земля, если жив крот. А еще в прошлом году здесь и зайцев видели.

На холмах и в оврагах обитают занесенные в Красную книгу птицы, насекомые, грызуны. Но все они брошены на произвол наступающего

бездушного, смердящего города. Куда ни кинь взор и откуда ни кинь — везде гаражи. Зелененькие, желзенькие, с синеньким дымком и мутненькими ручейками. Ограда олимпийской дороги, долго и верно служившая охраной памятникам природы, ныне разрушается и распродается администрацией велотрека. А с неба падают на березки и осины, на ольху, ветлу и ивы, на гнезда птиц, на бугорки кротов, а

случалось и на медлительных пенсионеров с бидончиками родниковой воды и на детей с лопатками для песочных игр резвы молодцы и красны полетам на паропланах. Делают это паропланщики без всяких разрешений на сей частный бизнес, хотя и выдают себя за членов Объединенной федерации сверхлегкой авиации.

Грозный, все уничтожающий город, как известно, олицетворяют люди. И в первую очередь, представители власти, обладающие возможностью давать разрешение на уничтожение природы, а затем и населения, пожинаящего плоды уничтожения. Ответственными представителями государства по природоохранным паспортам за всю «великолепную пятерку» памятников природы выступает Олимпийский спортивный центр профсоюзов, а в общем и целом — муниципальный округ «Крылатское». Именно руководители этих двух структур должны ответить жителям Крылатского: почему безнаказанно выравняются бульдозерами холмы и на них без проектов и экологической экспертизы устанавливаются коммерческие подъемники для горнолыжников? почему велодорога превратилась в автобан для лихачей? когда ГАИ Западного округа восстановит снесенные водителями авто-

мобилей знаки, запрещающие въезд на велосодорогу? до какого количества происшествий со смертельным исходом надо дойти, чтобы восстановить ограждение велосодороги, проданное нынешним летом администрацией велотрека?.. Когда, наконец, над «Святым колодецем» будет восстановлена часовня, на которую собирали деньги в церковную кружку в течение двух лет?..

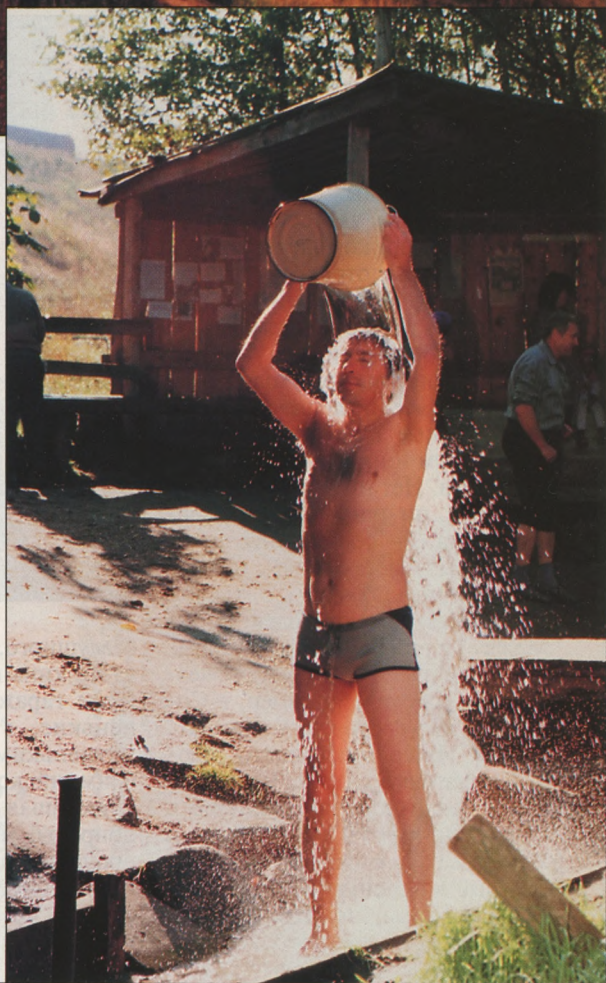
И если не появятся практические, деловые, а не лукаво-чинушные ответы на эти вопросы, то уничтожение и захват неповторимого естественного ландшафта будет продолжаться. Захватчики известны — от «диких» огородников, вырубавших бесчисленное количество деревьев на холмах, до сильных (кошельками) мира сего, не признающих законов государства, а тем более природы, не ведающих, что творят себе и окружающим погубить в тисках бетона и асфальта.

Все нормальные люди не отказываются от чистого воздуха, ключевой воды, луговых цветов, пения птиц. В Крылатском стараниями таких лю-

дей не допущено строительство стадиона для фристайла, завода для розлива в бутылки святой воды, запрещены на территории оврагов соревнования на любых видах транспорта.

А пока — идут отдыхать на холмы и к чудесному источнику потоки люда имущего и неимущего, здорового и немощного, юного и преклонного. Приезжают паломники из других мест России, часто слышится заморская речь. И не нужны здесь аттракционы и культурно-оздоровительные сооружения — их достаточно пустует в Олимпийском спортивном центре.

Укрепить бы сползающие склоны оврагов и холмов, привести бы в порядок тропы, русло

ручья — вот что надо людям для отдыха, для общения с природой.

Оговорюсь, еще не все потеряно. В том числе не потеряна надежда. В этом году, спустя пять лет после возобновления церковных служб в храме Рождества Пресвятой Богородицы, восстановлена наконец колокольня. Новый суперрефект МО «Крылатское» включился в проблемы благоустройства холмов, оврагов и родников. Заключаются договора с проектными институтами, оформляется статус ландшафтного заказчика.

Но опасается народ — вдруг те, кто выше, не поддержат светлое начало? Понимают ли отцы столицы России, что спасение природы — это спасение Родины?.. Вопросы не беспочвенны, ибо с каждым днем плодородной почвы остается в Крылатском все меньше.

В Кремле крыльцо восстановили. Надо бы и крыльцо города привести в порядок.

Фото Владимира Шишова

Открыта подписка на журнал

«Столица»

на I полугодие 1995 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:

на один месяц2600 руб.,
на три месяца7800 руб.,
на шесть месяцев15 600 руб.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Так, в Москве стоимость подписки с учетом доставки составляет:

на один месяц — 4781 руб.
(для организаций — 6962 руб.),
на три месяца — 11 931 руб.
(для организаций — 16 062 руб.),
на шесть месяцев — 22 656 руб.
(для организаций — 29 712 руб.).

Сведения о подписке в каталоге АПР, а также в Московском каталоге.

Индекс: 73746

Ф. СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ **73746**
«Столица» журнал (индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов

на 19 **95** год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ ли-тер _____ на ~~газету~~ **73746**
журнал (индекс издания)

«Столица»
(наименование издания)

Стои-мость	подписки	руб. _____	коп. _____	Количество комплек-тов
	пере-адресовки	руб. _____	коп. _____	

на 19 **95** год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
X	X	X	X	X	X						

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

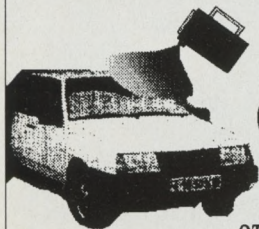

**МАШИНА ТОЖЕ
ЛЮБИТ КРАСИВО
ОДЕВАТЬСЯ!**

Любые цвета
КРАСОК

Chemolac

Автоэмали всех цветов!
Отличные характеристики
и какие цены!
от 5.5\$ до 7.5\$ за килограмм.

**СПРАШИВАЙТЕ В МАГАЗИНАХ !
А КТО ХОЧЕТ КУПИТЬ
ПОВОЛЬШЕ- У НАС !**

(095) 450 -19-44, 459 -41-10, 450 -95-08, 450 -08-18
125130 , г. Москва,
ул. З. и А.Космодемьянских, д.31, корп.1.

**Список фирм,
опубликовавших свою рекламу
в этом номере:**

XEROX

АСМО-ПРЕСС

ИНТЕКС

STB CARD

КВАНТА - ИНВЕСТ

СЛАВЯНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОМ

PHILIPS

U. S. PUBLISHERS INTERNATIONAL

SIEMENS

КГК

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ-МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати.

Льготная подписка

*Уважаемые московские
читатели «Столицы»!*

**Если Вы имеете
возможность приезжать
за нашим журналом
в редакцию, мы подпишем Вас
на I полугодие 1995 года
по льготной цене:**

на один месяц — 3000 руб.,
на три месяца — 6000 руб.,
на шесть месяцев — 12 000 руб.

Подписку можно оформить
в редакции по адресу:
Петровка, 16, строение 1,
подъезд 1, этаж 3.

Справки по телефону:

200-33-43

Бирнамский лес пошел на нас

Нет больше милостей у природы

ЮРИЙ ШТУКИН

вая на меня, произнесла: «Хоть бы уж война началась».

Мы безжалостны ко всему и всем, начиная с себя. Мало того, что поколение за поколением губили социальную среду — место нашей жизни. Мы еще умудрились вступить в смертельный бой с окружающей нас природой. И как у Шекспира в трагедии «Макбет» на главного героя — предателя и убийцу — поднялся Бирнамский лес, так и против нас восстает все живое. Воистину сбывается мрачная шутка: «Мы не можем ждать милостей от природы после того, что мы с ней сделали».

Но не о нас здесь речь. А о братьях наших меньших — собаках, рыбах, кошках и птицах, имевших несчастье родить-

ся в России в наше время. Звери очеловечились, но не в лучшем смысле этого слова, а по нашему образу и подобию. Они стали нашим воплощением — и это выглядит страшно.

Дельфинов в нашем веке пытаются обучать для надобностей людской войны. На то же натаскивают голубей. Собак учат подрывать танки вместе с собой, охранять пленных и заключенных и рвать их на куски. Короче, Бирнамский лес пошел на нас. И я нас не поздравляю.

...Сегодня Москва-река в черте города кишит рыбой. Но рыба осо-

бенная — новая. Новая русская. Она огромных размеров для своей породы, небывало агрессивна, до мозга костей отравлена речной водой, а когда ее вытаскивают на воздух (чуть не сказал «свежий», да спохватился), эта небывалая рыба разлагается буквально на глазах, причем со страшной вонью.

По пустырям буйно развелся борщевик, про который все дети знают, что он вызывает ожоги чуть ли не до костей. По лесопаркам и зеленым массивам нельзя рвать ягоды, яблоки, грибы — в них такая таблица Менделеева, что ни одна больница не поможет. Что до меня самого, то даже растений в горшках дома не держу. Но года два назад выклянчила у меня дочь аквариум с рыбками. И такое в нем началось!.. А кончилось почти апокалиптически — кошка Марыська выловила и съела однажды все население аквариума, отчего долго болела и оплешивела.

* * *

А вот рассказ моего знакомого военного летчика. Гуляя в лесу, он заметил гнездо и решил из любопытства посмотреть: кто там? Забрался на дерево, в гнезде сидели птенцы. Они вытягивали шеи и раскрывали розовые рты. Вдруг раздался тревожный крик птицы — кричал дрозд. Мой знакомый поспешил спуститься с дерева и отошел на открытую поляну, думая этим успокоить лесных обитателей.

Но тут он столкнулся с тем, чему учился сам и учил своих курсантов. Дрозд, заняв исходную высоту, перешел в пикирование, точно выдерживая направление на обидчика. Не долетев до него, птица резко взмыла вверх и обдала непрошеного гостя пометом. Бедный летчик немедленно укрывшись под кроной дерева, а дрозд, решив, что противник понес заслуженную кару, вернулся к своим птенцам.

Рассказывая об этом, мой собеседник не мог скрыть восхищения. Птица показала все элементы боевого летного мастерства: отличную исходную позицию, идеальный угол пикирования, выдержку курса, стремительную решительность и точность. Блестяще были выполнены выход на цель и уход от

Алексей ДИДУРОВ

Моя первая любовь — тогда еще! — получив на ночь читать «Архипелаг ГУЛАГ», сказала утром: «Атомной бомбы на нас мало». А недавно в трамвае старушка, почему-то недобро погляды-

цели. Какой героический пример защиты своего гнезда!..

В общем, чего там «турысы городить», как говаривали в старину. Даже неохота упрекать наш кинопрокат, что не показал вовремя «Птиц Хичкока. Как не хочется в миллион первый раз цитировать светлейшего Сент-Экзюпери по поводу нашей ответственности за тех, кого мы приручили... Впрочем, скажу о собаках. Вернее, об их хозяевах — людях и нелюдях.

* * *

У моих друзей — актеров Владимира Качана и его жены — сын целый год просил: «Купите собаку! Большую, овчарку!» Объяснил: все его одноклассники имеют псов — и именно больших, мощных. Как говорится, у них есть что защищать, есть кому и есть чем. Собака грозных размеров, оказывается, сейчас и роскошь, и средство устрашения остального населения.

Актеры купили сыну овчарку. Десятки тысяч потратили на прививки, да и ест она соответственно своим габаритам. С выгулом опять же в центре Москвы проблемы. Но опытные собачники уверяли: как только щенок вырастет в половозрелого зверя, этот зверь в нем прорисует, и затраты окупятся для семьи чувством безопасности под защитой слепящих клыков в багровой пасти, разверстой на каждого, кто не «наш».

Случилось же обратное — пес вырос доброжелательный, лояльный, человеколюбивый. А все из-за хозяев. Собака встречает их со спектаклей и концертов, провожает, смотрит с хозяевами по телевизору то, что они смотрят (а они разборчивы), слушает, как отец по вечерам читает сыну хорошие книги или репетирует с гитаристом песни. Лежит овчарка, слушает, смотрит. В результате опытные собачники разводят руками: они не знают, почему во взрослом псе не просыпается зверь, почему он не рычит и не гавкает на гостей, а помахивает им приветливо хвостом, почему не скалит пасть на кошек и прохожих, не кусает других собак, когда его кусают они. Специалисты по звериным инстинктам и звериной природе не понимают. А я, кажется, догадываюсь.

О нет! Совсем не хочу сказать, что всех наших отечественных псов поразила абстрактный гуманизм, как овчарку Володи Качана. Даже наоборот: как

ИТАР-ТАСС

человек, претерпевший за четыре неполных месяца три нападения собак, могу засвидетельствовать — боевистость и наступательный пыл большинства «друзей человека» в России выросли за последнее время не меньше, чем цены. Немалое число моих знакомых также искусано совершенно вроде безвинно. Достаточно сказать, что первый напавший на меня пес — здоровенный черный терьер — догонял меня, ничего не подозревающего, метров сто. Потом, минут через десять, когда я уже обрывал с себя облюбованные куски изорванной одежды вплоть до майки (дело было в феврале), а хозяин, растопырив ноги по-эсэсовски, за ошейник удерживал зверюгу, вошедшую во вкус, мы с ним разговорились. Он стал мне интересен как человек, могущий посредством пса лишить любого прохожего здоровья, сделать инвалидом. К моему изумлению, хозяин терьера оказался... врачом! Причем года три назад, по его словам, песик был смиреннейшим и добрейшим существом. И было это, когда его хозяин работал на «скорой».

А сейчас он со «скорой» ушел в медэксперты МВД, получает немало, да к тому же сегодняшний беспредел завалил его работой. То есть трупами. Вот дачу только что построил. Тут и нрав у пса изменился, но для дачи это даже, мол, полезно.

А когда на меня бросился волкодав, — мальчик, с ним гулявший, естественно, поводок намотал на руку, как и тот врач, и так же шел метрах в

десяти от своей освобожденной собаки, — не то меня удивило сильнее всего, что волкодав не до кости мне руку прокусил, а то, что мальчик потом за ухом своего пса трепал так хвляще-ободряюще, что потеряли для меня ореол сенсационности сообщения газет о том, как одна собака — той породы бойцовской, что в Европе запрещена, — ребенка у нас двух годовалого во дворе изуродовала, а другая в метро по приказу хозяина весь вагон покусала.

Правда, в отличие от первых двух хозяев собак, напавших на меня, что на помощь мне все же пришли, ни шатко ни валко, а как бы нехотя, хозяин третьей собаки кинулся ко мне со всех ног, когда его рослый «афганец» пытался своими челюстями достать мое лицо. Этот хозяин увидел в моей руке баллончик с газом «антидог», на который я загодя вынужденно раскошелился. Но с ним разговориться не пришлось — назвав меня «зверюгой», он утянул своего любимца за ошейник. Нужно ли говорить, что и у этого «друга животных» поводок был намотан на ладонь, отдельно от собаки, как бы в знак беспредела доверия и свободы в столице демократизированной страны.

* * *

Вот еще история — о людях и собаках. Бывший морской офицер, выброшенный на берег реформами в Вооруженных Силах, основал фирму, которая быстро взлетела на гребень волны. Шеф вошел в сословие «новых русских» — стал так богат, как это не снилось ему в капитанской каюте, а его

ИТАР—ТАСС

Вести с мест

Есть журналистская байка, как опытный редактор поучал начинающего репортера: «Если собака укусила человека — это не сенсация. А вот если человек укусил собаку!..» А если человек укусил человека из-за собаки?.. Это — что?

В Альметьевске, как нигде, понимаешь верность фразы о тесноте мира. Центр города проектировали еще в хрущевские времена: сделали тротуары столь узкими, что два человека без собаки еще могут разминуться, а вот как пройти третьему — пес знает... Но в те годы псов держали в будках, а сегодня ни один уважающий себя житель (то есть тот, у кого есть что украсть) не выходит на улицу без «друга» на поводке.

Впрочем, поводок чаще всего отпускают, ибо альметьевцы любят жестикулировать на ходу. Ну а собачки весело носятся взад-вперед, распугивая отдельных неимущих прохожих. Нравы собачников столь просты, что если где-то случайно увидишь животное в наморднике, то хозяин почти наверняка приедет. Местные псы смело заходят в магазины, забираются на сиденья троллейбусов и болтаются на школьных дворах, ибо спецплощадок для их выгула в городе не предусмотрено.

Бессобачное население, устав шарахаться от «четвероногих аристократов», развязало в местной печати борьбу против «друзей человека», а некий пенсионер от имени «Комитета по защите конституционных прав» пригрозил обратиться в парламенте Татарии и России.

* * *

Не уберечься Светлана К. — жительница Абакана, создательница первого в городе питомника для бродячих кошек и собак. Денег за свое увлечение Светлана не берет, предпочитая принцип: услуга за услугу. Поставив на ноги очередного «бродягу», передает его в надежные руки, попросив взамен чем-нибудь помочь питомнику.

Вот так, получив из рук Светланы щенка, один абаканский собачник пообещал отремонтировать вольеры. Но слова не сдержал. Продав несколько дней, хозяйка питомника сама пришла к безответственному партнеру и заявила: «За обман верни щенка обратно!» Понятно, такой «приговор» собачника не устроил. И в ходе боевых действий за обладание собачьим поводком он одержал победу... Искусал Светлане обе руки!

Теперь предстоит разбирательство в суде.

* * *

В последнее время средства массовой информации Украины проводят кампанию против четвероногих друзей человека и их распоясавшихся владельцев. Газеты печатают письма читателей, возмущенных негативными аспектами засобачности Украины. Многие издания ссылаются на зарубежный опыт.

Так, львовская газета «Молодая Галичина» опубликовала путевые заметки известного американского журналиста и писателя Стэда Эйснота, где, в частности, говорится: «Прошу прощения, но я сразу обратил внимание на такую малоприятную и для меня, и, очевидно, для вас

вещь, как невероятная загрязненность городских (львовских. — **В.К.**) тротуаров и клумб, в частности, собачьим лайном (здесь вставлено примечание редакции: «С переводом этого предложения нам пришлось изрядно повозиться». — **В.К.**). Прогуливаясь по городу, нужно хорошенько следить за тем, чтобы внезапно не испачкать свой ботинок в этом вонючем «автотрефе». Самых собак я тоже насчитал немало. И подавляющее их большинство преспокойно бегало себе в очень людных местах — без намордников и поводков, пугая прохожих. Кое-кто даже перевозил так собак в городском общественном транспорте. На одной из детских площадок здоровенная псина оставила... (здесь в строке пробел: стеснительная львовская цензура сняла неприличное слово. — **В.К.**) в ящике с песком, а через минуту там начали играть дети. У нас же за подобный инцидент владелец собаки заплатил бы изрядный штраф — и это в лучшем случае! Опять-таки приходится говорить о безразличии полиции. Хотя если собака набрасывается на кого-то, это можно трактовать, по конституциям всех цивилизованных стран, не иначе как покушение на личность, что наказывается наистрожайшим образом».

Задали перцу собачникам и столичные «Киевские ведомости» — опять-таки со ссылкой на зарубежный опыт. Журналист Виктор Кириченко в статье «Укуси меня, собачка!» пишет о своих канадских впечатлениях: «...Гуляем по глухому уголку парка в Ванкувере. И вдруг прямо на нас выскакивает приличных размеров песик. Из тех, знаете, породистых, чьи хозяева в подобных случаях у нас cedят с нескрываемым презрением: — Да что вы дергаетесь, он не кусается!

Я, естественно, делаю решительный шаг... в сторону и всем своим видом изображаю «мир, дружбу, фестиваль». А мой товарищ, наоборот, придвигается поближе к псу и то ли просит, то ли требует, то ли шутя, то ли всерьез: — Собачка, укуси меня, укуси!!!

Но пока она раздумывает над столь соблазнительным предложением, выскакивают насмерть перепуганные хозяева, с миллионами извинений и дрожжащими руками натягивают на нее намордник и поводок.

— Жаль, — мрачно констатирует несостоявшийся укушенный. И добавляет мечтательно: — А то слупил бы с них через суд за укус... Пару лет бы не работал».

Да, с бродячими друзьями человека пора разобрататься. А то, глядишь, однажды появится в газетах портрет мэра Лужкова в траурной рамке и печальное сообщение: «Вчера разорван стаей бродячих собак...» Кроме шуток. Заинтересованным лицам могу указать адрес наглого постоянного обитания своры приблизительно из десяти довольно крупных особей: начало улицы Мясницкой (бывш. Кирова), недалеко от здания ФСК (бывш. КГБ).

**Георгий КУЗНЕЦОВ,
Борис ЯРОВ,
Владимир КОВАЛЕНКО**

жене — в офицерском общежитии на морском берегу.

И тут у всех на глазах с ним и его женой стали происходить разнообразные перемены. Он запил. Загулял. А она составила прейскурант для своих супружеских услуг. Цены, которые он сообщил, ошеломляют: стирка его белья — 20 долларов, глажка — 15, готовка пищи — от 5 (легкий завтрак) до 50 (обед для его гостей). А за каждую ночь, которую муж провел не в супружеской постели, 500 долларов США. Последний вид оплаты — чисто местный, ибо во всем остальном мире партнеру платят за присутствие в постели, а не за отсутствие в ней.

Есть у них дочь, выпускница школы, и она потребовала себе (по знакомым причинам) собаку. Естественно, большую. Купили дога, щенок вырос в огромного пса, но надежд не оправдал, защитник дочери из него вышел хреновый. Когда на нее, выгуливавшую дога, напали парни с известными намерениями, за каждый произведенный лай пес тыкался ей в ладони — выпрашивал привычный гонорар в виде сахара. Правда, юная хозяйка за сахаром слазить в карман не могла — джинсы с нее уже были стянуты. Лишь вмешательство случайных прохожих, прибежавших на крик девушки, спугнуло хулиганов. Ее отец сделал оргвыводы — дога усыпили.

...Идет, идет на нас Бирнамский лес! И, похоже, не избежать нам трагической развязки, как в пьесе Шекспира. Только не на сцене. А в жизни. ■

Бал правит природа

Две армии общей численностью более миллиона человек охраняют эту узкую полосу земли без людей. Лишь иногда случайно потревожит ее покой военный патруль. Вольготно чувствуют себя здесь медведи, дикие кошки и ежи, целая колония антилоп. В райском уголке, который называется демилитаризованной зоной и находится посередине Корейского полуострова, растут редкие красивые цветы, живут уникальные виды птиц — красноголовый и белый журавли.

Около 40 лет остается почти полностью запретной для человеческой деятельности буферная зона длиной 248 км и шириной 4 км между Северной и Южной Кореей, установленная по окончании корейской войны. Правит бал здесь природа, так как для контролируемого земледелия выделен лишь весьма ограниченный район. Естествоиспытатели называют эти места сокровищницей дикой природы. Уже на подходе к зоне вас встречают сотни цапель, сверкающих белизной на зеленом фоне рисовых полей, множество суетящихся мелких птиц, красивых бабочек. Около 300 белых журавлей зимуют или останавливаются в этих местах на отдых при перелетах между Японией, Китаем и Россией.

По международным стандартам, сообщает южнокорейское агентство Ренхап, в Южной Корее для природных заповедников отведена очень небольшая площадь — всего 0,01 процента всей ее территории (в то время как в Китае — два процента, в Англии — один процент, в бывшем Советском Союзе — 0,1 процента). И в мире все чаще раздаются голоса, требующие защитить уцелевшую сокровищницу флоры и фауны.

Пхеньян

Охота на волков «не прошла»

Американцев, которым известна знаменитая песня Владимира Высоцкого «Идет охота на волков», можно пересчитать по пальцам. И тем не менее десятки тысяч граждан США были охвачены таким же страстным порывом встать на защиту серых хищников от безжалостных убийц, как и автор русской песни.

С МИРУ ПО НИТКЕ

Все началось с того, что Охотничье управление Аляски решило провести массовый отстрел волков в трех крупных регионах этого штата, чтобы сократить их численность на 80 процентов. На истребление хищников намечалось бросить самую современную технику. Пешим охотникам с их красными флажками и традиционным оцеплением дали отставку. Волков намеревались расстреливать из автоматического оружия с самолетов и вертолетов. А чтобы особенно не утруждать себя поисками стай, собирались отловить нескольких волков, надеть им ошейники с радиомаяками, а затем отпустить их. После этого запеленговать зверей с самолетов и вертолетов ничего не стоило.

Необходимость такого шага чиновники из Охотничьего управления обосновывали тем, что волки съедают слишком много диких северных оленей и лосей и что, если их уничтожить, больше дичи достанется охотникам. При этом они выдвинули аргумент, будто бы уничтожение волков — это для охотников вопрос жизни и смерти, поскольку иначе они не смогут прокормить свои семьи.

Однако любители животных и защитники окружающей среды встретили в штыки решение влас-

тей Аляски о массовом истреблении волков. Их не убедили надуманные и несостоятельные с научной точки зрения доводы, будто волки пагубно влияют на численность стада диких оленей и лосей. Особенно тягостное впечатление на многих американцев произвело намерение властей осуществить свою кровавую операцию с помощью самых современных технических средств.

На Маркет-стрит, центральной улице Сан-Франциско, был организован пост в защиту волков Аляски. В плакатах и листовках участников протеста разъяснялось, что в результате бездумного истребления многие виды животных уже навсегда исчезли на территории США, а еще больше видов находится на грани исчезновения.

Акции протеста проводились и в других городах и штатах. Их участники заявляли, что намеченная властями Аляски бойня — это «вопиющее злоупотребление достижениями науки». Манифестанты решительно выступили за то, чтобы сохранить в девственном виде Аляску — последний оставшийся в Соединенных Штатах оплот нетронутой природы. Их призыв к бойкоту туристических поездок на Аляску был поддержан не только в США, но и в других странах.

Активную кампанию в печати и по радио развернули такие организации, как Фонд помощи животным и Общество друзей животных. В результате со всех концов посыпались отказы от уже запланированных поездок по Аляске. Индустрия туризма штата почувствовала, как почва уходит у нее из-под ног, и забила тревогу. Всполошились и предприниматели, опасаясь, как бы высокий эмоциональный накал кампании в защиту волков не создал неблагоприятной атмосферы для получения разрешения на изыскательские работы по разведке ископаемых богатств.

В создавшихся условиях губернатор штата Аляска вынужден был признать: «Мы не можем вести свое охотничье хозяйство независимо от мнения общественности и политических соображений. Отношение страны в целом к тому, как мы руководим делами на Аляске, по-прежнему будет оказывать влияние на нашу способность разрабатывать все наши ресурсы». Губернатор объявил, что по этим соображениям, учитывая требования участников движения протеста, он отменяет решение о массовом отстреле волков.

Сан-Франциско

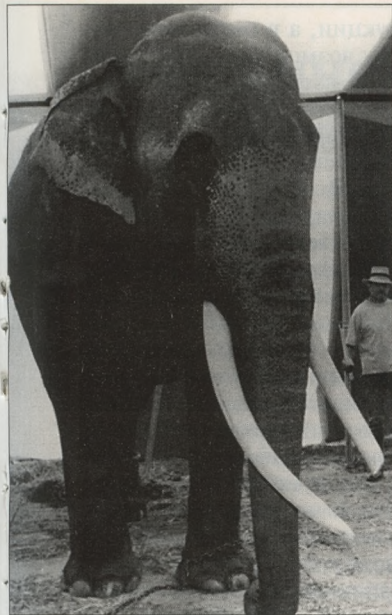
Слоны в городе

Не обращая внимания на автомашины, слон медленно шествовал за своим хозяином-махаутом. Навстречу — молодая женщина. Сложив перед лицом ладони в традиционном тайском приветствии, она поклонилась. Слон остановился. Он отлично знал, что от него требовалось.

Женщина была беременна. А по местному поверью, если будущая женщина встретит слона и проползет у него под брюхом, роды пройдут благополучно. Обряд был исполнен. Женщина, заплатив махауту положенные десять батов и еще какую-то сумму за купленную у него поделку из слоновой кости, продолжала свой путь. Продолжили путь и дрессировщик со своим воспитанником.

В последнее время в тайской столице заметно выросло поголовье слонов. Вместе со своими хозяевами они подаются в город из джунглей не от хорошей жизни. Как и во всех быстро развивающихся странах, цивилизация в Таиланде беспо-

щадно наступает на природу. С каждым годом все меньше становится лесов. Уходят в город крестьяне, лишившиеся своих полей. Остаются без работы и слоны, которые в этой стране научены помогать человеку на лесоповале.

Единственное место, где умные дрессированные животные находят себе пропитание, — это город. Здесь они могут показать себя во всевозможных шоу, которые устраиваются в парках, а то и просто на улицах, стать участниками церемоний по освящению новых зданий или, как мы рассказали выше, народных обрядов.

Слоны на удивление хорошо ориентируются в асфальтовых джунглях. Не хуже, чем в естественных. «Когда мой слон начинает испытывать голод, — говорит махаут Од, — он показывает мне, что пора, и отправляется на овощной рынок». Как пишет газета «Нейшн», все торговцы без исключения с симпатией и пониманием относятся к добродушным исполинам. Кроме того, в Таиланде слон — королевское животное. Так что не составляет большого труда найти для его ежедневного пропитания около двух центнеров овощей, зелени и фруктов из того, что не было распродано за день.

В Таиланде на сегодня насчитывается около шести тысяч слонов, из которых лишь немногим более полутора тысяч живут на воле. Остальные — одомашнены.

Бангкок

Партийные боссы и породистые мопсы

Когда коммунисты захватили власть в 1949 году, они объявили вне закона домашних животных, назвали их «буржуазным излишеством» и истребили всех, каких только смогли найти. Люди должны делать революцию, заявили коммунисты, а не играть с животными.

Любители домашних животных набрались терпения и ждали того момента, когда строгий социальный контроль смягчится. В 70-е годы они начали держать безгласных аквариумных рыбок. Затем настала очередь комнатных птиц, которые были не слишком шумливыми. В 80-х годах появились кошки. Затем в город вернулись собаки.

Они лежат в подъездах, на узких улочках Пекина, бешено лают из-за закрытых дверей квартир, трусят рядом со своими владельцами, идущими на рынок. Торговцы домашними животными заявляют, что даже высокопоставленные партийные и правительственные должностные лица покупают щенят, правда, украдкой.

Это увлечение — признак растущего благосостояния и неспособности коммунистов контролировать все аспекты жизни. Кое-кто приобретает собак, чтобы они составляли компанию ушедшим на пенсию родителям. Родители приобретают их для маленьких детей, которые вынуждены расти в одиночестве из-за официально принятого лимита (каждая китайская супружеская пара может иметь лишь одного ребенка).

Большинство владельцев собак выпускают своих любимцев на улицу только по ночам или рано утром, на рассвете, чтобы их не обнаружили власти. Они опасаются также воров, которые продают этих животных в рестораны в Южном Китае, где собачье мясо считается деликатесом.

По словам представителей полиции, около десяти тысяч собак официально зарегистрированы в Пекине в качестве сторожевых, декоративных и используемых лабораториями для медицинских экспериментов. Но никому не известно, сколько здесь собак на самом деле. Один владелец сказал, что, по его оценке, до одной четверти семей имеют по меньшей мере по одной собаке, а это означает, что их всего около 775

тысяч. Пекинские рынки, на которых раньше торговали только декоративными птицами и рыбами, заполнены теперь продавцами собак. Каждое воскресенье на одном из рынков недалеко от столицы можно приобрести псов самых разных пород, начиная от пухлых щенков в проволочных корзинках и кончая взрослыми немецкими овчарками, которые тянут за собой их владельцев на толстых поводках.

Минимальная цена, которую запрашивают за собак местных пород, — немногим менее 100 долларов за щенка, что равно примерно месячной зарплате рядового рабочего. Большинство покупателей стремятся приобрести собак «импортируемых пород», в особенности китайских мопсов, которых в свое время разводили только при дворе китайского императора и которые давно исчезли в этой стране. Теперешние китайские мопсы происходят от тех немногих, что контрабандой вывезли европейцы в конце XVIII столетия.

Пекин

Туристы и черепахи: кто кого?

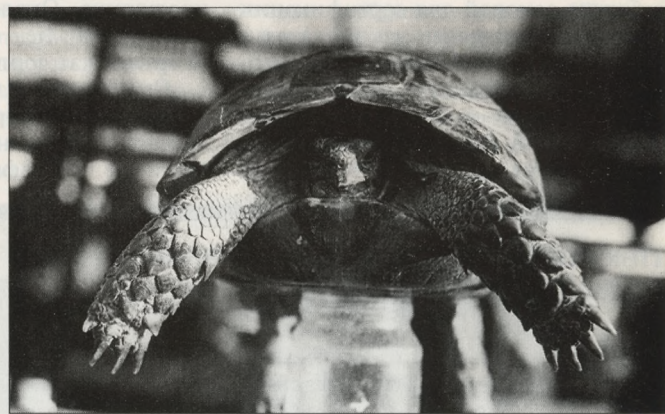
Горный водопад на мысе Акамас, что на западе Кипра, связан с именем Афродиты. Как гласит предание, отверженные богиней любви и красоты юноши пытались найти ус-

грозит исчезновение, и потребовали от президента Кипра немедленно отменить решение прежнего правительства об увеличении квот на строительство туристических комплексов на побережье, где гнездятся черепахи. Властям пришлось прислушаться. Официальный представитель правительства сообщил, что проблемой займутся два министерства — сельского хозяйства и внутренних дел.

А проблема совсем не так проста, как казалось бы. Местные жители, зарабатывающие на туризме, говорят: «Мы не хотим, чтобы гибли черепахи. Но мы и не хотим прозябать в нищете».

Между тем перспективы исчезновения черепах весьма реальны. С июня по сентябрь, в разгар туристического сезона, морские черепахи всегда мигрируют вдоль западного побережья Кипра. Под покровом ночи они роют своими плавниками в песке ямки глубиной в 35—70 сантиметров и каждые две недели откладывают в них около ста яиц. Урбанизация курортных мест и перенаселенность прибрежных пляжей курортниками могут привести к полной гибели пресмыкающихся.

Однако будем надеяться, что в жизни древних обитателей Акамаса не все так грустно. Ведь эти места на Кипре по-прежнему остаются заповедником. Там находятся единственный в Средиземноморье

покое в его холодных водах. Свидетелей тех времен не осталось, за исключением, может быть, долгожительницы Акамаса — зеленых морских черепах, утверждает та же легенда.

О черепахах вспомнили на острове благодаря выступлениям экологических организаций «Гринпис» и «Друзья Акамаса». Они подняли голос в защиту рептилий, которым

инкубатор для размножения черепах и лаборатория по изучению их образа жизни. Местное законодательство запрещает гурманам лакомиться черепашим мясом.

Никосия

По сообщениям корреспондентов ИТАР—ТАСС
Фото ИТАР—ТАСС

Загляни в сертификат

Безопасность здоровья и окружающей среды

С первого октября нынешнего года потребитель вправе требовать сертификат соответствия и безопасности почти везде — в магазине, ремонтной мастерской, кафе, больнице...

Когда-то, покупая в государственном магазине (других не было) или на «колхозном» базаре тот или иной товар, мы верили, что его соответствие нормам безопасности и качества установила какая-нибудь из многочисленных контролирующих организаций. Мы тогда во многое верили, чего не следовало бы делать.

С началом экономических реформ в 1992 году на наш общероссийский рынок хлынул поток невиданных ранее товаров. И когда через год эксперты заявили, что свыше 70 процентов (больше чем две трети) производимой в стране продукции небезопасны для человека и окружающей среды, то Госстандарт РФ объявил перечень товаров и услуг, которые должны проходить обязательную сертификацию.

Слово «сертификат» с латыни переводится, как «верно, правильно сделанное». В нашем случае этим словом называется документ, подтверждающий, что продукция отвечает определенным требованиям. За рубежом основой для сертификации служат специальные законодательные акты: в США их, например, свыше ста пятидесяти, в Европе — более трехсот, в Японии — около тридцати... В России сертификация основывается на законах «О защите

прав потребителей» и «О сертификации продукции и услуг».

Как за границей, так и у нас сертификация служит двум целям — защите человека и природы от опасной продукции, а также для подтверждения качества товаров и услуг. Посему существуют и два вида документов: «Сертификат безопасности» и «Сертификат соответствия».

Проводится сертификация организациями, независимыми и от изготовителя, и от потребителя. Специальные испытательные лаборатории сообщают органам сертификации результаты экспертизы, а те, в свою очередь, выдают (или не выдают) документ на право производства и распространения товара или услуги.

На сегодняшний день в России действует более трехсот органов по сертификации и почти тысяча испытательных лабораторий. Это немного. Скажем, лабораторий по проверке пищевой и сельскохозяйственной продукции у нас всего около двухсот, а требуется их не менее полутора тысяч.

Еще не прошло и двух лет, как созданы российские органы по сертификации, но за это время ими выдано 300 тысяч сертификатов, причем большинство — на пищевую продукцию. Около трех тысяч наименований не смогли получить «Сертификат соответствия».

Очень важно, что сертификат на отечественную продукцию необходим при выходе на мировой рынок. Наличие сертификата определяет

цену продукции, а в некоторых случаях — саму возможность экспорта.

С октября вступил в силу новый документ — «Номенклатура продукции и услуг, подлежащих обязательной сертификации в Российской Федерации». В списке: автомобили и телерадиоаппаратура, бытовая техника и продукты питания, вплоть до самых экзотических. Меньше в перечне обязательной сертификации — услуг. Но самые массовые — ремонт сложной бытовой техники и аппаратуры, включая автомашины и мотоциклы, деятельность предприятий общественного питания (ресторанов, столовых, кафе), а также вата, бинты, инструменты, имплантанты, приборы в медицинских учреждениях — должны иметь «Сертификат безопасности».

К сожалению, известны случаи фальсификации сертификатов — бланки плохо защищены от подделки. Часто бывает, что сертификат выдается образцу, который предоставляет сам поставщик. А получив документ, поставщик использует его на всю партию товара. Легко подsunуть испытательной лаборатории совсем другой образец продукции, чем та, которая впоследствии поступит на рынок. Предприниматели, выбрасывающие в продажу товар без обязательного сертификата, отделываются штрафами, не сопоставимыми по сумме с доходами от реализации.

Так что если вы даже потребуете в магазине, ремонтной мастерской или в медицинском учреждении сертификат, это еще не значит, будто не о чем беспокоиться.

Можно есть-пить, лечиться, чинить, носить, пользоваться... Можно. Но только — осторожно. «Береженого и Бог бережет».

В. Г.

Некультурное озеро и ухоженные пруды

Памятник очковтирателям

Если вы думаете, что такого памятника нет, то ошибаетесь. Поезжайте в московскую олимпийскую деревню. Только не стойте на троллейбусной или автобусной остановке, а спуститесь по косогору немного вниз.

К московской Олимпиаде—80 недалеко от станции метро «Юго-Западная» была построена олимпийская деревня, где предполагалось разместить зарубежные спор-

тивные делегации. Власти столицы возвели многоэтажные дома улучшенной планировки, благоустроили территорию: заасфальтировали, разбили зеленые газоны, цветники, установили какие-то необыкновенные светильники. Рядом с домами появилось несколько небольших прудов, берега которых укрепили бетоном. Посмотрели вокруг создатели этого райского уголка и довольно потеряли ру-

ки — деревня получилась очень даже симпатичная. Пусть думают иностранцы, что все советские люди живут в таких прекрасных условиях.

И вдруг — накладка. Из окон олимпийской деревни виднелись кварталы Очакова — окраины Москвы. А между этими двумя жилыми массивами лежал глубокий овраг, заполненный водой. Получалось довольно длинное озеро с малоприглядными заболоченными берегами. Такой резкий контраст: для зарубежных спортсменов — ухоженные пруды, а для советских лю-

дей — заброшенное, некультурное озеро. Спрятать или замаскировать его никак было невозможно. И тогда в спешном порядке забетонировали лишь тот берег, который виден из олимпийской деревни. А противоположный оставили в первозданном виде. Так что для иностранцев — одна картина, а для нас — другая.

Почти полтора десятилетия прошло с тех пор. Положение не изменилось. А зачем его менять? Иностранцы здесь больше не живут.

Владимир ШИНГАРЕВ

Лебединая верность и генетика

Примеры из зоологии прежде звучали весьма утешительно: уж если для животных длительная моногамия естественна, то тем более естественной она должна быть для человека. Лебединую верность прославляли поэты, а ученые утверждали, что тяга к семейным ценностям заложена у человека в генах.

Однако последние работы ученых, похоже, разрушат эту идиллическую картину. Неприятные новости пришли из мира орнитологии. С тех пор как птиц стали мечение радиоактивными изотопами, обнаружилось, что в лебединой паре приятель мамы далеко не всегда отец ее детей.

Ну уж если лебеди подвели, то что же остается людям? Изучая влияние процесса естественного отбора на изменения в человеческом мозге, эволюционная психология рисует нам совершенно новую картину взаимоотношений мужчины и женщины.

Новость первая — хорошая: человек создан, чтобы влюбляться. Новость вторая — плохая: человек не создан для вечной любви. Мозг наш, как и любой другой орган, запрограммирован таким образом, что главная цель его — передать гены следующему поколению.

Для того чтобы эта программа была выполнена как можно лучше и полнее, самец должен оплодотворить как можно большее количество самок. Вот и все. Чистая генетика, и никаких измен!

Антропологи подтверждают выводы генетиков. Из 1154 некогда существовавших и изученных человеческих сообществ в тысяче, в то или

иное время, были позволены и даже поощрялись браки одного мужчины с несколькими женщинами.

В отличие от полигамных сообществ примеров полиандрии (одна женщина — несколько мужчин и тоже вполне «официально») в истории гораздо меньше. В чем же дело: в более высоких моральных качествах женщин? Ничего подобного. Ответ дает та же генетика. Мужчина способен оплодотворить практически любое количество женщин. И чем «лучше» он «поработает», тем больше у него шансов оставить после себя многочисленное и здоровое потомство, выполнив тем самым свою основную задачу. У женщин эта задача решается совсем по-иному, ведь за свою жизнь она может родить лишь ограниченное число детей. Поэтому для нее не столь важно количество мужчин, сколько их качество. Недавно специалисты по эволюционной психологии провели любопытное исследование. Они опросили массу мужчин и женщин — насколько тех и других интересуется интеллектуальный уровень их сексуального партнера. И что же выяснилось? В высоком интеллектуальном уровне мужчин заинтересовано больше половины женщин, а в высоком интеллектуальном уровне женщин — меньше половины мужчин.

Для того чтобы получить здоровое и сильное потомство, женщина вынуждена искать здорового и сильного мужчину. Но, как показывает практика, такие экземпляры на дороге не валяются. Поэтому женщина в течение всего репродуктивного периода своей жизни тоже пребывает в состоянии поиска.

Вечный поиск, который ведут мужчины и женщины во имя воссоздания собственных генов в потомстве, окрашен эмоционально. Причем из всей гаммы цветов генетики выделяют лишь два: белый — романтическая любовь и черный — ревность. Оба эти чувства — отнюдь не порождение богатой фантазии поэтов и романистов, а вполне реальное воплощение все той же генетической программы продолжения рода. Заметно: женщины более склонны к любви, мужчины — к ревности. Почему?

Влечение мужчины к каждой следующей женщине угрожает детям предыдущей — они могут остаться без средств к существованию, их шансы на выживание уменьшаются с уходом отца. Вместе с этим уменьшаются и шансы женщины продлить свои гены в потомстве. Отсюда — любовь к отцу своих детей.

Для мужчины же измена женщины влечет за собой опасность несколько другого рода, но с тем же печальным концом. Ребенок, рожденный изменившей женщиной, может нести гены другого мужчины. Отсюда — ревность.

Генетики не прошли мимо еще одного интересного факта: чем выше по социальной и экономической лестнице поднимается мужчина, тем больше у него жен и любовниц. Для людей, занимающихся эволюционной психологией, множество исторических примеров подобного рода являются лишь подтверждением их теории: люди стремятся к богатству и власти для того, чтобы обеспечить процветание своему потомству — носителю их генов.

По той же самой причине мужчина — победитель в бизнесе, в политике является и победителем

женских сердец. Женщина вполне искренне отдаст предпочтение именно такому мужчине. И не только потому, что он может обеспечить нормальное существование ее потомству. Ученые считают, что количество тестостерона — мужского гормона, усиливающего сексуальную потенцию, резко увеличивается после каждой выигранной социальной или экономической битвы. Одним словом — победа стимулирует потенцию лучше любого медицинского препарата. А поражение потенцию угнетает.

Поэтому такие крупные магнаты, как Аристотель Онассис или Поль Гетти, неоднократно женились, всегда беря в жены более молодых и способных к воспроизведению рода женщин. Правда, с потомством далеко не всегда все получалось благополучно, однако тенденция именно такова. Поль Гетти даже заявлял: «Длительная связь с одной и той же женщиной — это удел неудачников».

Словом, ученые, похоже, кинулись в прямо противоположную сторону и всеми способами пытаются доказать, что полигамия более естественна для человека, нежели лебединая верность. В качестве доказательства они используют весьма веский аргумент: в моногамных обществах отец, уходя к другой женщине, бросает (как правило) ребенка от предыдущей партнерши на произвол судьбы. В полигамных же сообществах — мормоны в XIX веке, исламские государства — дети от разных жен бодро и весело живут все вместе под присмотром нескольких мам и плодовитого любящего папаша.

К.С

По материалам зарубежной прессы.

Фото из газеты «Паис»

Поль Гетти

Аристотель Онассис и Жаклин Кеннеди

Ночные бдения

Бессонница в России не только у молодых

Лариса ЛЕОНТЬЕВА,
Дмитрий БЫКОВ

Из всего, что подарила перестройка отечественным масс-медиа — диалоги, возможность поливать правительство, дозволенный эротизм и западные программы, — главным достижением был, есть и будет радиный ночной эфир.

Это говорим мы, полуночники.

Ночного эфира в СССР не было: телевидение по-пионерски отбивалось после одиннадцатичасового выпуска новостей, «Маяк» ограничивался бессловесными музыкальными программами до часу ночи, редко до двух. Между тем существуют ночные смены водителей, влюбленные, одиночки, городские сумасшедшие. Нормальным людям ночью положено спать или наслаждаться взаимностью. У остальных после ноля часов нет более дорогого человека, чем неведомый и невидимый ведущий, которого всякий домысливает по своему вкусу и который там бодрствует. Где? Неважно. Кому какая разница, что ночные передачи радио «Россия» ведутся из шестизэтажки напротив главного корпуса «Останкино», а «Эхо Москвы» так недавно вещало с Никольской? Тех, кто влюбляется в ночной эфир, на самом деле не так много. Но зато уж любят они сильно. Не случайно ведущие ночных программ стали в Отечестве культовыми фигурами — никто из телеведущих не мог сравниться по рейтингу обожания с Ксенией Стриж, которой пришлось-таки открыть личико в программе РТВ «У Ксюши». Никто ни на телевидении, ни на радио не получает столько предложений руки и сердца, как ночные ведущие «Четырех четвертей» на радио «Россия». К Тане Визбор однажды явились через два часа после эфира — она едва успела добраться до дома и рухнуть в постель. В половине пятого ее разбудил звонок в дверь. Открывать пошел муж. На пороге стоял человек с букетом роз. Всеми правдами и неправдами (благо есть «Мосгорсправка») он узнал адрес и пришел делать предложение. В течение следующего часа заспанная Таня и несколько обалдевший муж пытались убедить гостя, что всклокоченная девушка при му-

же и есть та самая Татьяна, дочь Юрия Визбора и Ады Якушевой. Не верил, розы не отдавал, требовал настоящую.

Вас так любили?

Так любят те, кому больше — некогда. Ночная аудитория радио — малочисленная, но самая благодарная категория населения. Радио, кстати, вернуло себе утраченные было под теленатиском позиции только благодаря крошечным радиостанциям, начавшим вещать по ночам: в 1989 году создали «Европу плюс», с 1990-го работает «Эхо». Ночной канал «Четыре четверти» заговорил годом позже — задумывался как молодежный, но бессонница в России не только у молодых. Судьбоносно, простите за анахронизм, что любимое и лучшее дитя перестройки появилось на ее излете, когда у мира окончательно поехала крыша: в ночных эфирах есть нечто экстраординарное, авральное-романтическое, некая необходимая сумасшедшинка. Для тех, кто это слушает, и тем более для тех, кто делает, эфир стал единственным и абсолютным наркотиком. Неслучайная оминия, хотя нормальный, летучий медицинский эфир не дает и десятой доли того кайфа.

Ночное вещание появилось во всем мире в конце двадцатых — начале тридцатых годов; большинство американских музыкальных радиостанций передают ночью наиболее заводной рок — для ночных водителей-дальнобойщиков. В редком романе Кинга герой не борется со сном посредством ностальгических рок-н-роллов. Во всем мире по ночам в прямой эфир выходят психоаналитики, отговаривающие самоубийц. У нас ничего подобного нет: за все про все работает журналист-ведущий. На него и обрушиваются свои проблемы все, от кого сон бежит к удачникам.

Костя, оператор «Радио России», стаж работы — два года:

— Никогда уже ни от чего другого не заташусь. Я разное перепробовал: в леса ходил с КСАшниками, туризм, альпинизм, — даже горы не идут ни в какое сравнение. Что-то мистическое в этом есть. Я вообще в такие вещи мало верю, но тут полное ощущение прямой связи, какая-то другая волна, не радиная. Представляешь: у нас тут после одиннадцати пусто, только мы и мили-

ция на этажах. Ведущий-то в два часа обычно уходит, а оператор остается — перегонять программу в другие часовые пояса. Утром уходишь весь легкий-легкий и пустой. Раньше и развоза не было — иногда гости через весь город сами добирались. И все равно: кого раз позвали — всегда еще просится. Самый прямой дневной эфир не дает таких ощущений: какая-то невероятная интимность во всем этом. Я думаю, если бы не мы, самоубийств, разводов, драк было бы на порядок больше. Для кого-то эти программы — единственная отдушина. Ведущий выходит мокрый, как после кросса, даже если это у него тысячный эфир. Начальство ведь тоже не спит — слушает. А не слушает, так докладывают: специальные люди есть, особливо не разгуляешься. Но ты заметь: когда все это дело начиналось, очень боялись наверху, что кто-то ляпнет матом, да мало ли... Опасались звонки в эфир выводить, оператор записывал вопросы и с бумажкой в студию бегал. Чтобы кто когда нахамил ведущему, выругался — ни в жизни. Он же там, у телефона, физически ощущает это огромное пространство, на которое говорит...

Ведущие. «Их знали только в лицо» — вечная фраза о разведчике; этих знают только по голосам, и это справедливо. Они избегают показываться на людях. Они должны для каждого быть единственными, своими, домысливаемыми до идеала. Ведущий — каторжник ночного эфира: по мнению всех, кто причастен к радио, ему доводится тяжелей прочих. Паузы не допускаются, растерянность исключается. Специально к ночному эфиру у нас не готовят: в конце восьмидесятых туда добровольно пошли молодые журналисты. Визбор, Умановский, Предтеченский, Васильев — на «Четырех четвертях». Бычкова, Болтынская, Венедиктов, Ганопольский — на «Эхе». Ведущим «Европы», «Ностальгии» или «Максиму» немногим легче: от них не требуется вести непрерывный диалог с аудиторией, но подбадривать слушателя в два часа ночи, предваряя очередную композицию, — еще как не сахар!

Говорить, собственно, можно о чем угодно: важно говорить. Ночной эфир создает уникальное ощущение братства, сплоченности, клана: мы с вами, вы с

нами, и все мы вместе. Ведя разговор или слушая его, чувствуешь себя чуть ли не элитой. Ведущие становятся своими мгновенно. Все знают, что Михаил Предтеченский скажет «Добрейший всем вечерок», а высшая его похвала — «Достойнейший человек!». Все знают, что Слава Умановский никогда не откажется от повышения интонации на последнем слоге фразы, а гости его — чаще всего литераторы, у которых он непременно спросит, как они выживают. От Александра Алексеева ждут отвлеченного разговора о наимоднейшей музыке и гостя — ди-джея. С некоторыми звонящими устанавливаются заочные дружбы — видеть друг друга не обязательно. «Ах, это опять вы? Чем порадуете? Как жена, как дети?»

Никто, никто не вернет нам той крошечной, совершенно кухонных габаритов студии «Эха Москвы» с ее пультом, за которым негде повернуться, с импортным прозрачным чайником (заваривание чая превращается в сложный химический процесс), с незабвенными плакатами на стенах: «Товарищ, помни, чуток враг: не говори зазря «ИТАК»! Нанайская народная мудрость. Раз в полчаса с третьего этажа вбегал взмыленный ведущий «Москвы ночной», докладывающий сводки пожарных, Гидрометцентра и милиции. Лай ночных московских собак доносился в микрофоны через вечно открытое в летнюю ночь окно — это было почище знаменитых гудков под бой курантов с Красной площади! Теперь «Эхо» вещает с Нового Арбата, где уже нет той древней, мгновенно перегревающейся аппаратуры, которая на честном слове выдерживала августовские и октябрьские авралы, служа единственным гарантом свободы печати и свободы вообще. «Эхо» никогда не охранялось толком — полусонные старики-вахтеры да невеликие силы самих журналистов. Но уж и таких приколов, как в оны начальные дни, не будет никогда! Режиссер Сергей Бабенков и его команда наготовили банк заставок, из которых наиболее популярной была знаменитая «Не в кассу» — звон монет, сгребаемых лопаточкой гипотетического крупье, и веселосочувственный голос: «Не в кассу! Попробуйте еще раз» — после неудачного вопроса или дурацкого комментария.

Звонки в ночной эфир — о, это поэма! Ощущение среды, ныне совершенно утраченное: точные и тонкие комментарии одиноких интеллектуалов; вечные отгадки труднейших конкурсов; прилежные пенсионеры, выплакивающиеся в жилетку ведущей «Кастальского ключа» Анны Бычковой: совершенно негде поговорить о прекрасном,

кроме как вот с вами! О, Болтянская, женщина-вамп авторской песни, любимица всей лесной братии! Но плюс ко всем, кому программа предназначена и кто все просекает с полуслова, — какое количество «чайников», жаждущих дорваться до эфира! Девять десятых, не меньше. В наших людях кипит жажда самовыражения. Протолкавшись в эфир, они начинают петь. Или читать стихи. Стихи чаще всего политического содержания, песни — лирического. «Я вам сейчас спою очень печальную песню про любовь». — «Ой, не надо печальную!» — «А, не хотите? У меня и веселая есть» (включает фонограмму, три минуты поет под фоно). Один меланхолический романс запомнился всею «Эху» и вошел в фольклор:

*Вроде по всему ты мне подходишь,
Ты не меркантильна и с душой, —
Отчего ж ты от меня уходишь?
Мы ж могли быть счастливы с тобой!*

Издаваться грех, трубку не бросишь. В дневной эфир такому человеку не пробиться, а так он расскажет всем, что звучал по радио. Счастье.

Есть, разумеется, звонки нечистоплотные — самореклама. Например, один гей-клуб стабильно называл свой телефон и приглашал в гости «к веселым голубым мальчикам» прежде, чем ведущий успевал положить трубку. Как-то рассвирипевшая Болтянская не выдержала и шуганула веселых голубых, сблефовав, будто на телефоне стоит определитель номера, по которому и отправит счет за рекламу что-то тысяч на двести с хвостом. Отвадила.

Как ни странно, исповедуются понастоящему очень немногие. Видимо, сказывается дефицит психоаналитических программ: некоторым необходимо рассказать о себе на всю страну, наслаждаясь одновременно публичностью и анонимностью. Такого «телефона доверия» ни на «Эхе», ни на «Четырех четвертях» пока нет. Поэтому жалуются в основном на политиков, на цены, на заисилье иностранных надписей. Это контингент особый — пенсионеры, военные, мидл класс. Молодежь либо благодарит, либо заказывает музыку. Фоноотеки собираются кустарно и с энтузиазмом: когда-то суперхитом был игловский «Отель «Калифорния», который на «Эхе» и на «Европе плюс» никто не может слушать без содрогания. Одно время — «Ты теперь в армии». Позже — Патрисия Каас. Неизменно — «Наутилус», «Аквариум», особенно любимые полуночниками, реже — «Машина».

Дмитрий Васильев, «Четыре четверти»:

— Аудитория? Пестрейшая. Мы, честно говоря, рассчитывали поначалу только на тончайшую прослойку молодежи. Оказывается — слушают! Вот был такой сюжет о больных детях: его услышало столько народу, сколько ни одно дневное радио не соберет! И представляешь — ночью звонят даже дети. Отроческая какая-то пошла бессонница, честное слово. Иногда просят повторить разговор или конферанс, заказывают гостей. Где, когда еще напрямую с такими людьми поговоришь? Кстати, к нам охотнее идут, чем в дневной эфир: романтика, да и слушают те, кому действительно надо. Особенно нас любят поэты и музыканты — это их аудитория, родная, все лишние спят давно.

Кто не был в ночном эфире — не поймет этого потрясающего чувства внутренней свободы. Никто не стоит над душой, народу в здании — минимум. Ночной эфир сообщает происходящему некий оттенок ирреальности. Приносят сушки и бутерброды, спят на сдвинутых стульях. В музыкальных паузах выбегают к оператору: «Ничего эфир?» — «Нормалек!» Путают фонограммы и весело переругиваются по этому поводу. То, что в дневном эфире — недопустимая погрешность, здесь — нормальный элемент хепенинга: все свои. Пустые коридоры радио «Россия» выглядят сказочно, лабиринтно: в сортир не выйдешь без пропуска, обратного пути не найдешь без провожатого. В этих лабиринтах подчас жутковато: сильнейший фон да еще материалы звукоизоляции, говорят, вредны... «У нас ведь почти никто из женщин родить не может» — сетования девушки-оператора.

Пьют ли в ночном эфире? Ну, разумеется, пьют. Умеренно, чтобы не выйти из рамок допустимого, — но без легкого допинга продержаться ночь один на один со страной может только пулыт. И он бы пил, если бы мог. Считается, что этого нет. Но запретные сто грамм и придают разговору необходимую доверительность. Один слушатель пожаловался, что ему выпить не с кем. Наливай, брат, я чокнусь с микрофоном. Поехали!

Под утро возможно вообще все. Один из авторов этих строк как-то к пяти часам утра дотягивал эфир с друзьями (сразу послу жуткой передачи о тибетской «Книге мертвых» с ее таинственными текстами и ужасающим фоном далеких песнопений — виртуозная операторская работа). Полагалось желать доброго утра, через полчаса открывалось метро, утро красило нежным цветом. «Спойте!» — попросил слушатель, всю ночь прободрствовавший с нами. Что спеть? А что знаете. Ну, лад-

но. Я начну, а вы все подтягивайте: три-четыре! В эфир на мотив «Катюши» понеслось:

*Выхожу один я на дорогу,
Под лунной кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.
Так забудь же про свою тревогу!
Не грусти так широко обо мне,
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
Я люблю твой замысел упрямый
и играть согласен эту роль,
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уволь.
Эх!
Выходи-ила на берег Катюша
В старомодном ветхом шушуне!*

Где, когда еще, скажите, такое возможно? Когда мы еще так поговорим и споем — с полной свободой, потому что не видим друг друга? В ночном эфире, в надзвездных сферах его наши голоса встречаются, как души. На улице увидимся — даже не раскланяемся, а тут — родные.

— Назначая вам завтра свидание на проспекте Мира, кольцевая, в тупике, в шесть вечера. Если не придете — я больше не верю в человечество.

Передайте, пожалуйста, для моего парня, который сейчас в армии, его любимую песню «Еще Один Кирпич в Стене»! И передайте, что по его просьбе я уже завела собаку, назвала Сержант и каждый день бью!

— Таня, Таня! Мне восемь лет, у меня кот второй день ничего не ест...

— Вам сейчас позвонит мой сосед, он вас всегда слушает, так вот, не верьте ни одному его слову!

— Скажите, а есть ли жизнь на Марсе? Или тоже нет?

Глухая ночь. И гигантский город с его редкими машинами, с бригадами «Скорой» и милиции, с его ворами и бродягами, с его одиночками.

В это время в саваннах зацветают кактусы. В джунглях разворачиваются гигантские бледные цветы. Кто-то плывет в гондоле и слушает тенор гондольера, желательно черноглазого. Кому-то жить не хочется.

Беззащитны мы с вами, дорогие друзья.

Ночью кто-то должен не спать. Уютнее всего спится, когда некто бодрствует рядом.

Всякому нужен исповедник и собеседник: когда его нет, Иона разговаривает с лошастью, собака — с лунной, несчастливо влюбленный — с ночным эфиром.

Шестичасовая ночная смена стоит пять тысяч рублей. Для справки. ■

Голос

Вера ПАВЛОВА

Если начать с высокого «до»: чу-до.

Имеющие касательство к пернатому оперному отряду не могли не слышать о нем. Пастернаковски благородная подводная слава бесшумными широкими кругами расходится вокруг этого имени: Гертруда Троянова (найдется ли имя более оперное, чем Гертруда? — Все Эльвиры и Аиды, все Германы и Рудольфы резонируют в нем...).

Не могли не слышать, вряд ли могли видеть. Троянова никогда не (сколько раз придется еще повторять это «никогда не!») преподавала на вокальных кафедрах консерватории или Гнесинки. В Гнесинку, правда, звали — отказалась: не могла согласиться с официальной методикой, не хотела тратиться на борьбу с ней. Предпочла частную практику...

— Гертруда Михайловна, можно посидеть на уроке?

Предпоследняя на ветке станция метро, последняя остановка автобуса, предпоследний этаж блочной башни, уютная, но маленькая квартира. А в ней — шесть человек, кошка и рояль, полдня занимающий почти всю комнату, а

полдня — когда занимается внучка Трояновой Яничка — всю квартиру. Тем не менее вначале ученики приходили именно сюда. Из домашних это нравилось только кошке. Кошка особенно полюбила низкие голоса и мяукает в диапазоне меццо-сопрано. Год назад возник расположенный неподалеку ДК (из тех, что Заболоцкий окрестил «курятниками радости»), класс, тоже почти целиком занятый роялем, мальчишки под окном, дружными кошачьими воплями вторящие высоким нотам учениц.

— Это нормальная реакция, — невозмутимо улыбается Гертруда Михайловна. — Им тоже хочется петь.

Когда я думаю о дыхании, у меня захватывает дух. Перевернутое чудо-дерево легких, неземное благозвучие дыхательной анатомии (альвеолы! мерцательный эпителий!) и — святая святых — связки, трепещущие при каждом выдохе, словно каждый выдох мечтает стать звуком...

Мать ставит на ноги. Учитель пения ставит голос. И, быть может, только тогда осуществляется вполне захватывающий замысел прямохождения.

Два человека у рояля. На разных его полюсах, роялем объединенные и разде-

ленные. Ученица, опирающаяся о его крышку, падающая от усталости, смотрящая неотрывно, как в ноты, в лицо учителя, в пронзительные глаза под круглыми бровями (как знаки ферматы — трудись, голубушка, тяни звук!). И — учитель... Вот оно, чудо, вот оно: приветливая красивая женщина, только что говорившая с вами о кошках, мало сказать, вся обратилась в слух — вся стала слухом. Орган слуха. Есть люди, видящие человека насквозь. Троянова человека насквозь — слышит. Проникает своим рентгеновским слухом, где и как расположен эмбрион голоса, следит с мудрой неторопливостью садовника, чтобы он правильно рос.

— Сколько времени вам нужно, чтобы вырастить голос?

Отвечает сразу, твердо:

— Два года.

— И вы можете научить всякого?

И снова незамедлительный ответ:

— Каждого третьего.

Самоуверенность? Нет — уверенность в годах вынашиваемой и проверяемой методике, точной, как таблица Менделеева. Трояновой чужд сюрреализм, царящий в вокальных классах, где вам могут предложить «поднять рояль» или «зацепить звук за карниз».

ЮРИЙ ШТУКИН

— Звук рождается в гортани, — объясняет она (в который раз?). — Вот попробуйте, произнесите ряд разных гласных, не артикулируя губами. Видите? Губы ни на что не влияют, гласные формируются в гортани. А что такое гласные? — Глас, голос! Вот основа: помещение гласных в гортани без артикуляции. И — фиксация гортани в одном месте. Это позволяет органично соединить грудной и головной регистры и укрепить и выровнять голос по всему диапазону... Понятно?

Ну, попробуем: с нотки на нотку, подгоняя одну к другой — ИИИ-ДУУУ — не давая ни одной зарваться, задирая за собой гортань, в трескучий головной регистр — ЛЕЕЕИ-СЯАА — переливая одну гласную в другую — ЭЭЭ-ТООО — накачивая на самых низких нотах облепившиеся мышцы связок, заставляя их работать всей поверхностью — ЕЕЕС-ЛИИИ — если так — каждый день, то — ОЙ-ЛААА-ДООО — крылья голоса окрепнут, и он поднимет тебя, и оторвет, и понесет, а сам при этом не вырвется, не сорвется, останется внутри, совпав с внутренним голосом, и ты зазвучишь всем телом, всеми бронхами-альвеолами, и это будет действительно — твой голос — А-ЛИ-ЛУ-И-Я.

Так начинают. А результат может представить себе тот, кто слышал лауреата (I премия) конкурса Чайковского этого года Марину Лапину, ее властный, от-

ливающий черным золотом голос, для которого, кажется, не существует технических трудностей (помните ее Абигаиль, три мертвые петли от верхнего «до» через весь диапазон?).

— С Мариной мы занимаемся уже 11 лет. Она пришла ко мне... — Гертруда Михайловна берет толстую записную книгу, в которую с материнской тщательностью заносит все перипетии судеб своих учеников, — 14 марта 83-го года, из хора Гнесинской оперной студии. Мы ездили с ней на шесть конкурсов, в 91-м году она победила на конкурсе Глинки,

и ее взяли в Большой. А Лена Заремба занималась у меня 14 лет. Сейчас у нее зарубежные контракты до 97-го года, двадцать спектаклей «Кармен» — в Германии, во Флориде и, по приглашению Дзеффирелли, в Арена-ди-Верона, в новой постановке... Светлана Качур работает в Германии.

— А сколько у вас всего учеников, «доведенных» до результата?

— Двенадцать.

— А сколько сейчас учеников в вашем классе?

— Двенадцать.

Такое вот библейское число.

И, что особенно удивляет и восхищает, Троянова не выбирает самых одаренных, самых голосистых, не ставит перед собой честолюбивой задачи «зажигать звезды». Просто: каждому дает его голос. Еще точнее: каждому голос — возвращает. И здесь кончается искусство (и дышит почва и судьба).

— Я помогаю тем, кто нуждается в помощи.

Голос — позвоночник души.

В этом смысле мы — нация горбунов. Мы, носители одного из самых певучих языков, говорим визгливо, отрывисто, невнятно. О пении и думать нечего — когда вы видели последний раз на улице поющего человека, пусть даже пьяного? Наши дети пищат мультяшными голосами и поэтому без конца болеют

горлом. Методика Трояновой многих из них могла бы просто вылечить.

— И вы никогда не пытались пропагандировать свою методику?

— Нет. Мои учебники — это мои ученики.

А дальше — сюжет слишком знакомый. Ученица-австрийка заставила Троянову сделать видеоролик с выступлением ее учеников и позвонила директору международных летних курсов в зальцбургском Моцартеуме. «Никаких русских!» — воскликнул тот (за несколько десятков лет существования курсов из русских там преподавала только Вишневецкая, только два сезона — на третий ее не пригласили).

Но кассету взял...

— И как Зальцбург?

— Очень жарко — 38° в тени. В моем классе было семь человек. Потом еще четыре корейки перешли от педагога-итальянца. Правда, времени было мало. Но и за три недели мы кое-что успели. У одной корейки прошло хроническое несмыкание связок. Вообще, студенты приезжают в Зальцбург, чтобы шлифовать стиль исполнения моцартовских арий. Но я работала и над певческой школой, составляющей у многих желать лучшего.

Что к этому добавить? Что на следующее лето Троянову пригласили в Зальцбург не просто провести мастер-класс, но и прочесть лекцию для педагогов. Что зимой она поедет туда по частному приглашению и шесть ее летних студентов съедутся в Зальцбург, чтобы взять еще несколько уроков. Что наш разговор был прерван приходом Лили, немки, последовавшей за Трояновой в Россию, не говорящей ни слова по-русски (и как они только занимаются?).

И биографию Трояновой мне приходится переводить с немецкого, из зальцбургского буклета: родилась в 1926 году в Херсоне, закончила Гнесинский институт, работала в Одесской, а затем в Московской филармонии, в течение пяти лет была солисткой Камерного оркестра под управлением Льва Маркиза, педагогический стаж — более тридцати лет, из них пятнадцать — по авторской методике...

Вчера позвонил настройщик.

— Сентябрь, — сказал он. — Пора настраивать инструмент.

И для меня стало так ясно, как простая гамма, что время перестройки сменилось временем настройки и что связь времен проще всего представить себе как смыкание связок.

ТРЕТЬЯКОВКА: осторожно, двери открываются!

**Лаврушинский
можно переименовывать
в Луврушинский**

Николай МАЛИНИН

Илья Репин как-то сказал, что Москву так же невозможно представить без Гиляровского, как и без Третьяковки.

Мы научились невозможному: девять лет прекрасно без нее обходимся.

Еще годик подождем — и юбилей справим. Прессу созовем, стол накроем, выпьем за русскую культуру.

Вот только суровый Репин наверняка все испортит. Встанет и скажет, что нынешнюю Москву уже невозможно представить без трех «позоров»: Третьяковка, Ленинка, Большой.

Все осыпается, протекает, расплзается.

Такова уж судьба былых символов: трескаться по швам вместе со страной, которую они символизировали.

Перестройка Третьяковки шла след в след с перестройкой СССР. И здесь был свой неуклюжий рынок, робкая гласность, кущее ускорение, передел накопленного, смена руководства, наконец, своя печаль и своя надежда.

Когда возродится Россия — неизвестно. Третьяковке дано указание возродиться к 14 декабря.

Контролирует работы лично мэр города. Приезжает каждую неделю, а то и по два раза. Его негласным распоряжением Третьяковка стала «ударной стройкой».

4 сентября был Ельцин. Выразил восхищение. Обещал помогать. Просил держать в курсе.

Подобное огосударствление искусства всегда пугает. Чего хочет женщина — того хочет Бог, чего хочет кесарь — того не надо ни женщине, ни Богу, ни искусству.

Из вышеперечисленных трех символов Третьяковка была наименее официальной. Но власть вечно тянула к ней свои отвратительные брадобрейские руки. В двадцатые годы перед галереей стоял памятник Ленину, в тридцатые — Сталину. Сейчас — Третьякову. Эволюция, согласитесь, обнадеживающая.

...Третьяковку любили по-настоящему.

И даже бывали — регулярно.

Булгакова так часто не перечитыва-

ли, «Иронию судьбы» так упрямо не пересматривали.

Символ этот был живым, прочие отпугивали. Кремль — официальностью, Арбат — окуджавностью, Большой — конвертируемостью, памятник Пушкину — банальностью, Таганка — революционностью.

В юности, правда, возникал конкурент — Волхонка. Соблазняла мятежностью, ветренностью, искушала неопределенностью, лукавством.

Если Третьяковка была любимой бабушкой, то Волхонка — любимой девушкой. Кокетливой, капризной, непоседливой.

На Волхонке — ветер, в Третьяковке — солнце; там — улица, здесь — переулок; там — стройные колонны, здесь — чудные терема; там — тела, здесь — лица; там — эротика, здесь — любовь; там — новелла, здесь — сказка...

Юность и зрелость — западники, в лучшем случае — космополиты; детство и старость — патриоты, славянофилы.

Третьяковка — вотчина последних. Манила стариною, дух там стоял подвижнически-передвижнический, старомосковский; сами стены, казалось, дышали XIX веком.

Но старина обернулась бедой; напрыгавшись через костер, Снегурочка в

конце концов растаяла. Стены обветшали, перекрытия прогнили, лестницы трещали. Посетителей пускали в последние пять залов.

Идея реконструкции зрела давно; прежде чем закрыться, надо было куда-то деть коллекцию. Проблему решили за год: Третьяковка ввела в строй новое здание, а в русский язык новое слово — «депозитарий».

Но в неграмотной речи иностранные слова звучат смешно; ударные темпы освоения новой лексики обернулись халтурой. Журналисты долго смаковали тот факт, что специализация финской фирмы «ЮИТ ЮХТЮМЯ», возводившей новое здание, — строительство картофелехранилищ. Дело было, конечно, не в ущемлении национальной гордости; просто депозитарий протек, попортив «Импровизацию N 7» Василия Кандинского. Впрочем, 22 ошибки, сделанные финнами, давно исправлены, депозитарий нынче считается выдающимся музейным сооружением, а галерейщики молятся, чтоб их новое здание получило хотя бы 122 рекламации...

Но тогда был скандал. Письма в прессе. Их авторы возмущались тем, что свежестроенное здание Инженерного корпуса подавило своим громадем старый дом с васнецовским фасадом; что нутро Третьяковки выпотрошено, а с ним исчезло ощущение подлинности, соприкосновения с историей; что повырвали старинные вязы...

Письма намекали и на то, что в былые годы судьба галереи решалась Попечительским советом. Директор же ГТГ, Юрий Королев, хозяйничал авторитарно, люди при нем уходили; «Неделя» обвинила его в совершении сомнительных финансовых операций; в конце концов Королев приобрел у самого себя 9 живописных полотен и 20 с лишним графических работ. (Известно, что, будучи членом Попечительского совета, Валентин Серов не позволил купить ни одного своего произведения, а сам Третьяков покупал порой совершенно несимпатичные ему полотна — ради полноты картины; но тут, видимо, другой случай.)

В позапрошлом году Королев умер. Вспоминают его сегодня чуть ли не с нежностью. Хотят даже увековечить память — какой-нибудь мемориальной досочкой. «Конечно, — говорила мне одна из высокопоставленных сотрудниц ГТГ, — он был неоднозначной личностью, но — личностью! Наверное, с его стороны было бы благороднее дарить свои картины, а не продавать... Но он был художник не хуже прочих и отражал, несомненно, своим творчеством какой-то этап в развитии советской живописи.

Пусть и не самый яркий».

Новый директор, Валентин Родионов, — профессиональный строитель, бывший замминистра. Блестяще понимая свое дело, он не торопится блеснуть знанием искусствоведческих тонкостей. Наверное, сейчас это и не главное, но эстеты морщатся.

Впрочем, рядом с Третьяковым все равно поставить некого. Единственное,

ло перевалило за сотню тысяч. Правда, солидную долю составляет социалистический реализм...

Избавляться от него Третьяковка не спешит. «Мы все-таки были элитарным музеем, — говорит заместитель директора Лидия Иовлева, — и откровенного хлама себе не позволяли. Это даже несколько обидно в эпоху нынешней моды на тоталитарное искусство...»

в чем он уступает последователям, так это в количестве сплетен, анекдотов и приписываемых пороков. Имея чуть ли не самый широкий круг знакомств в Москве, человеком Павел Михайлович был замкнутым и молчаливым, может быть, даже занудным. Вставал в семь, в восемь пил кофе, на час забегал в галерею, а потом отправлялся в банк, где и сидел целый день. Жизнь его из года в год была настолько однообразна, что даже лошадь не приходилось править, она все знала наперед.

Завещание о передаче коллекции городу Третьяков написал в 28 лет, только начав собирать. Камнем же преткновения стала знаменитая приписка 1898 года о «нежелательности пополнения коллекции». Поскольку юридической силы приписка, как позже выяснилось, не имела, Попечительский совет продолжал покупать картины, из-за чего периодически возникали скандалы. Но все эти «пополнения» были пустяком по сравнению с тем, как разбухла коллекция после революции: в нее влились собрания Остроухова, Цветкова, Гиршмана, Румянцевского музея (включая «Явление Христа народу»). Если при основателе галерея насчитывала две тысячи единиц хранения, то сегодня их чис-

тем не менее вопрос о разделе коллекции решен принципиально: в Лаврушинском «советского искусства» больше не будет (вздых облегчения). Его адрес — Крымский Вал. Правда, к этому глубокоуважаемому шкафу (который довольно беспардонно носит имя «Третьяковской галереи») у музейщиков много претензий и его ждет основательная реконструкция.

Граница же, которой делится коллекция, — не семнадцатый год, а начало десятых, то есть рождение авангарда. Последняя картина, остающаяся в Лаврушинском, — «Импровизация № 7» Кандинского, датируемая 1910 годом.

Понятно, что многие художники таким образом получают сразу две «прописки», но Третьяковку это не смущает: важнее сохранить дух, нежели биться за условную полноту каждого мастера.

В старом здании получит наконец-то подобающий простор живопись рубежа веков. Тесно было Врубелю — теперь у него полтора зала (ради этого специально был перекрыт один из внутренних дворов; второй — для Александра Иванова). В одном из врубелевских залов — громадная «Принцесса Греза», которую вообще сто лет никто не видел, с тех пор как, показанная на Ниж-

городской ярмарке 1896 года, она таинственным образом исчезла и была обнаружена лишь в пятидесятые на колоннах Большого театра.

Сосед Врубеля — Михаил Нестеров, также прежде «затираемый» (в экспозиции было всего две его картины). На старом месте останутся васнецовские «Богатыри» — единственная картина галереи, которая ни разу не перевешивалась. А репинский «Иван Грозный...», порезанный в 1911 году душевнобольным, закрыт теперь специальным стеклом, не дающим бликов.

Отдельные залы получают скульпторы (впервые в отечественной музейной практике): Мартос с Шубиным, Коненков с Андреевым. А вот Паоло Трубецкому персонального зала не досталось, поэтому он останется в компании современников-живописцев.

Наконец, шесть особо затемненных залов займет графика; скомпонованная в три блока, она будет меняться каждые полгода (таковы требования к хранению рисунков); таким образом, за полтора года можно будет увидеть все.

Всего же вместо 51 зала будет 61; общая площадь обновленной Третьяковки — 7 тысяч кв. м. Сюда входит и «золотая кладовая», где будут храниться бесценные иконы и миниатюры, а также церковь Николая в Толмачах. Ей придан статус «домовой», но одновре-

менно она остается музеем: в ней разместится часть коллекции икон, в том числе «Владимирская Божия Матерь» и «Троица» Андрея Рублева. Службы здесь будут не частыми, режим — особым. Традиционного для нашего времени конфликта между музеем и церковью здесь нет, а настоятель храма даже является штатным сотрудником ГТГ.

Кроме того, музею передан весь квартал до Обводного канала, а через оный к памятнику Репина переброшен мостик, построенный в безумно оперативные сроки и прозванный, соответственно, «Лужков-мост».

...Если для хорошего музея считается удачей демонстрация хотя бы десяти процентов собрания, то Третьяковка намерена показать треть. Правда, у Павла Михайловича висело вообще ВСЕ, но то был частный музей и хозяин мог позволить себе такую роскошь, как шпалерную развеску (картины висели в шесть рядов до самого потолка). Ее, так же как и выгородки, ликвидировал еще Игорь Грабарь и повесил картины в четыре ряда. Нынче они висят — в соответствии с музейным каноном — в два ряда на бледно-зеленом фоне.

...Третьяковка должна была открыться в 89-м, потом в 90-м, в 91-м, в 92-м году... Юрий Лужков очень хотел открыть ее ко Дню города. Но у музея свои законы, и распорядиться ими по-мэрски нельзя. Печально, что музей закрыт почти десять лет, но еще тревожнее думать, что он может открыться спешно и с обычными для нас недоделками. Искусственный климат (19—21 градус и движение ветра не более метра в секунду) работает стабильно еще не на всех этажах, да и развесить все нужно тщательно: для этого приглашены «варяги» — мастера экстра-класса немецкой фирмы «Хазенкамп».

Торжество стекла и света

Вильям МЕЙЛАНД

Все связанное в последние годы с Третьяковской галереей: ее затянувшаяся глобальная реставрация и обновление, официальное предоткрытие по случаю празднования Дня города и будущее вождеденное всенародное открытие — волнует каждого, кто неравнодушен к отечественной истории и культуре.

Попав несколько лет назад в Инженерный корпус и увидев движущиеся стеллажи со знакомыми с детства живописными сокровищами, убедился, что строители и сотрудники галереи хоть и медленно, но продвигаются к намеченной цели. Мой сдержанный оптимизм в связи с возрождением Третьяковки окончательно окреп, когда во время работы над статьей о творчестве художников Т.Сажина и Л.Фоминой я увидел парадный вход, вестибюль и различные подсобные помещения. Не скрою, это было ревнивое сравнение москвича, ходившего сюда с детства. Я помню, что там было, и поэтому могу оценить, что стало. Подчеркиваю, речь не о новой экспозиции, а лишь о новой световой среде Третьяковки, о ее люстрах, торшерах, бра, а еще точнее — о торжестве стекла и света, предвещающем торжество нашего отечественного искусства.

Я хорошо помню старую длинную лестницу, тусклое освещение и привычное беглое разглядывание «проходных», неглавных картин, а также обязательную остановку с отцом перед самой светлой из них (зима, заснеженный мостик через темную реку, поле и лес в отдалении). Кто-то скажет — при чем тут эта лирика? А при том, что без нее нет для меня и для тысяч других старой Третьяковки.

Ныне парадная лестница пуста и чиста. Говорят, что скоро там появятся специально для этих стен заказанные гобелены. Пока же здесь блистательно солируют большие и малые люстры из прозрачного и сиреневого стекла и два

превосходно выполненных торшера, отдаленно напоминающих старые торшеры, стоявшие на тех же местах. Воздушная ажурная пластика люстр, выполненных по проекту наших художников австрийскими мастерами фирмы «Колмар», создает атмосферу праздника, распрямляющего спины и поднимающего головы и, таким образом, подготавливающего встречу с искусством разных веков. Предваряющую постепенность этой торжественной встречи удивительно тактично и точно обеспечивает и вся прочая светопластика: люстры гардероба, вестибюля и других промежуточных подсобных помещений. Т.Сажин и Л.Фомина удачно применили своего рода «рифму» — пластическое подобие занавесей («маркизы»), когда-то висевших в этих помещениях Третьяковки. Светоносное стекло люстр вестибюля органично соотнесено с золотистыми металлическими конструкциями. Легкие изящные светильники и люстры украшают не только основное здание, но и скромное по размерам кафе во дворе галереи. Другими словами, перед нами продуманный гармоничный ансамбль, а не формальная монументально-декоративная работа на заказ, которую можно пристроить в любое большое общественное здание.

Общая стоимость проекта и его осуществление обошлось государству в весьма значительную сумму в твердой валюте. Но это, к счастью, как раз тот случай, когда деньги не растворились в дыму идеологической демагогии или обычной нашей бесхозяйственности. Не стали они и добычей влиятельных, но бездарных придворных творцов, бдительно и хищно следящих за крупными государственными заказами.

Одним словом, спасибо вам, господа российские художники! И с торжеством вас, госпожа Третьяковка!

Фото Владимира Шишова

Первые картины («Боярыню Морозову», «Богатырей», «Явление Христа народу») внесли еще 4 августа. 5-го отслужили молебен, а 30-го собрали журналистов. В отличие от Ельцина они бурного удовольствия не выразили, бурча, что на метро смахивает и что от старой Третьяковки остался только фасад с Георгием Победоносцем...

Наиболее же вдумчивых заботит идейный курс Третьяковки. По их прогнозам, галерея вполне может взять вправо: и мостик к Репину (то бишь к передвижникам) вполне символичен, и церковь приобщена к искусству не случайно, да и многие последние выставки (Васнецов, Нестеров, Корин) имеют вполне славянофильскую подоплеку.

Но все это можно истолковать иначе: в Репине, быть может, Третьяковку привлекает вегетарианство, в церкви — расширение жилплощади, ну а кроме «патриотических» выставок можно вспомнить достаточно космополитский «Русский модерн», Паоло Трубецкого или, в конце концов, наикрутейшую конференцию по авангарду.

...Столковавшихся москвичей обещают запустить 14 декабря, ко дню рождения основателя галереи. Несмотря на то, что музейный бум в России схлынул, Третьяковка все равно ждет очереди: она тоже по ней соскучилась.

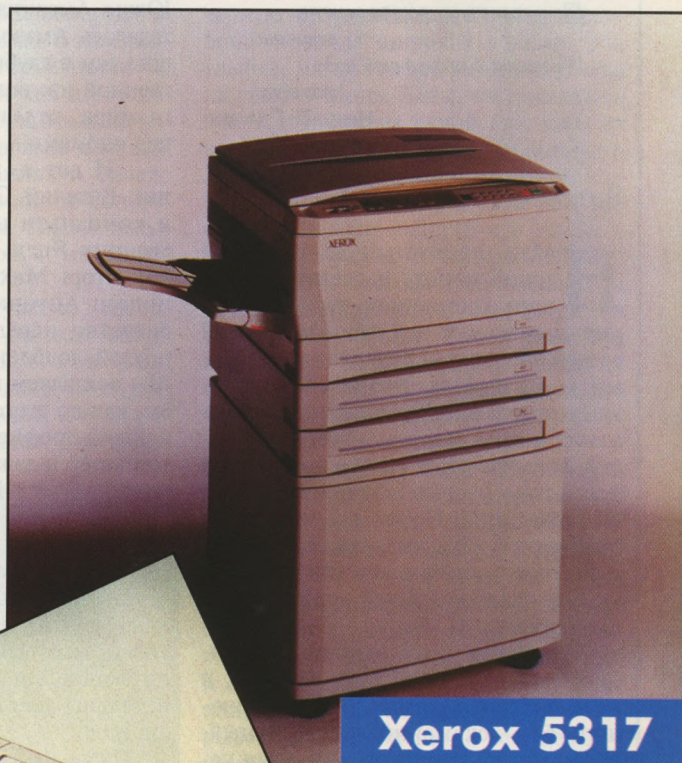
КОПИРОВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ, ОТВЕЧАЮЩИЕ ВАШИМ ПОТРЕБНОСТЯМ

Наши копирующие машины, простые в обращении, бесшумные в работе и безвредные для окружающей среды, создадут Вам максимум удобств и сделают работу просто удовольствием. В этом Вы можете быть уверены, сотрудничая с компанией, имеющей почти 30-летний опыт продажи высококачественного офисного оборудования в СНГ.

По вопросам покупки и обслуживания машин Xerox обращайтесь к ближайшему Уполномоченному дилеру фирмы **RANK XEROX**

Xerox 5332

Xerox 5317

Уполномоченные
дилеры Rank
Xerox в Москве:
Фан: 943-6216
АДФ: 299-4675
Мегалит: 111-7719
А1.ТИС: 928-4831
Лампорт: 125-1101
Инвен: 962-9104
Ками: 278-9412
Линко: 292-7985
Ранибо: 203-0407
Атлас: 928-320
Авалон: 143-8786

Xerox 5220

Уполномоченные
дилеры Rank Xerox в
Москве:
РВК: 924-7986
Майкросэйдж:
316-8742
Глобал:
245-8789
Балчуг: 124-4938
Интерюнити:
318-5113
М.Т.Т.: 492-0301
Лизинг Бизнес: 128-9590
Контракт-М: 286-0538
Модитар: 292-3612
Вега-С: 127-9005
Альфа: 229-6034

Xerox
The Document Company

женно прислушивается. Шум дождя. Напряжение Антонио передается всем. Озираясь и стараясь не шуметь, говоря на языке военной терминологии, — «рассредотачиваемся». Вхожу в протоку, встаю на корягу...

Индейцев было трое. Явно стараясь напугать нас, они размахивают луками и одновременно что-то кричат. Антонио вступает с ними в переговоры, и воины спустя несколько минут опускают оружие...

Один воин идет впереди, двое сзади нас. Антонио на ходу объясняет, как нам повезло, что мы обнаружили воинов яномами первыми и не предприняли действий, которые могли бы быть истолкованы ими как агрессивные. Мы увидели их первыми и не напали. Это свидетельствовало о наших миролюбивых намерениях и спасло нам жизни. Спасло или продлило? Вскоре все прояснится. Племя называло себя какошиватери, и мы шли в их шабону.

Вождь племени (тушауа), совершенно голый, если не считать тонкой лианы, прижимающей его половой орган к телу, внимательно выслушал воина и степенно подошел к нам, остановившись в двух шагах. Два воина

Индец поворотом головы перевел взгляд с мешка на длинные ножны моего мачете. Коротким движением сдвигаю мачете за спину. Вождь пристально посмотрел в глаза Яцеку и что-то сказал воинам. Палкевич развел в стороны пустые ладони в грязных мокрых перчатках и произнес максимально приветливо набор каких-то слов, которые, думаю, он спустя минуту не смог бы воспроизвести и под пыткой. Несколько секунд, решающих не только исход экспедиции, и... скуластое лицо тушауа, обнажив черную массу табака за его нижней губой, украсила широкая улыбка. Эта улыбка, мягко говоря, не была похожа на улыбку Моны Лизы, но показалась мне в тот момент самой красивой из всех, когда-либо виденных мною в жизни. Спустя мгновение вождь уже бил кулаками в грудь себя и нас, мы старательно барабанили его грудь, а вскоре, подражая индейцам, перешли к взаимным массовым обниманиям и поглаживаниям плеч. Несмотря на значимость и трогательность момента, помню, подумал: «Не знаю, видели ли они до нас людей не их племен, но то, что я впервые обнимаю голых мужиков, это я знаю точно».

Радость тушауа была искренней и продолжительной. Действительно, мы оказались первыми чужеземцами (напе), увиденными людьми племени какошиватери, вождем которого и был этот самый старший и самый высокий среди них мужчина. Позже выяснилось, что он же колдун, исполняющий и совмещающий таким образом функции власти и религии. Тушауа в порыве чувств поочередно станцевал с нами своеобразный танец, и это стало сюжетом первого фотоснимка в обнаруженном племени.

...Вполне объяснимо, что все, что мои новые друзья видели впервые в своей жизни, вызывало в них живейший интерес. Им хотелось не только видеть, но и понять функциональное назначение каждой вещи. Они шупали одежду, бесконечно расстегивали и застегивали пуговицы, молнии, пряжку португеи и кнопки, осторожно залезали в мои карманы и, извлекая оттуда что-либо, вопросительно смотрели мне в глаза, ожидая демонстрации возможностей и объяснения назначения этих предметов. Все, что было на мне, при мне и даже я сам: особенности и отличия языка, движения, телосложение, привычки, вкусы, поступки, — коллективно обсуждалось в племени.

Особый интерес индейцы проявили к часам. Нужно признаться, что

Они впервые увидели белых

ваю глаза и обнимаю ладонью влажную рукоять ножа.

Рядом Антонио, индеец-проводник. Знак «внимание!» — и его рука показывает по направлению тропы, уходящей в темно-зеленую черноту сельвы. Яцек уже на ногах и напря-

будто выросли сзади нас, остальные встали по бокам и за спиной вождя. Сбросив с плеч лямки и на всякий случай поставив транспортировочный мешок за спину, я выпрямился и заглянул в темные глаза тушауа, стараясь не «выключать» периферийное зрение.

механические часы «Амфибия» Чистопольского завода были на мне не случайно, они все больше нравятся мне, так как в отличие от других навороченных хронометров от экспедиции к экспедиции оплачивают все счета, выставляемые им дождем и ветром, перепадами температур и давления.

В очередной раз, ощутив сполна всю бесплодность моих попыток объяснить индейцам, что же такое часы, а главное, зачем они нужны, я просто отдал их им в руки и стал наблюдать. Индейцы садились на корточки и подолгу зачарованно наблюдали за движением секундной стрелки. Я предложил им приложить часы к уху, и с тех пор очередной желающий подержать их просил дать ему «тих-тих-тих». Однажды я ушел с охотниками в сельву на двое суток. Когда мы вернулись, ко мне подошли два молодых воина Каракуа и Пэнау. Их лица были полны скорби. Они взяли меня под локти и, молча подведя к месту, где я жил, также молча отошли. На одной из жердей висели привязанные тонкой лианой часы, оставленные мной перед уходом на запястье Пэнау. Я обернулся к индейцам, но они отвели глаза, а некоторые даже повернулись ко мне спиной. Достаточно было посмотреть на циферблат, чтобы все понять. Механические часы, исчерпав завод, остановились, и индейцы, вероятно, предвидя мое горе по поводу безвременной кончины «тих-тих-тих», благородно оставили меня наедине с «покойным». Каково же было их ликование и мистический трепет по факту оживления мною часов спустя минуту.

В конце каждого дня, когда все племя возвращалось на стоянку и оба лаза в шабону плотно заделывались изнутри на ночь, я ложился в свой гамак и при свете костра, под заунывное пение колдуна делал короткие записи в дневнике. Если я пытался сделать запись днем, меня окружали желающие порисовать в моем дневнике. Порисовать ручкой на бумаге. И то и другое они увидели благодаря мне впервые, и их первые каракули вызывали восторг не только у них самих, но и у всех их соплеменников. Чтобы подумать над содержанием отдельных рисунков, я подписывал их именами авторов. Индейцы обнаружили, что я без труда нахожу рисунок каждого из них, посмотрев на подпись. Рассматривая изображение своих имен, некоторые даже безуспешно пытались их письменно воспроизвести. Как только яномами поняли, что за каждым написанным словом стоит понятие, началась новая волна распросов, а лю-

Какой же воин без оружия?

бой ответ снежным комом обрастал десятком новых, еще более сложных вопросов.

— А что обозначает это? — спросил меня, например, делающий успехи в рисовании Якрокуве, ткнув пальцем на надпись «БРМ» на моем снаряжении. Проще было бы соврать, но я опрометчиво пустился во все тяжкие и начал объяснять, что это название фирмы, которая доставляет разную вкусную еду очень многим людям в моей стране и благодаря которой я, кстати, смог осуществить свою экспедицию...

— А кто такая Фирма?

— А почему и как эта «БРМ» (она женщина?!) всех кормит?

— А откуда она узнала о нас, и почему прислала тебя?

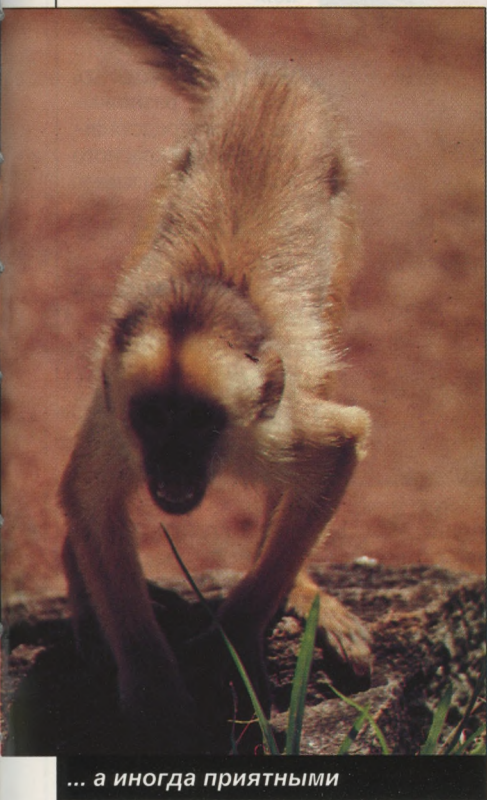
— А больше ли людей в твоём племени, чем в нашем?..

Хотите сойти с ума? Тогда для начала попробуйте объяснить индейцу, «безвыездно» живущему в тропических джунглях, что такое лед или троллейбус, за что ест свой обед политик или что такое ваучер? Не пробуйте, это я вам как специалист по выживанию советую.

Встречи с местной фауной иногда были жутковатыми...

Солнце опускалось в джунгли. Я сидел рядом со взрослым воином по имени Каракуа. В руках индейца был нож — небольшая палочка, продолжающаяся прочно привязанной костью из обезьяньего ребра. С помощью этого ножа воин затачивал острие «рафакка» — большого обоюдоострого наконечника для стрелы. Закончив

... а иногда приятными

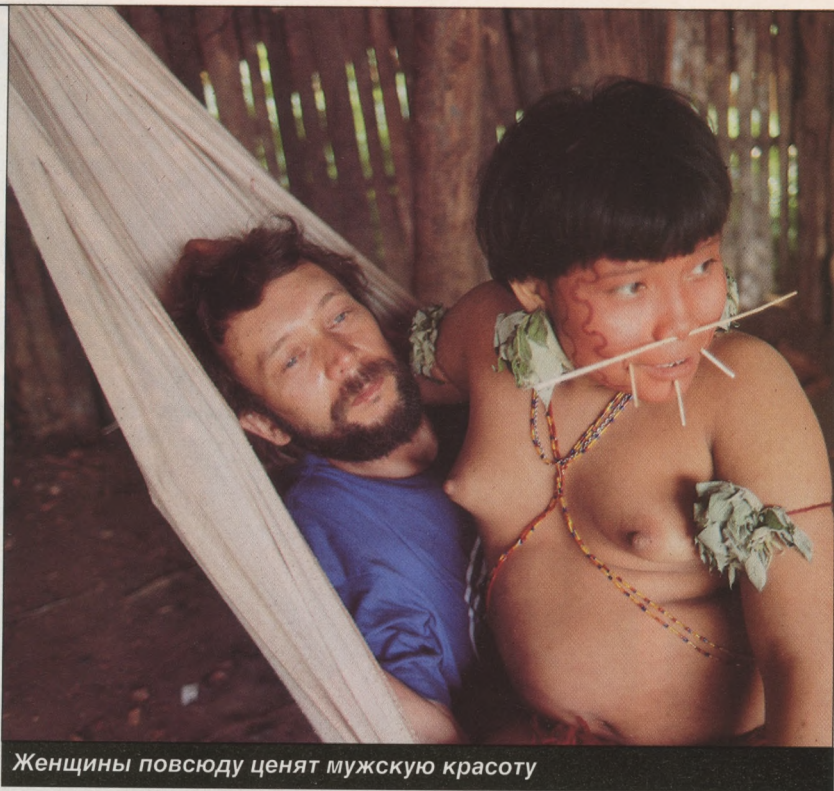
Первый и единственный бородатый яномами

работу, он ловко перебрал наконечник в правую руку и вдруг резким движением имитировал удар мне в грудь. Прежде чем я успел оценить его шутку, мои руки автоматически выполнили привычное движение. Наконечник Каракуа отлетел в сторону, а его хозяин, ткнувшись затылком мне в колено, замер в неестественной позе. Его возглас от удивления и боли в запястье привлек внимание других воинов, и вскоре я был окружен плотным кольцом мужчин, желающих еще и еще раз увидеть этот, а затем и другие несложные приемы рукопашного боя. Менялись виды оружия, в ход пошли и стрелы («черекаве»), используемые также в качестве копий, и увесистая дубинка. Затем стали меняться и партнеры по поединку. На смену падающим под общие крики и пронзительный хохот соплеменников вставали более сильные воины. Кульминацией было действие, причиной которому послужило мое предложение

нападать на меня одновременно всем желающим. Дорого бы я отдал, чтобы посмотреть на это со стороны. Крики растревоженных попугаев, лай растерянных собак, визг детей, возбужденные возгласы взрослых зрителей и участников этого спонтанного шоу, казалось, не только разгонят всех обитателей джунглей на версты вокруг шабоно, но и отпугнут самого духа ночи — черного Титири. Но этого не случилось, сумерки стремительно сгущались, и вскоре лишь слабые отблески от костров выхватывали из мрака экзотические сценки из нашего веселого и буйного спектакля. Энергично, но максимально осторожно я вновь и вновь освобождался от горячих и влажных тел, прыгал и кувыркался на сырой, утоптанной босыми ногами земле, «работая» в режиме пассивной защиты, в основном освобождаясь от захватов и используя силу наиболее активных противников против остальных. В пылу «сраже-

ния», как этого и следовало ожидать, я, незаметно увлекшись, перешел от управления к подсечкам и дисбалансирующим толчкам, а вскоре и к остальному арсеналу любого инструктора по рукопашному бою, естественно, за исключением ударной и травмирующей техники. Но активность моих партнеров не угасала. И тогда, истекшая потом и давясь от ставшего густым и горячим воздуха тропиков, стиснув зубы, чтобы изо рта не выскочило бешено колотившееся о ребра и стучащее «тамтамом» в висках сердце, я вырвался на свободное пространство. Подхватив на руки улетающего от меня во все лопатки какого-то малыша, я прижал его к груди и как подкошенный рухнул с ним на спину. Широко раскинув на земле руки, я тут же объявил мальчонку победителем схватки, вызвав этим поступком волну веселого одобрения, а главное, закончив наши состязания без победителей и побежденных.

Вещи стали интересовать нас все меньше, тем более что вскоре ни в шабоно, ни в наших мешках не осталось предметов, тщательно не изученных обеими сторонами. Перечень того, без чего впредь вполне можно обходиться в этой жизни, неумолимо стремился в моем понимании к абсолютному. И однажды, когда я снял с себя последнюю деталь одежды, то и по собственным ощущениям, и по реакции окружающих (внимание которых в этот момент обострилось) я понял, что потерял гораздо меньше, чем приобрел. Очевидно, вместе с послед-

Женщины повсюду ценят мужскую красоту

ней искусственной чешуей цивилизации с меня спали остатки покрова «странности» и таинственности. Ну а как только я стал «похож на человека», мне предложили стать человеком красивым. В ход пошла натуральная краска, изготавливаемая из плодов уруку, и спустя десять минут из-под руки самой искусной «визажистки» племени вышел первый и единственный бордатым яномами. Приложить руку к моему преобразению настала очередь и мужчин, доставших из своих запасов украшения из перьев и птичий пух. Одни показывали мне, как и куда подвязывать пучки и ожерелья из пернатых, другие, со знанием дела поплеывая мне на волосы, приклеивали пух, всякий раз чуть отходя и сосредоточенно разглядывая каждый «мазок» своей работы.

— Дорого бы я отдал, — помню, сказал в этот момент Палкевич, — чтобы посмотреть на твою реакцию, а главное, на того человека, который бы отважился плюнуть тебе на голову в Европе.

Вскоре вождь, пристально следивший как за моими прошлыми поступками, так и за последним внешним перевоплощением, одобрительно кивнул. Не скрывали удовлетворения женщины и дети племени. На кого я стал похож? Это выяснилось чуть позже, когда я услышал, что к моему имени «Витта» (так с первого дня называли меня индейцы) вместе с рас-

краской и украшениями, несущими смысловую нагрузку, добавилась и гордая приставка воин.

Но какой же воин без оружия? Проблема разрешилась неожиданно. Ко мне подошла молодая женщина, щеки которой были вымазаны черной краской (уруку с золой). Ее раскраска свидетельствовала о трауре, а в ее руках был черный двухметровый лук и три стрелы — фатто и черекаве ее недавно погибшего мужа. Она улыбнулась и протянула оружие мне. Я почтительно взял отполированный руками лук, оттянул до плеча его тугую тетеву и, цокая языком, как это делают яномами, выражая благодарность и удовлетворение, лихорадочно соображал: не принимаю ли я на себя этим ритуалом известные обязательства перед этой женщиной? Выяснилось, что она может лишь надеяться на серьезные отношения.

Быть дееспособным воином и не иметь жен, количество которых является главным показателем уровня твоих возможностей и твоего состояния, по мнению индейцев, по меньшей мере глупо. Ты можешь иметь столько жен, сколько можешь иметь. Но иметь жену — это значит защищать и кормить, в том числе и ее родителей. Жену можно отбить в соседнем племени, можно вырастить, принося еду родителям девочки, которую ты намерен в будущем взять в жены. Женой может стать супруга погибшего брата или

родственника, и даже родная сестра, но в последнем случае ты навсегда получишь унижительное прозвище «явере» и значительно подорвешь свой авторитет среди соплеменников.

Мое положение «холостяка» стало вскоре беспокоить не только разновозрастных представительниц прекрасного пола, но и вызывать у мужчин искреннее сочувствие, подозрения, а у некоторых — и явные опасения за своих жен, откровенно кокетничающих при моем приближении. Однажды я взял на руки маленькую, примерно четырехлетнюю симпатичную девочку по

имени Афи. Малышка крепко обвила меня ручонками, и я некоторое время с удовольствием носил ее на руках. С тех пор когда я находился внутри шабоно, она непременно была рядом и, естественно, чаще других получала от меня маленькие знаки внимания и дружбы. Однажды ко мне подошли несколько мужчин. Один из них, оказавшийся старшим братом Афи, положил ее мне в гамак и жестами, исключая любые неверные толкования, показал, что я могу с ней делать. Каково же было мое благородное негодование! Но, поостыв, я понял, что девочка предлагается мне в будующие жены, причем исключительно вследствие моей демонстрации равнодушного к ней отношения. Поэтому, отвергая ее в качестве жены, я должен выдвинуть серьезные аргументы. Пришлось долго объяснять, что я имею более чем достаточное количество жен в своем шабоно, в которое намерен вскоре возвратиться, а знаки внимания к Афи лишь демонстрация моих дружеских чувств к ее брату и отцу. Это объяснение устроило как ее благородных и забогливых родственников (которые стали называть меня с той минуты «шори», что означает «брат»), так и убедило всех остальных соплеменников. Всех, кроме... самой Афи.

**Фото В.Сундакова
и И. Михалева**

Режиссер

XXI века

Валерий Тодоровский

АЛЕКСЕЙ САЗОНОВ

Кинорежиссер Валерий Тодоровский — сын кинорежиссера Петра Тодоровского. Однако известен далеко не по этой причине. Природа решила на нем не отдыхать. Окончив ВГИК, он стал модным и преуспевающим сценаристом — два сценария в год, среди которых «Циники» по прозе Мариенгофа, «Над темной водой» и телеверсия «Морского волка» Джека Лондона. Сняв свой первый фильм «Катафалк» и сразу вслед за ним «Любовь», он оказался в эпицентре критических мнений и, естественно, в числе самых заметных молодых режиссеров: на ялтинском Кинофоруме Тодоровский вошел в номинацию «Режиссер XXI века». В этом году в рамках «Двухнедельника режиссеров» Каннского фестиваля состоялась премьера его новой картины «Подмосковные вечера», которая вызвала огромный интерес и полярные оценки. Этот холодный, строгий, красивый фильм в духе раннего Бергмана или позднего Шабреля снят на сюжет «Леди Макбет Мценского уезда» Лескова и перенесен в современную обстановку богатой писательской дачи. На следующих страницах мы публикуем две статьи об этом фильме.

— Валера, вы согласны с тем, что являетесь типичным представителем поколения, которое на вопрос: «Легко ли быть молодым?» — особо не задумываясь, ответило: легко?

— Я не очень понимаю, о чем надо было задумываться... Мне как-то сказали, что меня и мое поколение в искусстве обзывают «новой аристократией». Вот тут я задумался.

— Обзывают?

— Ну потому, что на самом деле имеется в виду какой-то обидный аспект этого определения. Я удивляюсь самой оценке, без оттенков, но думаю: раз мы производим такое впечатление, то надо это воспринимать как комплимент, все остальное отбросив. Я говорю «мы» потому, что серьезно отношусь к тем тесным связям, которые существуют между моими ровесниками, работающими в кино. По-видимому, я несю на себе разные отпечатки общих черт этой группы. Может, один из них — легкость.

— Бытия?

— Скорее, деятельности. Большинству из нас посчастливилось довольно рано начать заниматься своим делом. Правда, про себя я не могу сказать, что все сразу с ходу получилось. У меня долго не выходило стать режиссером. Первую картину я снял в 28 лет, хотя мог бы и раньше: я был готов, но диплома у меня не было, а обойти совсем недавно еще существовавшие правила не получалось. Но я легко прыгнул в этот поезд сразу, как подали состав, то есть как только стало возможным запуститься с собственной картиной не только «красным» дипломником и ленинским стипендиатом. В этом смысле — я удачлив и везуч.

— А какого цвета ваш диплом?

— У меня диплом сценарного факультета ВГИКа, нормального цвета, как у всех. Он давал мне право писать сценарии. Я им пользовался. Но права снимать фильмы он мне не давал. Вообще, сценарист в роли режиссера считается в кино человеком непрофессиональным. Объединение «Дебют» на «Мосфильме» возникло как бы для того, чтобы дать возможность таким, как я,

попробовать, — и жизнь доказала, что это была правильная мысль.

— Тем, что сейчас кино снимает всякий, кто найдет для этого деньги?

— Тогда это была правильная мысль. Представить, что такое начнется, в то время было невозможно.

— Отчего вы стали сценаристом, раз мечтали стать режиссером?

— Я провалился на экзаменах на режиссерский факультет. Получил двойку по специальности. После сценарного опять поступал, уже на Высшие режиссерские курсы — там я не прошел по конкурсу.

— К провалам вы относитесь так же легко, как и к удачам?

— Конечно нет. Но все свои провалы я старался использовать, чтобы из минуса сделать плюс. Смотрите: не взяли на режиссерский — стал сценаристом, опять не взяли — стал кинорежиссером. Ничего, в общем-то, не зная про эту профессию...

— Как это ничего, а папа? Вы что, никогда не смотрели на съемочной площадке в глазок камеры?

— Во-первых, не всегда пускают смотреть. Операторы считают это плохой приметой. Во-вторых, на чужой площадке всегда себя чувствуешь посторонним: болтаясь по ней просто так, нельзя приобрести никаких знаний о кино. Снаружи это — какой-то медленный, изнурительный и ужасно скучный процесс.

— Что вы испытали, впервые выйдя на собственную площадку?

— Страх. По-моему, страх в профессии режиссера — это большая движущая сила. Страх, что не получится. Страх, что выбрал не тот вариант. Страх, что при монтаже не сойдется. Кажется, что кино — это снял, проявил, разрезал, склеил. Но кино — это процесс вымучивания. В хорошем смысле. Я не верю, что есть люди, которые делают фильм празднично. Может, так смотрится со стороны. Но внутри — мука принятия решений и ответственности за свой выбор.

— А смотреть свое кино — праздник?

— Пока оно меня удивляет. Когда мой первый фильм «Катафалк» был смонтирован, на просмотре я очень удивился, что в этой истории есть начало, середина и конец, что музыка играет, диалоги слышны, а дверца автомобиля захлопывается, как выстрел пистолета. Ведь на этом фильме я набрался уникального опыта: трех актеров практически невозможно было свести вместе — Артмане, Ильин и Розанова прилетали каждый по своему расписанию и снимались со спинами, ушами, плечами и затылками дублеров. А вся история — про трех людей, живущих в одном доме. После этого мне показалось, что я могу снять все.

— Это правда?

— Конечно, это оказалось ошибкой. Фильм «Любовь» снимался с этим ощущением — обязательные страхи меня мучили, но небольшой внутренний праздник все же был. Однако на экране я увидел колоссальное ремесленное несовершенство. Осталось ощущение необязательности и случайности всего, что имеет отношение к форме и стилю: костюмы, свет, ракурсы, планы. Вот тут я себя и спросил: умею ли я делать кино?

— Однако фильм, как говорится, стяжал славу.

— Да, и благодаря этому я поездил по миру и посмотрел много фильмов. Даже пересмотрел. Сначала мне все они казались потрясающе хорошо сделанными. На фоне этого большого профессионального кино я стал маленьким и ненужным. Потом все стало казаться скучным и похожим друг на друга. Возникла гордыня: зачем мне присоединяться к этому убогому скопищу однообразных поделок? Год таких сложных взаимоотношений с кинематографом привел меня к полному личному кризису: критериев нет, веры в себя нет, замыслов, соответственно, тоже нет. Так что я даже подумал, что пора профессию менять.

— Тем более что диплома тоже нет.

— Но профессия-то уже есть. Менять ее страшно. Лучше попробовать что-то сделать. Тогда я прочел массу сценариев, и они повергли меня в еще большее уныние.

— А то, что вы сценарист с дипломом, вам не вспоминалось?

— Не-ет. В это время я испытывал еще и неприязнь к листу бумаги, стуку машинки, этим ключочкам с буквоками...

— Поэтому героиня «Подмосковных вечеров» стала машинисткой?

— Она ею уже была в сценарии Шептуновой и Говорухина. Я его прочел и сказал себе: вот история, где есть все, из чего может состоять хорошее кино, все, чего я никогда не делал, и все, что я не понимаю в жизни и человеческих отношениях. Раз я сам себе стал неинтересен, надо попробовать снять о других.

— Так что, это был чистый эксперимент, построенный на отрицании?

— В общем, да. Я постарался сосредоточиться на тех вещах, которые были моим слабым местом в предыдущей работе: стиль, ритм, лаконичность формы. За все это я получил здесь довольно уничтожающую критику. В отличие от Запада.

— Неудивительно, ведь вы сняли средне-европейский фильм.

— Не понимаю, почему здесь это выражение звучит как оскорбление, типа «новые аристократы». К сожалению, наше кино до сих пор несет на себе печать «совковости» — провинциальности, небрежности в деталях, безвкусицы. Какой-то случайный подбор готового платья в сельпо. Какая-то внеэстетичная серость натуральных съемок. Этим перенасыщен и мой фильм «Любовь». Хотя — это хороший фильм. Но в нем нет вкуса: вывалено все в тарелку без разбора.

— Из чего же возник вкус и стиль «Подмосковных вечеров» — из непонимания?

— Из страха. Это мой мир — я его придумал, раскрасил, заставил его обитателей двигаться, говорить, совершать поступки, поэтому я не имею права забывать, что ботинки у героя могут быть только такими, а не другими.

— Что же, вы продумывали, в какие ботинки обуваются герои экзистенциальной драмы? Ведь именно так обозначен жанр картины критикой.

— Я рад, что Александр Тимофеевский нашел это определение. Но я не продумывал, как бы это так вышло, чтобы он об этом потом написал. Я продумывал другое: то, что в этом фильме надо избавиться от реалий какого бы то ни было точного времени, эпохи — ни джинсов, ни кроссовок, ни сигареты в руке Алисы Фрейндлих быть не должно.

— А грязные слова в ее же устах?

— Она очень на этом настаивала, ей была необходима эта краска. Мне — нет. Я думал о движении камеры.

— Я тоже, когда смотрела фильм. Но этого никто из критиков пока не отметил.

— Меня это тоже удивляет. Правда, один едкий журналист сказал: вы занимались технологическими экзерсисами.

— Разве нет?

— Разве — да. Я ждал от него следующей фразы: на что идут народные деньги! Но он, наверное, вспомнил, что были потрачены деньги французского народа. Согласитесь, странно, если критику кажется странным то, что можно снимать фильм, решая свои профессиональные режиссерские задачи, — пусть в виде экзерсиса.

— Странно для критика. Для зрителя этот вопрос далеко не так однозначен. А то, что героиня любовно-криминальной драмы холдна до безчувствия, — это тоже экзерсис?

— Это часть стиля картины. Есть замечательная, горячая и чувственная Ирина Розанова, которая сыграла бы эту роль на разрыв аорты. Но я снимал кино о форме. И нахожусь сейчас в том счастливом состоянии, когда меня никакая критика не может смутить, потому что я сделал то, что хотел. Я преодолел мою слабость — необязательность, невнимание к деталям, дурной вкус, — значит, я решил большие проблемы.

— Выходит, все же красивый — но экзерсис.

— Я питаю надежды, что не только. Но, как принято говорить, теперь не мне судить об этом.

— Когда вы снимаете фильм, думаете о его потенциальном зрителе?

— А как же можно не думать? Это было бы пижонством и снобизмом. Причем есть и практические соображения о нем думать — неловко об-

речь на скуку и своих родных, и даже критиков. Ведь эстеты тоже любят вечером посмотреть боевик или детектив. Так что делать нечто скучное, ориентируясь на их вежливое признание, было бы большой ошибкой. Ну и просто зрители меня интересуют. Что вы смеетесь?

— Снимая среднеевропейское кино, вы должны бы были думать о среднеевропейском зрителе.

— Но мы же живем в Европе.

— Вам так кажется?

— Я это точно знаю. Ира, мы сейчас находимся в европейской части большой страны России, которая по нашу сторону Урала входит в Европейский континент.

— Ну, слава богу: значит, все наше кино — европейское.

— И у него есть две загадки — наш европейский зритель и наш европейский прокатчик, которые при материализации в цифры и рейтинги дают ужасную картину: надо всем снимать только что-то вроде «Его кулаки — смерть».

— Или «Явление Христа медведю», как у Комара и Меламида. Или — «Катя: первая кровь. Часть вторая», а не «Подмосковные вечера».

— Но, Ира, тогда о зрителе невозможно думать, оставаясь при этом интеллигентным человеком. Кстати, такого зрителя удовлетворяют на каждом шагу, для него создана огромная индустрия. Я думаю о другом зрителе. Я думаю о нем хорошо. Томительное ожидание преступления и томительное ожидание наказания — чем плох такой зрительский манок?

— Валера, вы уже не раз признавались в любви к Шабролю, Копполе и Хичкоку. Но при чем тут Лесков?

— Он дал канву сюжета сценаристам. Я Лескова не перечитывал. Ну что представляет собой «Леди Макбет Мценского уезда»?

— Физиологический очерк. Не экзистенциальную драму.

— Но это — вариация классического сюжета. Баян из него сделал мелодраму. А я — «черный фильм», где героиня однозначно — преступница, но не вызывает однозначного осуждения. Это вопрос приязни или неприязни к такому решению сюжета. Но меня, вообще-то, больше волновал взаимоотношения предметов и светотени, а не сюжетная схема.

— Я рецензию назвала «Каталог вещных ценностей».

— Вещных? Правильно. Хотя, наверное, это не совсем правильные пристрастия режиссера, с точки зрения народа, который их финансирует. Но я себя не осуждаю за то, что не оправдал чаяний части народа.

— А ведь на вас, Валера, лежит большая ответственность еще и перед будущим. Как вы себя ощущаете в роли избранника — режиссера XXI века, прошедшего, между прочим, и Страшный суд?

— Да никак. Эта выдумка вызвала массовую здоровую иронию. Номинация «Режиссер XXI века» — это красивый, броский и наглый лозунг, придуманный Славой Шмыровым для проведения первого Кинофорума. К XXI веку и Страшному суду он пока не имеет отношения, а к моему

поколению режиссеров — имеет. Я слышал по телевизору, как кто-то из старшего поколения очень обиженно говорил: вот там, в Ялте, собралась мафия и выдала себе назначения в XXI век.

— Это не так?

— Мафия? Ну, если группа людей, занятых одним делом...

—...подельников...

—...зависит от оттенков отношения к группе, — объединяется, и на данный момент это именно те люди, кто активно снимает кино, то это мафия, к которой я имею профессиональное отношение. Кроме того, это неплохая компания — Хван, Сельянов, Дыховичный, Хотиненко. Эти люди и дальше будут снимать кино.

— В XXI веке.

— А вы что, не надеетесь дожить?

— Валера, я — журналист XXI века. Я буду описывать ваши подвиги. И я понимаю, насколько смешно это звучит. И я понимаю, что в этом нет никакого специального неуважения к людям другого поколения.

— У них тоже были свои «мафии».

— В какой из них состоял ваш папа?

— Мой отец не был ни в одной «мафии». Я думаю, его жизнеспособность в творчестве во многом определена и тем, что он никогда не присоединялся даже к самым прогрессивным «кругам». Мне кажется, в те времена, в отличие от выдумки про XXI век, принадлежность к ним разрушала творца — независимо от того, был это «круг» Бондарчука, Климова или Соловьева.

— А ваш папа входит в одесское землячество?

— Разве есть такое?

— Ну, значит, он действительно ни в одной «мафии» не состоит. Есть в Москве такое. А правда, что Одесса накладывает на человека отпечаток на всю жизнь?

— Конечно. Я там прожил только десять лет, но их помню лучше, чем первые годы в Москве. У меня есть в записках некий другой мир, которого люди здесь не знают. Это больше, чем Одесса — юг Малороссии: лодки, раки в ведре, море. Если бы меня не увезли в Москву, то самой лучшей дорогой для меня была бы дорога в порт. Моряк — это в Одессе высшая карьера для мальчика, который хочет чего-то добиться. Есть еще пути, конечно: тюрьма, например. Меня увезли и от того и от другого. Пришлось стать режиссером XXI века.

— Не будем забегать вперед. Давайте лучше решим напоследок один вечный вопрос. Фильмом «Любовь», помнится, вы хотели сказать, что в 20 лет «быть или не быть?» звучит, как «дала или не дала?». А в 30 с хвостиком?

— Ко мне жутко пристал с этим же вопросом Борис Берман. Но для телевидения я тогда не нашелся, что сказать. И сейчас, похоже, не найдусь. Ту вариацию вопроса я уже не решаю, но новой не нашел пока. Может, просто: быть или не быть?

— То есть XXI век приближает к первоисточнику.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Остается скорбное бесчувствие

Валерий Тодоровский понял на собственном опыте, что у нашей просвещенной критики от «Любви» до ненависти один шаг. И если не от любви до ненависти, то от покровительственной полуулыбки до презрительной полуулыбки точно. Чтобы понять это, режиссеру пришлось самому сделать осознанный и в известной мере провоирующий шаг от «Любви» к «Подмосковным вечерам». Заявывая отношения со старой и недоброй купеческой историей, вышедшей из-под пера Николая Семеновича Лескова, автор «Подмосковных вечеров» не мог не понимать, какое лыко ему будет вставлено в строку и какие отступления от приличий поставлены на вид. И хотя критике ныне достает чувства собственного достоинства, чтобы не опускаться до дряблых дискуссий а-ля бывшая «Литературка» по поводу осквернения классики, сакраментальный вопрос был сформулирован достаточно однозначно и практически хором: к чему и зачем?

Испепеляющей страсти — вот чего недоставало в этом фильме отечественным ценителям, которые в большинстве своем исходили из святой уверенности, что именно о страсти Валерий Тодоровский и должен был фильм снимать. Не обнаружив страсти, фильм объявили французским: обидевшись за французское финансирование плюс цитаты из французского кино плюс введение в изобразительный ряд картины Ренуара. История давняя: тезис о том, что у советских собственная гордость, родился из более давнего убеждения, что у российских вообще все собственное и наособицу. А уж страстность безудержная — в первую очередь. Малейшие намеки на обратное — верный способ получить критическую оплеуху в посконно-домотканом раю. Нельзя насильственно менять нижегородскую прописку не только на парижскую, но и на подмосковную.

Смутяня Тодоровский решил снять фильм на сюжет о страсти, но об отсутствии таковой. Причем этот жест несколько не замутняет ясную и точную режиссерскую посылку и не выказывает никакой претензии на экстравагантность. Он просто делал кино о странной породе людей из нашего напрочь бесстрастного времени. Механические физиологические отношения, в которые вступают главные герои, суть отношения «скорбного бесчувствия». Режиссер последователен, когда приглашает на роль невестки-машинистки Кати Измайловой отстраненную Ингеборгу Дапкунайте, а на роль плотника-ловеласа актерски анемичного Владимира Машкова. Слабый на-

мек на теплокровные человеческие страсти возникает только на периферии сюжета: проскальзывает во взгляде свекрови-писательницы (Алиса Фрейндлих), в лепете ее незадачливого сына (Александр Феклистов), в улыбочке соседа-следователя (Юрий Кузнецов) или в детском бесстыдстве юной разлучницы (Наталья Шукина). Но и это не слишком человеческое растворяется в мире-камере с откачанным воздухом, куда поместил своих героев режиссер.

Двусмысленность союза, заключенного с литературным лесковским сюжетом, состоит еще и в том, что режиссеру была важна не принадлежность конкретного сюжета конкретному автору, а чисто литературное происхождение этого сюжета. Это — картонная литературность жизни, в которой люди играют в персонажей и тшатася назначить себя в авторы, оказываясь целиком авторами мнимыми и посрамленными в финале.

Системой персонажей повязаны все: от нелюбимого мужа с повадками Тихона Кабанова из «Грозы» до следователя, присвоившего себе манеры Порфирия Петровича из «Преступления и наказания». Этот следователь в разговоре с Катей, как замусоленные четки, перебирает сюжеты-родословные персонажей. А генеалогическое неравенство родословных подчеркнuto нежеланием режиссера приводить актеров к единому стиливому знаменателю: каждый существует в своей камере, отдельно от других. Люди-персонажи варятся в тягучем вязком вареве под наблюдением статичной и сонливой камеры Сергея Козлова, словно переворачивающей одну страницу за другой. Тодоровский шивает эти страницы при монтаже нитями кадров-рефренов. Несколько раз камера лениво обзирает экстерьер загородной усадьбы, чуть заметно скрадывая пространство, и дом под ее взглядом превращается в дурно выстроенную декорацию. Попутно, иронизируя над недавним повальным вовлечением в сюжеты технических откровений конца века — неважно какого, — режиссер чуть ли не в героиню превращает безучастно лягающую печатную машинку и охотно дарит ей не один крупный план. Точно так, как заставлял «отмороженную» Катю Измайлову недвижно лежать на дощатом полу — не колыхание страсти в себе гасить, а лишь вслушиваться в работу своего механизма.

Сама проблема истинного и мнимого авторства заявлена почти в лоб — назначением свекрови героини в преуспевающие писательницы. Мера действительных литературных достоинств ее романа выносится за скобки, известно, а стало быть, важно, только то, что заканчивается

Буримейк

Что, разве уже и пьес не стало? Зачем же самим-то трудиться? — неглупо заметила одна старушка в «Театральном романе». Вундеркинд из хорошей семьи Тодоровских, Валерий Петрович, так и рассудил. Катерина и Сергей — те же, мужа кочергой тюкнули, вместо свекра — свекровь, эту прибрали с поправкой на просвещенный век — просто замешкались с лекарством во время приступа. На отрока, правда, рука не поднялась, Феденьку, слава те, господи, тревожить не стали. Но сама Катя — без затей, без отсебятины, как положено: с подружкой изменщика-полюбовника ухнула в реку — и с концами.

На здоровье. Если римейки снимают, значит, это кому-нибудь нужно. Лесков тоже в конце концов написал римейк. Правда, будучи отчасти дворянином, честно отослал к источнику: «Леди Макбет», мол, и — скромно, от себя: «Мценского уезда».

И вот тут встает вопрос о мотивах того и другого, потому что Лесков — самобытнейший в русской словесности автор, да и Валерий Тодоровский не так прост, чтобы просто взять и в меру способностей аранжировать чужой сюжет.

Николай Лесков, как известно, обозначил жанр своей повести как очерк. Здесь для нас два указания. На реальную основу событий и на авторский метод строгого следования криминальному сюжету из уездного быта. Криминальная хроника вообще была в чести у русской литературы. Ее не обходили вниманием ни Толстой, ни Достоевский. Но главные мастодонты нашей прозы отталкивались от факта, как от берега, чтобы улечь в бурное море философии или, напрягая все силы, двинуться вверх по могучему течению социальных обобщений. Лесков раскапывал жилу самого факта. Его «очерк» есть потрясший автора античный состав уездной трагедии. Насыщенной, напряженной и завершенной в той степени, когда литературное вмешательство как бы уже излишне. И шекспировская-то угроза для Лескова — не художественное русло под некую свою идею, а наоборот — контрастный фон. Буйству фантазии противопоставлена фотографическая обыденность, театрализованной метафоре — крошечный натурализм, пышности языка — нарочитая скромность изложения. Недаром же «Леди Макбет Мценского уезда» — из самых «бесстилевых» вещей Лескова, насколько это определение во-

Катя (И. Дапкунайте) и ее соперница (Н. Щукина)

роман печально. Вернее, должен закончиться: Ирина Дмитриевна не успевает его завершить. В минуты отдохновения она из картонной мозаики складывает как бы иллюстрацию к нему — репродукцию Ренуара. Работа над иллюстрацией, как и над романом, остается неоконченной потому, что на авторство посягнула невестка-секретарша. Причем на авторство и романа и судьбы Ирины Дмитриевны: не подав той вовремя сердечных капель, Катя заставляет умереть ее от сердечного приступа.

Валерий Тодоровский сталкивает в диалоге два текста: текст романа умершей писательницы как объект литературных посягательств героев и текст истории, которую проживают герои и в которую каждый из них норовит внести свою авторскую правку. В известном смысле выворачивается наизнанку сюжетный ход набокковского «Дара», где рассказанная история со счастливым финалом в конце концов и в награду герою оборачивается текстом его собственного романа, написать который он мечтал.

В «Подмосковных вечерах» попытка плотника и секретарши дописать неоконченный роман громко осмеяна в редакции. Невозможность счастливого финала для трагического романа означает невозможность счастливой развязки истории. Юная разлучница осмеливается было взять роль вершителя судеб на себя: поместив последний кусочек картонной смальты на полотно квазиренуаровской мозаики, она устремляется со своим возлюбленным плотником в счастливые дали неоглядные. Однако она не учитывает авторских амбиций Кати Измайловой, которая в отсутствие права на счастливый финал соглашается на трагический — на полной скорости таранит автомобилем ветхие перила моста, ставя точку в сюжете. На самом же деле именно этот выбор и лишает героиню ее последних иллюзий: оставляя плотника в живых и погибая вместе с соперницей, она невольно возвращает свой сюжет в лоно давно рассказанного и известного сюжета. Остается скука да небытие под темной водой. Остается разрушенная империя скорбного бесчувствия.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

обще применимо к усерднейшему старателю на русских речевых приисках.

Так называемый «очерк» — программный документ российского литератора, манифест литературной самодостаточности жизни. Николай Лесков мог бы объявить, что жизнь в России — больше чем жизнь, она готовый художественный образ этой жизни. Впрочем, лозунги и декларации пришли в русскую словесность много позже. Примерно тогда же, когда живая кровь стала истекать из литературы, по капле уходить в трещинки, разбежавшиеся от основного соцреалистического разлома: мовизм, соц-арт, постмодернизм...

Вот с этим самым вопросом — соотношением литературы и жизни — как раз и решил, в свою очередь, разобраться Валерий Тодоровский. Будучи не только талантливым, но и умным, и очень образованным гуманитарием новой волны, Валерий Петрович не случайно выбрал для своей экспедиции страсти по Лескову. Вы определили место литературы в жизни? Отлично. Теперь я на вашем же примере укажу на ваши ошибки.

Тут надо заметить, что Тодоровский-младший недолго оставался в рядах талантливейшей молодежи российского кино. И, в отличие от своего замечательного отца, с донкихотской верностью себе упоенно снимающего «папино» жанровое, дворовое кино без единой фальшивой или надуманной ноты (продолжение его же, Петра Тодоровского, гитары), сын продемонстрировал суперстарт, за какие-нибудь пять лет став в режиссуре куда больше чем режиссером. Автор «Катафалка» и «Любови» вошел в различные комиссии, жюри, секции, заняв место у кормила и отчасти у кормушки кино, что само по себе и не должно интересовать критику. Но параллельно Валерий Тодоровский возглавил неформальное движение молодых интеллектуалов за «себя в искусстве» и заговорил с интонациями пророка. И вообще-то неприятными, а в исполнении истеблишмента, куда он так точно вписался, и вовсе несносными.

«Любовь» — хорошая история, не без души и искренности рассказанная евреем, никогда не страдавшим за свое еврейство. Все правильно, и все с огромным сочувствием со стороны, откуда, разумеется, виднее, но отнюдь — не больнее.

«Подмосковные вечера» — нехорошая история, придуманная в тиши библиотеки русским читателем, этим вечным нашим яйцом, учащим курицу, поскольку и ему со стороны виднее те космические катаклизмы, что сотрясают родную литературу и окружающую ее жизнь.

Тонко введенный в лесковский контекст вкрадчивый дьявол Порфирий Петрович разжигает в душе Катерины

Катя (И. Дапкунайте) и Сергей (В. Машков)

раскаianie. Оно, а не ревность, толкает ее на самоубийство. Очерковый пафос Лескова: бессмысленная схватка правосудия со слепой страстью не содержит нравственного урока, как не содержит его даже трагическая обыденность, — насквозь гуманитарный Тодоровский заменяет мазохистской рефлексией Достоевского. Уже рассказанная однажды криминальная история — как история обесчечена самим фактом повтора. А завершенность античного фрагмента, трагическая полноценность акта жизни — вырвана, как проводка, с мясом. Взамен же — дело мастера боится — кабельная филологическая проповедь. Метод римейка усложняется до бури — старинной забавы культурной публики: предложенные рифмы водящий связывает персональным текстом-мостиком — часто остроумным, а порой — элегантно свободным от смысла.

С уютной библиотечной позиции литература видится, конечно, процессом, влияющим на жизнь — роль, традиционно отводимая русской литературе рус-

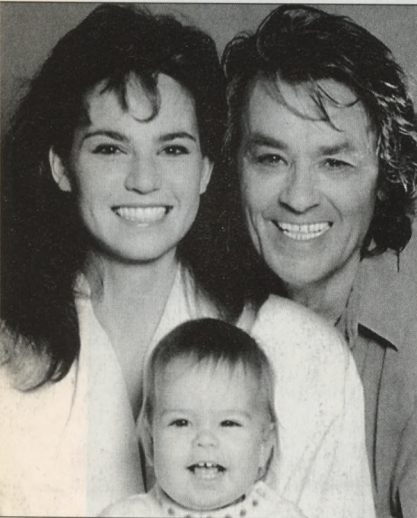
скою же интеллигенцией. Слишком традиционно, а значит, недостаточно для умного и талантливого Тодоровского.

Убитая свекровь — писательница. Катерина делает попытку переписать финал ее последнего, предсмертного романа — гибель героя. Получается форменный бред, идиотические слюни счастливого конца. «Судьба русской литературы трагична, — выныривает библиофил из теплого мерцания золотых обзоров и сытного аромата мебельной кожи. — И бессмертие ее — в трагедии, единственном оправдании несовершенства мира».

Лесков писал «Леди Макбет...» в возрасте Валерия Тодоровского. Почему же тридцатилетний шестидесятник прошлого века понимал, а тридцатилетний сын нынешнего шестидесятника не понимает очевидности: лишь несовершенство мира — единственное оправдание его трагедий?

Видимо, потому, что папин опыт не заменяет собственного, а «папино» кино — слишком слабый импульс даже для отрицания.

Алла БОССАРТ

Ален Делон говорит по-французски

«Кинозвезда» ТВ «Останкино», ведущий С. Жигунов

О том, что Ален Делон говорит по-французски, нам периодически напоминают — посредством некогда популярной песенки — и немедля удостоверяют. Действительно, говорит. Лично я, правда, не вижу нужды ссылаться на «Нау» для утверждения столь безусловной истины. Тем паче, что память сразу подсказывает предшествующую строку, в передаче не озвученную, и возникает желание ее услышать — лучше в качестве вопроса: так пьет он одеколон или нет? Впрочем, вздор. Беседа и без того принесла неожиданности.

Помню, на заре туманной гласности все взахлеб смотрели, как вежливый интервьюер, не теряя корректности, ловко и аккуратно выпытывал у собеседников саморазоблачительные признания. Ныне эта игра в раздевание выглядит вполне обыденно, однако Сергей Жигунов, похоже, сыграл в нее поневоле. Великолепный Ален Делон, суперзвезда, миллионер, красавец и прочая, сам,

без понуждения, демонстрировал свои застарелые комплексы. На всем протяжении интервью он упорно, настойчиво повторял, чуть варьируя, одну мысль: люди его профессии делятся на актеров и комедиантов; актеры — это актеры от Бога (как он сам); комедианты — те, кто имеет специальное образование и по такому случаю ничего, кроме пренебрежения, не заслуживают. Слушать сие было и смешно, и жалко — Делон выдавал себя с головой...

Пожалуй, дело еще могла подправить убедительная демонстрация его актерских дарований. Но — увы, отобранные фрагменты показывали нам вполне однообразного героя, по дороге из фильма в фильм меняющего лишь костюмы. Да и сами эпизоды были столь кратки, что в мелькании множества Зорро взгляд не успевал даже выделить Свана или Рокко, а уж о том, чтобы увидеть работу артиста, вовсе не могло быть речи. Так не хотел ли, в самом деле, Сергей Жигунов показать, что король — голый? Не знаю, в любом случае важен результат. А он таков: из передачи следует, что Ален Делон комплексует по причине отсутствия у него театрального образования. И — говорит по-французски.

Алена ЗЛОБИНА

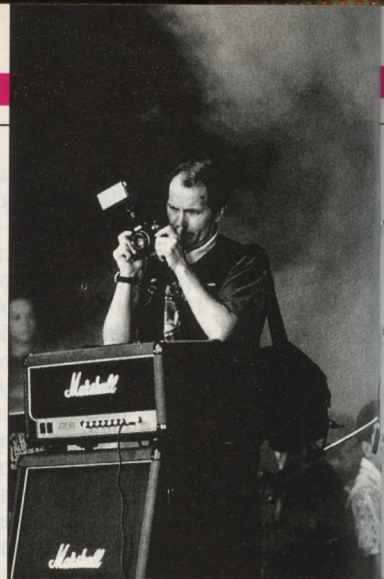
Представление из себя

Выставка-продажа фотографий Валерия Плотникова «Art and Star» «Артдизайнцентр», «Театральный» зал отеля «Метрополь»

Вернисаж прошел именно так, как должен был

пройти: режиссура жизни предсказуема и неизбежна, как смена сезонов. Виножник торжества снимал (без кавычек) «звезд» (кавычки) на Канарах; интерьеры обустроенного «Метрополя» соответствовали немудреной истине, что если красиво без пошлости, то глазу будет неуютно; а ньюсмейкеры разных времен с интересом разглядывали собственные лица, преобразенные объективом фотографа «номер раз». Валерий Плотников достиг того уровня мастерства, того звания мастера и того возраста, когда его работы уже не вызывают, как говорится, спектра мнений. Можно петушиным баском прокукарекать что-то вроде того, что все эти драпировки, козетки, шляпы, шифоны, скульптуры, букеты etc не модны, а мы, молодые, листаем с утра до ночи «Look» и «Vogue» — там все не так, там западный класс. Ребята, снимайте (без кавычек) на здоровье все так, как там: повезет — «снимете» (в кавычках) на вечер девушку-удачу. Но наутро вас разоблачат. А портреты работы Валерия Плотникова — такие, какими он их сам придумал, — опубликовал опять же «Vogue». Поэтому смешно обсуждать его несколько слишком серьезное отношение к своим героям и несколько наивный эстетизм — это удивительно привлекательные черты фотозастетки. Лучше поздравить с днем рождения и посетовать, что вот меня-то он так и не сфотографировал. Это серьезный повод задуматься, что же я из себя представляю.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

КИРИЛЛ ПОГОВ

Мастер за работой

Выборг России у окна в Европу

Кинофестиваль «Окно в Европу», Выборг

Назло тем, кто брюзжит в духе Анны Павловны Шерер о надоевших-де праздниках и фейерверках, фестивалей все прибывает. В старинном граде Выборге, что в двух часах на электричке от юного града Петрова, Российско-Европейская киноассоциация (для краткости «РЕКА») на деньги спонсоров прорубила «Окно в Европу». В отсутствие почившего фестиваля в Заречном (близ почившего Свердловска), который оставил о себе легенды и ностальгические вздохи причастных к этому празднику, новорожденный явно и не без определенного успеха стремится занять опустевшую нишу фестиваля. Камерного (относительно), уютного (по возможности) и домашнего (в меру). «Окно в Европу» объявило себя фестивалем-рынком, на котором критики смотрят фильмы, продавцы их продают, покупатели их покупают, а жюри во главе с патроном «РЕКА» Марленом Хуциевым их премирует. Однако премирует своеобразно — в виде государственной дотации на российский прокат. Считаю, по-видимому, что эта дотация вернет зрителя в кинотеатры, которые еще кое-где сохранились. В

частности, старинный град Выборг в героической борьбе сумел отстоять аж целых два из былого десятка. Эти два в течение недели, воспользовавшись благородством фестиваля, пускали на конкурсные и внеконкурсные показы всех без исключения и без билетов. Сказать, что выборжане с жадностью набросились на программу и ломались на каждый сеанс, — означало бы сказать неправду. Но несколько раз подобное имело место. В частности, на премьере фильма Ежи Гофмана «Прекрасная дама» (пан Гофман был приятно удивлен и по такому случаю даже остался в зале пересматривать свое детище). Угодив жюри жене Цезаря, не будем в деталях обсуждать вынесенный им окончательный вердикт. Не в том дело. А в том, что окно прорублено.

Дмитрий САВЕЛЬЕВ

Встреча с собой

**«...Но лучше мне говорить»
Театр на Таганке,
реж. И. Пехович**

Игорь Пехович сочинил свой спектакль еще до того, как поступил в «таганскую студию»

Щукинского училища, которую теперь оканчивает. Учась, он показывал спектакль как студенческую работу, а сейчас играет его вместе с партнершей Еленой Ласкавой на Малой сцене Таганки. В полуторачасовой постановке стихотворения Бродского перемежаются фрагментами библейских текстов и произведений писателей-евреев, молитвами на иврите и песнями на идиш. Кроме стула и стены, сложенной из чего-то вроде песчаниковых кирпичей и скрывающей поющую партнершу, других декораций нет, но есть актер Пехович, и он-то, как осевой шпенек, скрепляет материал. Рождение актера — всегда загадка: его не снимешь замедленной съемкой, как научились снимать распускающиеся цветы. Наблюдая Пеховича в годы его обучения, я видел, что учить его, в сущности, нечему: актер готов, цветок распустился самостоятельно до того, как обратили на него внимание, и единственное, быть может, что нам остается, — это своевременно указывать на сорняки, а пока таковые не подросли, вдыхать аромат и радоваться. Именно радоваться: Пехович воспрещает не радоваться, даже когда безо всякого выражения читает длинный мартиролог — список стран и количество уничтоженных в этих странах во время второй мировой войны евреев. Пехович играет в «память наперекор времени» — но в каком смысле? Разумеется, не в том же, в каком пишут книги о судьбе еврейского народа. Если вслух размазывать фразу за фразой, зрители запутаются и заскучают; но если плотно сгрудить все, что показалось годным —

стихи, анекдоты, истории из жизни, танцы, песни, — и пропустить через свое тело, то в теле как бы воскреснет пережитое не только тобой, но и теми, чей голос донесен в песнях, а жесты — в танцах. В ломкой фигуре Пеховича, в его лихорадочном лице, горящих глазах и высоком, гибком голосе живо то, что в культуре иногда костенеет, но всегда готово вновь расплавиться, — «песня, спетая в первый раз», как сказал бы Гротовский. Разумеется — евреем, таким же могущественным, опьяненным, пророчествующим, как Михоэлс, вибрирующие пальцы которого Мандельштам назвал «мыслящими». Так через стиль, форму, взятые единым касанием, легким, как выдох, воскрешает Пехович трагически объемное искусство своих предшественников 20—50-х годов и так встречается лицом к лицу с Исааком, которому Бог подарил лишнюю дышащую букву: встречается с самим собой в пространстве отзвуков.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

Утомленные шоком

Открытый Российский фестиваль «Киношок—94»

Каким образом организаторы и движущие силы третьего по счету фестиваля «Киношок» в лице драматурга Виктора Мережко, актрисы Ирины Шевчук и журналиста Сергея Новожилова добились того, чего достигли, я не знаю. Но знаю одно — они достигли того, чего добивались. Гости и участники этого фестиваля получали порции шока с раннего утра до следующего рассвета. На

конкурсных просмотрах. На встречах со зрителями, когда российские актеры с удивлением для себя обнаруживали, что их помнят, любят и хотят смотреть новые российские фильмы с их участием. На казацких гульбищах, когда вино — рекой. На премьерах в Анапе и Краснодаре, когда стоя, овациями встречала публика любимцев публики. Но главное достижение народного кинохозяйства — это, конечно же, конкурсные ленты «Киношока—94». Они шокировали подзаборным матом, беспрестанно звучащим в фильме Евгения Лунгина «Ангелы в раю». Они шокировали бесконечно длающимися общими планами и смысловой несуразностью, переполнявшими картину Константина Лопушанского «Русская симфония». Они шокировали небывалым еще в нашем кинематографе образом товарища Сталина, представшего в фильме молодого режиссера Сергея Ливнева «Серп и молот» в качестве пациента всех советских психиатров. Кажется, это лучшая работа в кино Владимира Стеклова, поставившая точку и одновременно вопрос в нашей бесконечно длающейся киносталиниане. Но самый главный шок все испытали, когда, наконец, стали осознавать: как все имеет свое начало, так все имеет и свой конец. Электрический и даже аминазиновый шоки — ничто по сравнению с тем, что испытали участники и гости «Киношока—94» при его закрытии. Утешиться можно было только одним — ожиданием «Киношока—95» и перспективой через год снова быть шокированными.

Наталья ТУРОВСКАЯ

Дневник И.

Сцена из спектакля «...Но лучше мне говорить»

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Здравствуйте, я художник...

Марина ГЕОРГИЕВА

Хорошо быть модным концептуалистом, постмодернистом и прочим знатоком виртуальной реальности. Статьи про тебя пишут, на выставки зовут, галеристы друг у друга переманивают, иностранцы за доллары покупают, и вообще приятно. А если человек просто художник — не модный, не прославленный Сотбис, в обойму не попавший, в Biennale и Documenta не участвовавший? Сколько их по Руси великой, бывшему Советскому Союзу? Тысячи, десятки тысяч? То ли дело раньше, при советской власти — какое преклонение перед художником было! А теперь... Если зеленые не гребешь лопатой, то нет тебе ни почета, ни уважения.

Архитекторов тоже народ любил. Был в 70-е годы такой эпизод в одном из фильмов. Приходит герой в пивную, чтобы спокойно с другом поговорить, и оказывается за столи-

ком с двумя сомнительными личностями, которые дегустируют ерша и лупят лещом по столешнице. Поговорить, конечно, не удастся, но, уходя, герой все-таки вежливо прощается: «Приятного аппетита, до свидания», а алкаш, не переставая обхаживать мрамор рыбиной, бросает: «Какой приятный человек, архитектор, наверное».

Изменились времена. Вот и художнику Александру Милосердову (а пока мы не познакомились, он звонил и представлялся именно так: «Здравствуйте, это художник...») недавно мама высказала все, что думает о его профессии и живописи вообще. И в пример поставила не кого-нибудь, а соседа Васю, который на бульдозере работает и на казенной этой машине в свободное время котлованы под дачи роет, то есть без особых затрат строит себе и семье светлое будущее, причем движется к нему семимильными шагами.

По образованию Милосердов архитектор, так что байка вспомнилась неспроста. Учился он вместе с Аввакумовым, Бродским, Уткиным — нашими модными и прославленными «бумажниками». Он из архитектуры, правда, не ушел и даже организовал с другом небольшую фирму, оформляющую интерьеры и проектирующую всякие виллы, но много занимается и живописью. Настоящая архитектура, в отличие от бумажной, дело гораздо более хлопотное и менее славное, если ты, конечно, не Росси, Растрелли или на худой конец Иофан. В своей частной фирме Александр Милосердов был сам себе худрук, менеджер, бухгалтер и макетчик. Сначала заказ искал, убеждал, что нужен. Потом макет делал и эскиз в натуральную величину, рабочих находил, материалы, за их работой следил, а затем получал уже кровно заработанные и... пинка под зад. Никто даже табличку не повесил, что автор интерьера такой-то. Вот, например, недавно Милосердов и его друг-коллега сделали огромный витраж для нового бассейна в Кунцеве. Волны, солнце, все переливается и отражается

в воде. За стеклом пришлось самим сгонять за границу — в Прибалтику: здесь такого размера не нашлось. Директор на открытие телевидение пригласил, речь сказал: «Я сделал этот бассейн...» И хоть бы одним словом упомянул, мол, такие-то мне помогли. Что с него взять — бывший комсомольский работник. Их Милосердов с самого института не любит, как-то раз даже наскандалил в ЦК в штабе стройотрядов... Комсомольских работников, слава Богу, больше нет, зато бывших полно. То в комбинате, где заказ раньше можно было получить, на них нарвешься, то в фирме, то в Союзе художников в приемной комиссии...

Как бы то ни было, а ходить по Москве и заглядывать в оформленные тобой самим заведения приятно. У Милосердова таких адресов больше дюжины — рестораны, кафе, гостиницы, банки. Последний объект, который они сдавали, — отделение банка на улице Чехова. Тут тоже не обошлось без напрягов. На открытие пришел почетный жилец дома, в котором расположен банк, — архитектор этого здания и вся Москвы, — и начал: «Да вы знаете, кто я

Гипсовые рельефы в ресторане «Отрадное»

такой?! Я такой-то! Как вы могли со мной не посоветоваться?» Потом успокоился, сказал, что к живописи и витражам претензий не имеет, хотя сам сделал бы по-другому. А вот вывеска ему не приглянулась — заставил убрать.

В общем, архитектором-дизайнером быть не сахар. Всякое случилось. Как-то одна богатая дама заказала макет особняка, попросила несколько вариантов разработать. Потом все забрала, а платить не стала, потому что догадалась, что по подробным калькам хороший прораб и без архитектора все построит. Другой нью рашн, сделавший состояние на автосервисе, купил себе участок в излучине реки и архитектора позвал, Милосердова то есть, по старому знакомству-соседству. Посидели, поговорили, смету попросил прикинуть, а как цифры увидел — за голову схватился: за эти бабки я сам все спроектирую. Спроектировал, построил — смех и грех: фасад развернул не на реку, а на соседскую помойку, а коридоры заложил 60 сантиметров в ширину — даже мебель не внесешь. Зато забор хороший получился: три метра высотой, кирпич с узкими бойницами — отстреливаться, если что. Естественно, на недостатки ему указали, а он надулся: мол, первый дом, второй построю по всем законам, не хуже профессионального зодчего.

Впрочем, от подобных историй никто не застрахован. Гораздо интереснее другое — с архитектурно-дизайнерской фирмы Милосердова и его коллеги в казну на всякие налоги уходило столько, что с каждого рубля прибыли оставалось владельцам ровно 15 копеек в месяц. Пока оплата за мастерскую была божеской, они еще как-то выкручивались, а когда запросили с них 5 миллионов в месяц, да без всяких документов, просто в карман директору учреждения, у которого они арендовали помещение (без телефона, удобств и прочего, разве что с большими, в полстены окнами, глядящими на пивной ларек), то сломались партнеры и фирма прекратила свое существование.

Теперь Милосердов работает один — ищет заказы или просто покупателей для своей живописи. Конечно, большинство заказчиков находится по знакомству или наводке — кто-то рассказывает, что вот, мол, фирма расширяется, а он туда звонит, предлагает свои услуги. Но бывает, что нигде ничего не светит, и

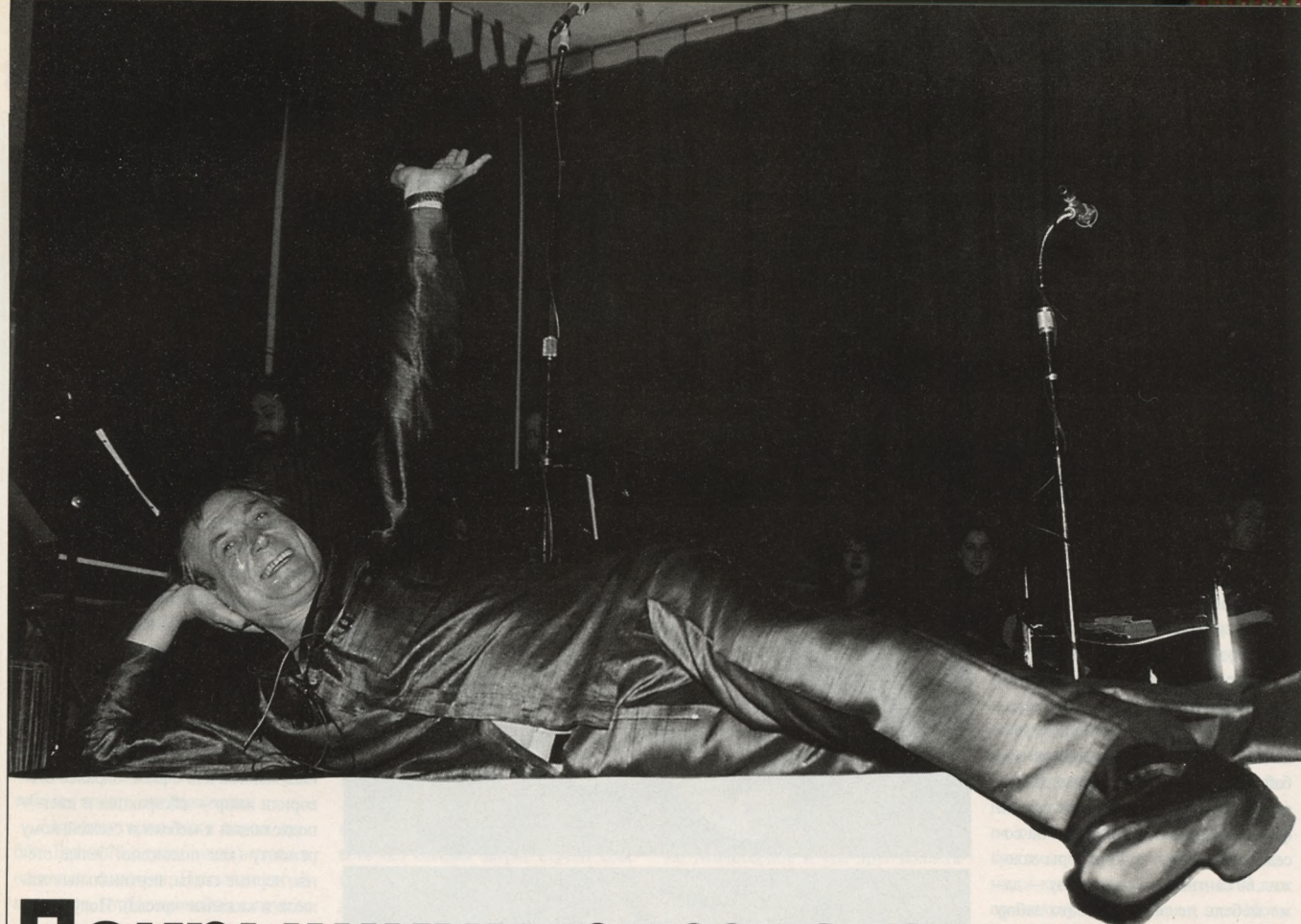

Керамические рельефы в детском кафе «Сластена»

тогда Александр берет телефонную книгу и набирает, считай, подряд номера новых организаций: «Здравствуйте, это говорит художник...» Потом приезжает, показывает фотографии и слайды своих работ. «Чтобы раскрутиться, надо характер иметь, — говорит он. — В клюве никто ничего не принесет».

Какие только люди во время таких хождений не попадаются! Один, например, попросил во всю стену в кабинете голую бабу нарисовать. Правда, услышав о цене, сразу остыл. В другой фирме менеджер долго рассуждал о батике — модная техника, — а потом руку протянул прощаться, а у него татуировка в виде перстня на каждом пальце: по-блатному значит пять ходок в зону. Девять переговоров из десяти кончаются ничем, но один заказ все-таки выгорает. Например, недавно Милосердов выполнил двенадцать интерьерных холстов для офиса. Заранее оговорили жанр — абстракция и цвет — подходящий к мебели и свеженькому ремонту (как положено: белые стены, черные столы, вертикальные жалюзи и кожаные кресла). Получилась серия в красно-сиреневых тонах, почти такая живопись, которую меньше всего любит народ, если верить опросу и Комару с Меламидом. Милосердов говорит, что ему давно хотелось сделать несколько абстрактных, так что все совпало очень удачно. И к тому же он неплохо заработал, чтобы отдохнуть в бархатный сезон в каком-нибудь милым местечке на море...

При первой встрече мало кто верит, что Милосердов художник. Вид у него серьезный, основательный, ходит с «дипломатом». Сам он делит расхожее представление о творцах на два типажа. Первый: борода лопатой, джинсы «made in Yerevan», ботинки подвязаны провололочкой, воняет портвейном. Это непризнанный гений, который жалуется на судьбу и ругает более удачливых собратьев. Второй: одет хорошо, носит шейный платок, при случае — бархатную робу и берет, говорит красиво, продает иностранцам. Это гений признанный, на судьбу не жалуется, но собратьев-конкурентов все равно ругает. Александр ни на тех, ни на других не похож — естественно, ведь между этими двумя типами сотни, тысячи, а то и десятки тысяч не гениев, а трудаг, которые хотят зарабатывать на жизнь профессией, которую знают и любят.

Покрышкин русского глагола

Атас! Евтушенко в воздухе!

Денис ГОРЕЛОВ

В Евгения Евтушенко вселился задорный озорной мальчишка. Кричи караул.

Евгений Александрович давно предупреждал, что в нем живет не умирает марьянорощинский озорной мальчишка, который то и дело рулит всеми его поступками и речами. И вот этот лоботряс опять проснулся.

И наваял рукой автора книгу «Не умирай прежде смерти», где подвел итог жизни автора, бабам автора, кумирам автора и пастве автора — с характерной живинкой, искринкой, задоринкой и евушинкой.

Дело происходит под стенами «Белого дома», куда паства, бабы, кумиры и автор сошлись на защиту молодой российской свободы и молодой свободной России. Соответственно двухкопеечным мыслям, кто ж на свете всех милее (Евгений Евтушенко, кто ж еще?), придается сумасшедший размах. Снайперы целят в открытую грудь. Сорок бочек одних курьеров и суровая президентская дружба. Земля вертится вокруг станции Зима, Москва состоит из Кремля, окруженного большой-большой Марьиной Рощей. Мужья всего

мира прячут жен от Евгения Евтушенко — тщетно!

Жен ему, впрочем, уже мало. Очевидно, позавидовав манере больших поэтов гривуазничать с Русью, властью и свободой, он тоже ударяется в маяковское панибратство, смачно шлепая понизу любое абстрактное понятие женского рода. То у него Демократ-Прорубист «наслаждается продажей и перепродажей недвижимости, как сутенер торговлей проститутки». То Ельцин топит партию, как персидскую княжну. То «красивые и обаятельные» Шеварднадзе и Гамсахурдиа «не могут уступить друг другу оказавшуюся в роли женщины власть». То «красноречивые либералы по очереди вальсируют с одной и той же дамой, слегка пошловатенько пальпируя ее талию, — с демократией».

Маньяк он, ваш Евтушенко, я отвечаю.

Пройдясь по ягодным местам, автор возвращается назад к «Белому дому» и глобальностям.

Лучшие люди на свете — сибиряки и футболисты. Первый после Сталина человек в послевоенной Москве — кепочник дядя Жора со Столешникова переулка, без вариантов. Всеволод Бобров — Шаляпин

русского футбола, Гагарин шайбы на Руси. Страшнее «Альфы» зверя нет. Все люди когда-то были мальчишками.

Кроме женщин. Женщины никогда не были мальчишками, и им не понять. Зато у них вместо глаз — брызги Байкала и черные смородины. И голубые прожилки на мраморе рук. Зато они «дышат поэзией, как жрицы благовониями храма». Убиться можно. Северянин, и тот не сказал бы лучше.

Негодяи тоже никогда не были мальчишками, они сразу родились карликами с «блестящей лысинкой», «масляными глазками», «липкими ладошками» и «запашком дерьмеца». И сразу начали пошловатенько хихикать. Лысина — вообще главная примета негодяя, но не только она. Снайперы надевают хипповские парики, чтобы грохнуть президента из гитарного футляра. Прилизанные безукоризненные проборы лезут в доверие к президенту со своими шкурными целями. Поросячьи лысины суетятся, торопясь «приватизнуть» как можно больше общемальчишечьего добра. Один только непокорный чубчик заслуживает доверия. Как увидишь выбившийся чубчик — все о'кей, наш человек. Футболист.

Такая кристально ясная картина мира требует рельефной очерченности Добра и Зла. За чем дело стало? Будущая защитница «Белого дома» в ночь первого свидания подбирает на улице пьяного. Будущий президент России мальчишкой отдает пыжиковую шапку за билеты на футбол. Будущий идеолог переворота жалит женщин под звуки военного марша, иначе не выходит. А когда весь народ у «Белого дома» грудью, кладбищенские шакалы Вовчик и Левчик тырят с могилы Высоцкого цветы на опохмел.

Суду все ясно. Добро доброе, зло злое. Наши светятся изнутри и сыплют стихами. Ихние пахнут ртом, ногами и подмышками. Хорошо — родина, армия, семья, футбол. Плохо — джинсы, торговля, порнуха, приватизация и засилье заморского ширпотреба. Да, еще волосатые. Немедленно возникает вопрос, что забыл поэт Евтушенко у «Белого дома» и почему сразу не подписал пресловутое «Слово к народу». Немедленно возникает ответ, что, видимо, никто и не предлагал.

Так поэт оказался в колыбели российской демократии, где принялся глядеться в пройденный путь и новейшую историю страны. Судьба и родина оказались едины, как Белка и Стрелка. За полвека стране было совершенно нечего вспомнить, кроме ввода войск в Чехословакию и сожжения чучела Евгения Евтушенко радикально настроенными писателями. С незначительными добавками футбола, баб и смерти Сталина. Рядом гляделись в прошлое соратники Е.Е. — от президента до ассенизатора. У всех в прошлом было одно и то же: Сталин, бабы, футбол, Евтушенко. Все кручинились. Чтобы вольнее распорядиться их биографиями, автор каждого закодировал узнаваемым псевдонимом. В итоге на золотом крыльце сидели: Маршал, Спикер, Президент, Полковник С Видом Генерала, Генерал Со Шрамами, Романтик Пуча, Поэт XXI Века, Глобальный Грузин, Великий Лагерник.

Особенно удался автору образ Человека-Виолончели. Прилетев издалека, Человек-Виолончель взшел на трибуну и захрипел-заурчал так, что, «приняв эту речь за один из звериных языков, в зоопарке откликнулись пронзительными криками павианы и бархатным рычанием тигры». Учитывая километровое расстояние от зоопарка до «Белого дома», нельзя не подивиться мощи, с которой пришлось хрюкать бедному Мстиславу Леопольдовичу, чтобы павианы из такой дали признали его за своего. Вот она, настоящая русская интеллигенция, как умильно говорят в таких случаях тетеньки с образовательного канала.

Другая глыба, президент России, разговаривая с Бушем по телефону и прижав трубку плечом, открывает бутылку кефира — не водки, подчеркивает Евтушенко,

ИТАР-ТАСС

а именно кефира. Другого времени выпить кефиру у президента России нет — погоди, Жорка, не части, у меня тут кефир, пмаешь. «Президент с удовольствием отвлекся от политики, что ему, впрочем, всегда доставляло удовольствие».

Маршал, в дальнейшем повесившийся, вспоминает, как бегал за своей ППЖ Тоней по берлинскому парку, куда их загнала майская гроза. Подруга дней суровых снимает сапоги, выливает оттуда воду будущему Маршалу на голову (как жив-то остался? можно подумать, сапоги регулировщицы чем-то отличаются от сапог Василь Иваныча) и с криком «Догоняй!» пускается наперегонки босиком по лесу. В спину им стреляет фанатик из гитлерюгенда (белобровый!), но они его в ответ бережно ранят в ногу и по-немецки объясняют, что война-то — окончена! А он — просто несчастный обманутый мальчишка.

Вообще трогательностью историй книга не уступит рубрике «Командировка по тревожному письму».

Сначала автора домогается 15-летняя девочка, которую преследует постылый отчим, а она хочет лишиться девственности только с любимым поэтом и строит в комнате баррикады, что двадцать пять лет спустя помогает ей при обороне «Белого дома».

Потом беженец-полуармянин-полуазербайджанец с женой, полугрузинкой-полуабхазкой, ночует в статуе Рабочего и Колхозницы, откуда их выгоняет общество «Память» по национальному признаку.

Затем следователь-демократ берет в семью дочь зоопарковской уборщицы, которую разорвал бешеный медведь, которого накормили булкой, нашипиганной иголками, — после чего девочку спасает из-под гусениц танков Маршал, расстроганный патриотическим подъемом у

«Белого дома» и впервые усомнившийся в своей исторической правоте (танки, как все помнят, гнали из Москвы сломя голову, задавленных девочек не успевали оттаскивать на обочину, и только Маршалам удавалось иногда спасти пар тройку сирот).

И под самый венец командир «Альфы», Генерал Со Шрамами, отказавшись брать «Белый дом», с болью вспоминает одного из убитых во дворце Амина — слугу, несшего на подносе кувшин шербега и подстреленного в момент игривого пируэта на ходу, так что розовые лепестки и хрустальные осколки сверкали в разлившейся влаге вокруг застывшего в пируэте тела. Кому интересно: во дворце Амина было убито триста человек охраны, «Альфа» же понесла самые большие потери за всю историю группы — 16 штыков, несмотря на все их доспехи, шлемы и ручные гранатометы. Бой там стоял такой, что в Душанбе было слышно, из чего у Евтушенко остались пируэты и взбитые сливки с лимонными дольками. И это еще не все. Еще больше ранила седую душу командира смерть оказавшегося среди телохранителей Амина его бывшего сокурсника Петьки. Когда-то Петька так зажигательно играл в клубе имени Дзержинского Гамлета, что хотели показать по телевизору, да в последний момент помешала секретность, и пришлось показывать Смоктуновского. А настоящий талант пропал ни за понюх. Вот оно, звериное лицо коммунизма.

Все это вместе зовется Историей, в которую навечно вписан Е.Е. со всеми своими любовями, кризисами и какой-то эмигрантской ненавистью к КГБ. С ним разговаривают президенты и гауляйтеры, его приглашают на ланч профессура и политбюро, а Ельцин дает ему отпить свое-

го кефира. И стихи его знают наизусть футболисты и воры, девушки с глазами-фонариками и кагэбэшники с глазами-сверлами, пионеры «с рыжими, как подсолнух, головами» и бабульки «с лебединой шеей балерины и глазами зеленушками, как два яйца, выточенные из малахита». Короче, весь мир — для доказательств близкого знакомства с которым он то и дело небрежно роняет: «на пути в Нью-Йорк», или: «спешите, а то нацисты вот-вот будут есть наше с вами эскарго и пить наше с вами шабли в кафе «Куполь», или даже: «Я красочно расписал, как буквально чуть ли не вся итальянская интеллигенция не ест своих *figli dei zucchini*, не пьет своего *barolo*, а только страдает и мучается из-за того, что такой талантливый поэт, как Любимец Ахматовой, пребывает где-то в северном колхозе, ворячая вилами коровий навоз».

Впрочем, для доказательства своего благородства он всегда был чудовищно многоречив.

Столь выпуклая картина Времени и Судьбы не могла обойтись без адекватных художественных средств. Без снайперских, кроссвордных ассоциаций. Альбион? Туманный. Кепка? Букле. Ельцин? Водка. Грузины? Гостеприимство. Джигарханян? Сократ. Японцы? Курильцы. Комсомольский вождь? Строгий пробор. Послевоенный футбол? Английская серия. Консерваторскую уборщицу, конечно, зовут тетя Паша, и ходит она в платке в мелкий горошек.

Человек, всю жизнь боявшийся прослыть пошляком, на старости лет сам роет себе яму. Потому что абсолютных определений мало, и уж никак не хватит на пятисотстраничный роман. И то у него щекастые яблоки, а то — арбузы. Здесь «красно-бархатное «Киндзмараули» а через 10 страниц — «краснобархатная свекольная шуба» (именно так, с разницей в орфографии). Не говоря уж о белоснежном молочном поросенке, белоснежной подбрюшине редиски и белоснежных младенческих пальчиках босой регулировщицы, возлюбленной будущим начальником Генштаба. А уж голубые фонарики глаз у него встречаются ровно 28 раз, в 7 раз больше, чем остобрыдлевшие всем читателям «Войны и мира» усики молодой княгини. Но там-то Лев Николаевич сознательно вызывал чувство отвращения к, казалось бы, миловидной, но, извините, усатой барышне. Здесь же образ вампира с голубыми фонарями на лице рождается вопреки воле умиленного автора.

Глаза итальянца — как влажные маслины. Песни Окуджавы — как последний троллейбус. Голос капитана КГБ похож на зеркально надраенные сапоги — ей-богу, не вру! А «озера глаз», «седые щеточки усов», «непокорные кудри», «вкрадчивые

походки» и «раскаленные от звонков трубки» — какво? А «футболист шел с чувством гола, забитого в его спину плетью»? А «идеологический отдел дома на Лубянке, как высококвалифицированный струнный оркестр, тонко играл свою макиавеллистскую музыку на салериевских струнах комплекса неполноценности» — а?!

И этот человек еще смеет наезжать на Тома Клэнси, Рекса Стаута и прочих гениев лотка! Как у него не отсохнет язык — особенно при взгляде на собственную мягкую обложку с золотым тиснением фамилии!

Или на стихи, венчающие жизненный путь.

Например:

*Свобода наша — недоучка,
В братоубийственном бою
Она завистница и злючка
И попрошайка с бомбою.*

Или вот:

*И «калашниковы» перегрелись,
Как на жарких перинах у вдов,
Показав человечеству прелесть
Переходных периодов.*

Или лучше:

*Хочу свободы — не разброда
И для себя, и для народа.*

Так отважно рифмовал в свое время только городская знаменитость поэт Поклѣпиков, битый в КГБ за несгибаемый нрав и железный стих:

*Академики копают грядки,
Доктора наук на борозде —
А на производстве беспорядки:
Нет документации нигде.*

Крепкие стихи. Всей и разницы, что

районному светилу Поклѣпикову, когда восторжествовали закон и историческая справедливость, КГБ заткнул рот заграничной поездкой, а всемирному светилу Евтушенко рот уже ничем не заткнешь.

*Сам себе чужой я на чужбине, —
пишет он,*

*всосанный в совсем чужую ночь,
будто бы на Родине убили,
ну а тело выкинули прочь.*

*И мое живое еле тело,
не надеясь даже на авось,
то куда-то небом полетело,
то землей едва поволоклось. <...>*

*Родины на Родине все меньше.
Видеть ее хотят в кабаке
чем-то вроде православной гейши,
но зажатой в царском кулаке. <...>*

*Но в России Ясная Поляна,
потому в любом чужом краю
я ее вовек не брошу, я на
столькие соблазны наплюю.*

*Ведь в России каждый огуречек
с неотлипшей нежною землей —
это как родимый человек
и любым пупырышком — он свой.*

Человек этот был рожден для такого абсурдного образования, как «Литературная газета», всю жизнь затыкая проплешины в стихах злободневностью. И красные не трогали его, как довлатовского поэта Дато, прискакавшего с шашкой к стенам КГБ в обиде, что всех больших поэтов уже забрали, а за ним все никак не идет. Из КГБ высунулись и сказали: «Уходи, Дато. Ты все равно ненастоящий поэт».

КГК

КГК

ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

Большой выбор, доставка, сборка, скидки

**РАБОЧИЕ МЕСТА,
отдельные предметы,**

КРЕСЛА, КАНЦЕЛЯРИЯ

ул. Делегатская, дом 7

☎ **973-90-57**

**КАБИНЕТЫ
для
РУКОВОДИТЕЛЕЙ**

ул. Делегатская, дом 3

☎ **925-12-62**

Тяжелое занятие

Аркадий АВЕРЧЕНКО

Недavno в Думе какой-то депутат сказал речь, приблизительно следующего содержания:

— Я не говорю, что нужно бить инородцев, вообще. Поляков, литовцев и татар можно не бить. Но евреев бить можно и нужно — я удивляюсь, как этого не понимают?!

Тогда же многие заинтересовались — как, каким образом депутат мог додуматься до сказанного им?

Многие изумлялись:

— Что это такое? Как человеческая голова может родить подобную мысль?

Вот как:

Однажды депутат не пошел в Думу, а остался дома и сидел в кабинете, злой, угрюмый, раздражительный.

— Что с тобой? — спросила жена.

— Речь бы мне нужно сказать в Думе.

А речи нету.

— Так ты придумай, — посоветовала жена.

— Да как же — придумай! Вот сижу уже третий час, стараюсь, как лошадь, а голова все не думает!

— Удивительно! Как же это человеческая голова может не думать?*

— Да так вот. Вот сижу и твержу сам себе: ну, думай же, черт тебя возьми... Придумай речь. Ну! И тут же глядишь на обои — думаешь: какие красивые красные цветочки! Или на стол посмотришь: хороший, мол, стол. Дубовый... Двести рублей за него плачено. Тут же сам себя поворачиваешь: да ты о речи лучше думай! И думаешь: «Речь» — газета такая есть. Кадетская. Речь... Можно иначе сказать — разговор. Только речь короче — в ней четыре буквы, а в разговоре — девять... Речь!! Имя существительное... Тьфу!

— А самой речи не выходит?

Депутат скорбно заморгал глазами:

— Не выходит. Не думается.

— А голова у тебя большая, — сказала задумчиво жена, смотря на мужа. — Тяжелая. С чего бы?

— Да черта ли в ней, что большая! Чего не надо — то она думает: о цветочках там, о столе. А как к речи обернешься — стоп, анафемская. Молчит.

— А ты поболтай ею так! Пошибче... Может, мозги застоялись.

Депутат покорно поболтал головой.

— Ну?

— Ничего. Молчит. Вот в окно сейчас посмотрелось и подумалось, что, если у того дома крышу снять, — смешно будет или не смешно? Должно, смешно и странно.

Жена вздохнула и вышла из комнаты.

— Тише! — крикнула она детям. — Не мешайте папе. Ему нехорошо.

— А что с ним? — спросили дети.

— Голова молчит.

А в кабинете сидел отец опечаленных малюток, тряся тяжелой головой, и бешено шипел:

— Да думай же, анафемская! Думай, проклятая.

К обеду вышел еще более злой, с растрепанными волосами и мутными остановившимися глазами.

Проходя в дверь, злобно стукнул головой о косяк и заревел:

— Будешь ты думать? Вот тебе! Думай, думай!..

Дети испугались. Заплакали.

— Что это он, мама?

— Не бойтесь. Это он голову разбудить хочет. Голова у него заснула.

После обеда несчастный депутат снова перешел в кабинет. Повернулся спиной к столу, к обоям, закрыл глаза.

Жена подходила, прислушивалась. Все безмолвствовало.

Около семи часов из кабинета послышался легкий стук и потом шорох, будто кто-нибудь перебирал камушки.

— Слава Богу! — перекрестилась жена. — Кажется, задумался.

Из кабинета доносилось легкое потрескивание, шорох и скрип.

— Что это скрипит, мама? — спрашивали дети, цепляясь за юбку матери.

— Ничего, милые. Не бойтесь. Это папа думает.

— Тяжко, небось? — в ужасе, широко открыв глаза, спросил малютка Ваня.

— А ты как полагаешь!.. Никогда в роду у нас этого не было.

Чтоб думать.

Депутат стоял на трибуне.

— Говорите же! — попросил председатель. — Чего ж вы молчите?

— Сейчас, сейчас, — тяжело дыша, прошептал депутат. — Дайте начать... О чем бишь я хотел...

На лбу надулись черные жилы. Теплый пот струился по лицу, скатываясь за воротник.

— Ну же! Скорее.

— Сейчас, сейчас...

Глаза вылезли из орбит. Голова качнулась на шее, вздрогнула... послышался явственный треск, лязг и потом шорох, будто бы где-то осыпалась земля или рукой перебирали камушки. Что-то затрещало, охнуло... депутат открыл рот и с усилием проревел:

— Я не говорю, что нужно бить инородцев вообще. Поляков, литовцев и татар можно и не бить... Но евреев бить можно и нужно — я удивляюсь, как этого не понимают!

Вот откуда взялась эта речь.

Из книги «Сорные травы», 1914 г.
Публикация Р.СОКОЛОВСКОГО

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

* Подлинные слова, сказанные Марковым 2-м с трибуны 3-й Думы. Марков М.Е. — один из лидеров «Союза русского народа», монархист.

ПАЛЛА

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Блоха дядя Степа после долгой и продолжительной супружеской жизни с блохой Лукерьей вдруг как-то однажды не явился домой.

Оказалось, он ушел к буфетчице пиявке Дусе, известной под кличкой Сосо.

Причем он ушел, бросив все: детей, внуков, правнуков, праправнуков et cetera (10 поколений в месяц), налаженный дом, дачный участок, транспортное средство, т.е. собаку Гуляша, а также друзей с гиены Зои, к которым ходили каждый уик-энд на кровавую колбасу.

Блоха Лукерья поскакала к ворожее, козловой баушке Маланье, та отвертелась туманной цитатой «не мыло, не измылитесь» и вообще говорила с Лукерьей в стиле все вы блохи нация такая.

Блоха Лукерья обиделась за свой народ и поселила к бабушке самую отпетую семью праправнуков, так называемых «махновцев», 165 голов, в результате козлова бабка Маланья потом долго расчесывалась в бочке с керосином, непечатно вспоминая визит Лукерьи.

Что касается блохи дяди Степы, то он, по слухам, устроился работать вместе с пиявкой буфетчицей Дуськой по кличке Сосо в ночь на полставки в гипертоническое отделение, где пиявку ценили, несмотря на то, что она всегда еле ползала, набрамшись.

Блоха дядя Степа раздобыл на больничных харчах, днем отсыпался и так далее, пока наконец шалавая пиявка не была обнаружена им, Степаном, в объятиях воробья Гусейна.

Когда и где они успели познакомиться, неизвестно, Гусейн вро-

де бы лечил хвост в стационаре, в урологии, но пиявка Сосо отрицала измену, уходила от ответа, всячески виляла, просто воробей взял ее полетать, так она объясняла свое отсутствие.

Но не то было с воробьем Гусейном, который заявил, что хорошо сюда париться, ты, копченый.

Так что в один миг блоха дядя Степа оказался яко наг, яко благ, т.е. без ПМЖ и, мало того, в депрессивном виде.

То есть он вернулся домой к блохе Лукерье, но детей у них больше уже не было, так как дядя Степа ночами сидел с радикулитным зятем блохой Валериком и коллекционировал шпингалеты.

Правда, он взялся за строительство, когда махновцы в полном составе, в кибитках, с узлами и колясками вернулись на родину, исключительно сильно воняя керосином, без которого они теперь не могли жить.

(Они приняли так называемый «передоз», т.е. вмазались не по-детски, говоря их словами, в бочке у козловой бабушки.)

Дядя Степа-блоха ничего не понял, но построил им на скорую руку поселок Светлый подальше, в сейсмоопасной зоне «Бам», на хвосте у Гуляша.

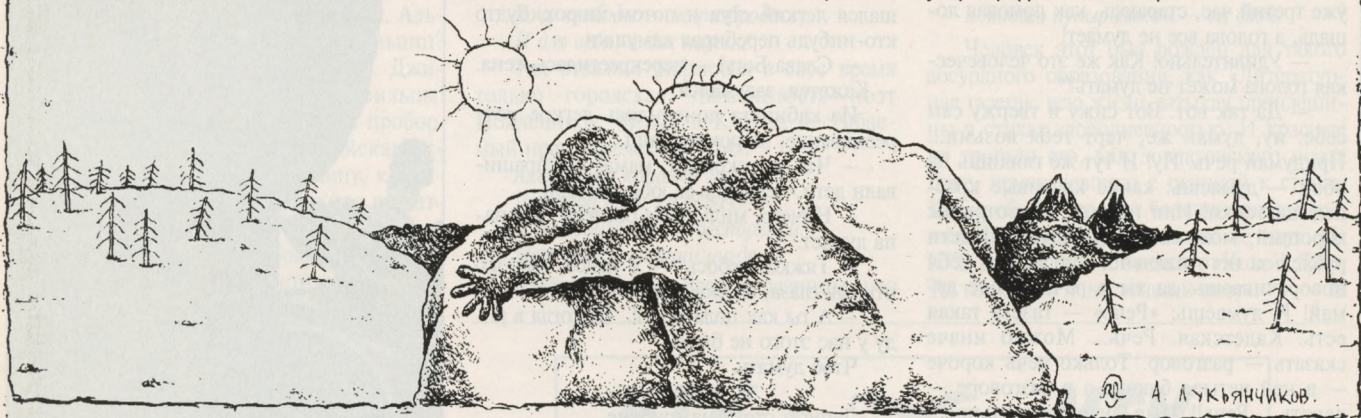
— Наркоманы проклятые, — проводила их блоха Лукерья напутственным словом с лоджии.

А блоха дядя Степа стоял рядом как сиротка, ожидая одобрения, но не дождался.

— Почему это, — спросила в пространство блоха Лукерья, и ее смуглое лицо заблестело от слез, — почему это тебя испортили, а я должна расхлебывать. Твоя эта палла.

И он ее горестно обнял.

И назавтра блоха Лукерья родила точно в срок.

Палехская роспись

Озаряя ярким светом
Вековую темноту,
Едет по небу ракета
С человеком на борту.

Человек в научных целях
Из ракеты смотрит вниз.
Вот уж ровно две недели,
Как он в воздухе повис.

В рамках заданной программы
Дни и ночи напролет
Он в пролет оконной рамы
Наблюдение ведет.

Из глубин межзвездной бездны
Через толстое стекло
Ископаемых полезных
Он фиксирует число.

Независимый, как птица,
Он парит на зависть всем
И на землю возвратиться
Не торопится совсем.

Но когда придет команда
Завершить ему полет,
Приземлится там, где надо
И домой к себе пойдет.

Международная ассоциация журналистов

"АСМО-пресс"

издатель серии престижных каталогов "Элита бизнеса - "Дарин"
извещает о выходе в свет во втором полугодии 1994 года
и первом квартале 1995 года следующих изданий:

"Элита бизнеса. Содружество Независимых Государств"

выпуск первый

"Элита российского бизнеса - 95"

"Знаменитые женщины России"

"Банки России - 95"

"Туризм-люкс"

"Шарм"

"Элита московского бизнеса - 95"

Торгово-сервисный каталог "Шарм"

"Элита бизнеса. Содружество Независимых Государств"

выпуск второй

Информацию о каталогах
можно получить по телефонам:

(095) 270-69-30

(095) 206-06-34

АСМО
пресс

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас с приобретением нашей пластиковой карточки!

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, Вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал карточку. С помощью STB Card вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков или через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

- Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;
- Вы сможете хранить деньги на счете в любой валюте;
- открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобнее;
- расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;
- пропажа карточки не является потерей денег.

БЫТОВАЯ ТЕХНИКА

13 СТУПЕНЕК

Химкинский б-р, д.16/1
М. «Сходненская»
Тел. 493-41-18 10.00—19.00

ORTSHOP

Литовский б-р, д.3а
М. «Ясенево»
Тел. 427-62-11 9.00—20.00

АВТОИНФОРМСЕРВИС

ВВЦ, павильон «Профсоюзы»
М. «ВДНХ»
Тел. 974-71-93 10.00—18.00

АМО Лтд.

Каширское ш., д.57, корп.2
М. «Каширская»
Тел. 344-68-04 10.00—20.00

БЕРЕЗКА № 2

Краснохолмская наб., д.5/9
М. «Таганская»
Тел. 271-92-71 9.00—20.00

БЕРЕЗКА-ВЫБОР

Сиреневый б-р, д.69
М. «Щелковская»
Тел. 463-63-67 10.00—19.00

БОШ

Ленинский пр-т, д.40
М. «Ленинский проспект»
Тел. 135-14-53 10.00—20.00

БРИДЖ

ВВЦ, павильон «Металлургия»
М. «ВДНХ»
Тел. 181-99-56 10.00—18.00

БСГ

Тверская-Ямская, д.7
М. «Маяковская»
Тел. 973-18-15 9.00—20.00

ВИКТОРИЯ-САУНД

Литовский б-р, д.7
М. «Ясенево»
Тел. 425-60-21 10.00—19.00

ИМПУЛЬС

Красикова ул., д.9
М. «Профсоюзная»

Тел. 250-29-10 10.00—19.00

КВАНТ

Ананьевский пер., д.16/18
М. «Суваревская»
Тел. 207-25-86 9.00—18.00

Даев пер., д.2

М. «Суваревская»
Тел. 207-05-88 9.00—18.00

Спартакoвский пер., д.26

М. «Бауманская»
Тел. 265-17-27 9.00—18.00

КОМЕК

ВВЦ, павильон «Атомная энергия»
М. «ВДНХ»
10.00—17.00

ЛИХТ ХАУС ВОЛЛЕ-М

Мясницкая ул., д.35
М. «Тургеневская»
Тел. 207-98-50 9.00—19.00

МЕЛКОМ

Тайнинская ул., д.9

МЕЧТА

Сретенка ул., д.15
М. «Суваревская»
Тел. 928-62-14 9.00—20.00

МОСПРОМ

Симоновский Вал ул., д.15а
М. «Пролетарская»
Тел. 274-52-23 10.00—20.00

ОЛБИ ДИПЛОМАТ

Петровка ул., д.2
М. «Театральная»
Тел. 928-50-47 9.00—20.00

ОЛИМП

Олимпийский пр-т, д.16
М. «Проспект мира»
Тел. 288-56-22 10.00—19.00

ПЕТРОВСКИЙ ПАССАЖ

Петровка ул., д.10
М. «Театральная»
Тел. 923-70-80 9.00—20.00

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЛИЗИНГ

Тверская ул., д.24

М. «Тверская»

Тел. 299-99-25 9.00—21.00

РОСИНТЕХ

Пушкинская ул., д.7/5
М. «Театральная»
Тел. 299-45-05 10.00—19.00

СЕТ-14

Новогиреевская ул., д.10
М. «Шоссе Энтузиастов»
Тел. 304-43-34 10.00—19.00

СМОЛЕНСКОЕ СЕННОЕ

Смоленская ул., д.10
М. «Смоленская»
Тел. 241-43-90 9.00—20.00

СОВИНТЕРАВТОСЕРВИС

Институтский пер., д.2/1
М. «Новослободская»
Тел. 299-77-73 10.00—20.00

ТД КАПРИЗ

Бухвостова ул., д.12/11
М. «Преображенская площадь»
Тел. 962-02-11 11.00—19.00

ТД ЛАБИРИНТ

ВВЦ, павильон «Оптика»
М. «ВДНХ»
Тел. 181-40-88 10.00—18.00

ТД ТАГАНКА

Таганская ул., д.1/2, корп.1
М. «Таганская»
Тел. 271-39-72 10.30—20.00

ТЕХНИКА 2000

ВВЦ, павильон «Межотраслевой»
М. «ВДНХ»
Тел. 974-74-52 10.00—18.00

ЭКСПОШОП № 4

СУПЕРМАРКЕТ
1-й Красногвардейский пр-д,
д.12
М. «Улица 1905 года»
Тел. 205-60-87 10.00—20.00

ЭКСПОШОП № 5

КЭШ & КЕРРИ
1-й Красногвардейский пр-д,
д.12

М. «Улица 1905 года»

Тел. 205-60-88 10.00—20.00

ЭЛЕКОМ

Симферопольский б-р, д.17а
М. «Каховская»
Тел. 110-49-31 10.00—19.00

ЭЛЕКТРОБЫТОВЫЕ ТОВАРЫ

А.Р.ИМПЭКС

ВВЦ, павильон «Центр-Москва»
М. «ВДНХ»
Тел. 974-62-51 10.00—18.00

БЕРЕЗКА № 2

Краснохолмская наб., д.5/9
М. «Таганская»
Тел. 271-92-71 9.00—20.00

БИККС

Верхняя Масловка ул., д.21
М. «Динамо»
Тел. 212-12-44 10.00—18.00

ВИКТОРИЯ-САУНД

Литовский б-р, д.7
М. «Ясенево»
Тел. 425-60-21 10.00—19.00

ГОЛЬФСТРИМ ИНТЕРНЭШНЛ

Средний Тишинский пер.,
д.5/7
М. «Белорусская»
Тел. 255-58-48 10.00—18.00

ИМПУЛЬС

Александра Невского ул., д.1
М. «Белорусская»
Тел. 250-89-58 10.00—19.00

Красикова ул., д.9

М. «Профсоюзная»
Тел. 250-29-10 10.00—19.00

ИНВИРД

Ленинский пр-т, д.89/2
М. «Новые Черемушки»
Тел. 132-15-38 10.00—19.00

ИНТЕРМЕБЕЛЬ

Литвина-Седого ул., д.9/26
М. «Улица 1905 года»
Тел. 259-69-33
10.00—19.00

КВАНТА ИНВЕСТ

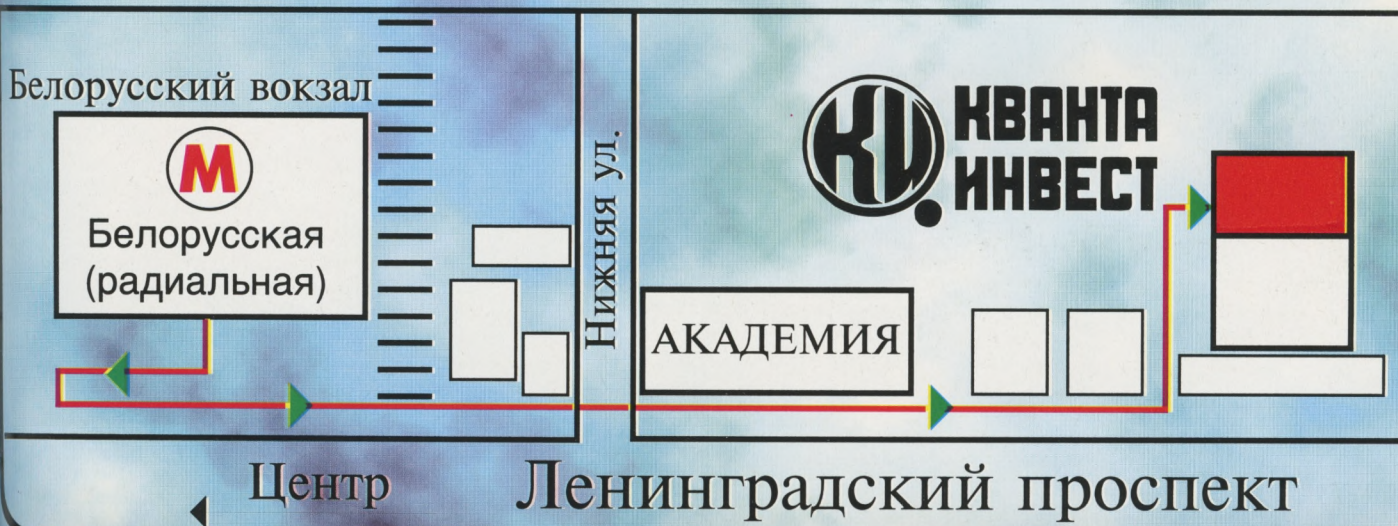
**ПРИВЛЕКАЕМ СВОБОДНЫЕ
ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА**

**ДЛЯ ИНВЕСТИРОВАНИЯ
В ВЫСОКОРЕНТАБЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ**

НАШИ АДРЕСА:

- ст. м. "Белорусская" (радиальная), Ленинградский пр-т, д.5, стр.2;
 - ст. м. "Тургеневская", "Чистые пруды", Уланский пер., 8/10, проход с пр-та Академика Сахарова (только прием вкладов).
- Тел.: 924-1624, 924-1636, 924-1585, 529-5643, 534-5947,
474-2955, 372-9718, 371-3238, 356-6080, 310-2257, 310-4138.

Наличные деньги могут остаться лишь на полотнах старых мастеров да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК